

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1/2010

Учредитель издания:

Государственное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Богданов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
О. М. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
М. М. Рассолов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е. В. Шибанова, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии,
2010

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754,

8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работы:

В. А. Виноградова, Е. Б. Елисеева, Е. В. Зайцева, Е. А. Козырева, Ю. С. Петрова

Дизайн: Ю. С. Петрова

Верстка: Е. Б. Елисеева

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60*90 1/8. Печ. л. 12.

Подписано к печати 12.03.2010

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Алексеев А. И.

Убийство Жана Поля Марата и Авеля 3

Соколов Н. Я.

Юристы о мерах по укреплению законности и правопорядка 7

Гражданское право

Бурковская А. А.

О правовых аспектах защиты прав детей в судебном порядке 12

Семенова Т. В.

Этапы развития представлений о сделках юридических лиц, осложненных конфликтом интересов 17

Тютерева Н. Н.

К вопросу о трудовом характере крестьянского хозяйства 23

Чельшкова Л. В.

История развития правосубъектности учреждений: зарождение и настоящий момент 27

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Амелин А. А.

Проблемы квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 285 и 292 Уголовного кодекса Российской Федерации 33

Иванов А. Н.
Проблемы
удаленного исследования
компьютерной информации
при расследовании преступлений 38

Иншаков С. М.
Принципы изучения
латентной преступности 43

Радченко В. И.
К вопросу о взаимосвязи
законодательства
и судебной практики 47

Савин В. Ю.
Возможности применения
административной преюдиции
по делам о сводничестве 52

Шафранова М. В.
Уголовно-правовая характеристика
злостного уклонения
от погашения кредиторской
задолженности:
проблемы квалификации
и разграничения
со смежными составами 56

Шишкин С. И.
Ограничение свободы
как вид уголовного наказания:
особенности, противоречия,
перспективы 61

Финансовое и налоговое право

Кадиалиев М. К.
Проблемы правовой культуры
и психологии личности в сфере
налоговых правоотношений 67

Романов Д. И.
Бюджетный контроль
в Российской Федерации: некоторые
теоретико-правовые вопросы 71

Конституционное и муниципальное право

Привалова Л. В.
Представительность как признак
правовой природы представительного
органа муниципального образования... 76

Сокращения, принятые в издании 80

Наши авторы 81

Вышли из печати 85

Перечень статей и материалов,
опубликованных в 2009 году 86

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям,
направляемым в редакцию
журнала «Вестник
Российской правовой академии» 92

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340“17”

А. И. Алексеев
A. I. Alexeev

Убийство Жана Поля Марата и Авеля The Murder of Jean Paul Marat and Abel

Автор интерпретировал в основном с позиций права и закона произведения живописи и художественной графики, в которых мастера изобразительного искусства на протяжении XIII—XX вв. обращались к различным аспектам юриспруденции: юридическим символам, законотворчеству, судопроизводству, преступлению и наказанию.

Право; юриспруденция; преступление; убийство; искусство; живопись; скульптура; художественная графика; Ж.-Л. Давид; Я. Тинторетто; Г. Доре; Великая французская революция; Ж. П. Марат; библейские сказания; Каин; Авель

The author interpreted mainly on the legal basis works of painting, sculpture and graphic arts in which masters of fine arts from different countries and of different nationalities during the period of XIII—XX centuries turned to various aspects of jurisprudence: juridical symbols, law creation, court procedure, crime and punishment.

Law; jurisprudence; crime; murder; art; painting; sculpture; graphic arts; J.-L. David; Y. Tintoretto; G. Dore; The Great French Revolution; J. P. Marat; biblical legends; Cain; Abel

Насильственная смерть Жана Поля Марата (1743—1793) всколыхнула всю Францию, и без того бурлившую революционными потоками. Она стала трагедией общенационального масштаба и повлекла за собой необратимые процессы. Иначе и не могло быть, поскольку этот человек многое значил для страны, которая, освободившись от феодальных пут, под звуки «Марсельезы» начала кардинально обновляться. Впрочем, переменны коснулись не только Франции, но и всей Европы и цивилизованного мира в целом.

Получив блестящее образование в области философии и естественных наук, Марат приступил к врачебной практике, опубликовал ряд трудов по физике и медицине. Однако делом его жизни стала политическая борьба, кипучая революционная деятельность. Он по праву занимает

свое место в ряду таких знаменитых вождей Великой французской революции, как Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст, возглавивших крайне левое — якобинское крыло политических сил Франции того времени. Внутри страны им противостояли не только роялисты — защитники монархического строя, но и всякого рода соглашатели, сторонники половинчатых решений, попутчики и предатели революции, воспользовавшиеся ее первыми плодами (принятием знаменитой Декларации прав человека и гражданина и антифеодального законодательства, отменой политических привилегий дворянства и духовенства, ликвидацией монархии и др.) и стремившиеся поставить на этом точку, затормозить дальнейшее развитие революционных преобразований в пользу народа, широких слоев социального низа. В этом лагере заметную

роль играли выразители интересов крупной буржуазии — жирондисты (название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие лидеры политической группировки).

В нашу задачу не входит рассмотрение всех перипетий их сложных отношений с якобинцами. Отметим лишь, что жирондисты, выступавшие на начальном этапе революции против абсолютизма, постепенно превратились в контрреволюционную силу. Изгнанные из власти в результате народного восстания, они, блокируясь с другими врагами революции, пытались развязать гражданскую войну, поднимая мятежи в ряде департаментов. Вооруженные атаки контрреволюционных сил, поддерживаемые агрессией извне, удалось отбить. В стране установилось полновластие (диктатура) якобинцев, но сопротивление жирондистов продолжалось. Наряду с массовыми вооруженными выступлениями против якобинцев они использовали в борьбе с ними тактику индивидуального террора. В частности, были убиты вождь лионских якобинцев Шалье, один из самых преданных идеям революции якобинских депутатов Конвента Лепелетье де Сен-Фаржо. А в июле 1793 г. от руки убийцы, нанятой жирондистами, пал Жан Поль Марат.

Он всегда был своего рода бельмом на глазу для руководителей Жиронды. Их раздражала непоколебимая верность Марата идеям революции, которую он неизменно демонстрировал как истинный властитель дум и реальный политик, депутат Конвента — высшего законодательного и исполнительного органа первой французской республики. Им претила его огромная популярность, неофициальный статус друга народа, который он приобрел как издатель одноименной газеты. Еще находясь в структурах власти, жирондисты инспирировали арест и предание Марата суду революционного трибунала, но он был

оправдан и с триумфом возвращен в Конвент. А на этапе вооруженной борьбы с якобинцами главари жирондистов приняли решение о физическом устранении Марата. Исполнение преступного замысла было поручено Шарлотте Корде, нормандской дворянке, подпавшей под влияние жирондистов, которые после изгнания из органов власти создали в городе Кане контрреволюционный центр для борьбы с якобинцами. Корде прибыла в Париж и под предлогом разоблачения канских заговорщиков проникла в квартиру Марата. Он принял ее в необычной обстановке, находясь в ванне. Это объясняется тем, что Марат тяжело болел, страдал заболеванием кожи, от которого помогали водные процедуры. В то время как он изучал, что называется, с карандашом в руке прошение Ш. Корде, она нанесла ему смертельный удар в сердце.

На картине «Смерть Марата» (1973 г.) выдающегося французского живописца **Жак-Луи Давида** (1748—1825), написанной по горячим следам трагического события, изображен только что состоявшийся акт зловещего политического террора. От полотна Давида, по выражению всемирно известного немецкого искусствоведа Рихарда Мутера, «веет неподдельным ужасом смерти». Светом выделены сникшая голова убитого, его плечи и руки, одна из которых держит прошение убийцы, другая, безвольно упавшая, — основной рабочий инструмент Марата — перо. Тщательно выписаны полузакрытые веки, искривленные смертной судорогой губы. На полу лежит окровавленный нож, которым только что был нанесен удар. Денежная купюра и записка на подставке перед ванной свидетельствуют о том, что друг народа, пламенный публицист был не чужд прозы жизни, занимался конкретными, сугубо земными делами. На бумаге написано: «Отдайте эту ассигнацию той матери шестерых детей, чей муж умер за Родину».

Марат погиб 13 июля, на следующий день вышел последний номер его газеты «Друг народа». Тогда же Робеспьер, выступая в якобинском клубе, сказал: «Надо, чтобы убийцы Марата и Пелетье искупили на площади Революции свое ужасное преступление. Надо, чтобы пособники тирании, вероломные депутаты, развернувшие знамя мятежа, те, кто постоянно точит ножи над головой народа... ответили нам своей кровью, чтобы мы отомстили им за кровь наших братьев, погибших во имя свободы».

В той же тональности выдержаны слова Давида — якобинца по убеждениям и деяниям, художника, который занимал активную гражданскую позицию, был членом Конвента (его комиссии по делам искусств), удостоенным почетного звания «Живописец Революции».

Давид был не только соратником, но и другом убитого. Накануне гибели Марата он видел его в той самой ванне, а после трагедии запечатлел убитого в натуре, сделав предварительный рисунок пером. Картина Давида при всех ее несомненных художественных достоинствах — это своеобразная политическая акция и одновременно выражение личного горя. Она была готова через три месяца. Вручая полотно якобинскому Конвенту (который заказал его художнику), Давид вслед за Робеспьером произнес: «Народ взывал ко мне: возьми кисть, отомсти за Марата так, чтобы содрогнулись враги, увидев искаженные черты человека, ставшего жертвой своей любви к свободе».

Похороны Марата превратились в грандиозную манифестацию, продемонстрировавшую единение якобинской власти и народа.

Суд над Ш. Корде был скорый, хотя, судя по всему, справедливый. Ее приговорили к смертной казни и уже 17 июля 1793 г. гильотинировали. А вскоре враги Революции действительно содрогнулись под напором ответного террора со стороны якобинцев.

Остановимся на широко распространенном мнении, согласно которому гильотину изобрел французский врач Жозеф Гильотен и это ноу-хау якобы принадлежало Великой французской революции. На самом деле это орудие казни было известно давно. Его применяли еще в Древней Персии и средневековой Германии. А в документах французского Национального собрания за 1789 г. сохранилось заявление Гильотена о том, что все смертные приговоры в революционной Франции следует приводить в исполнение одним, единым для всех приговоренных способом, невзирая на сословную принадлежность осужденных, и лучше это делать с помощью такого «гуманного» сред-

ства, как падающий нож (иногда его называют топором), который к тому времени уже был опробован во Франции (в частности, при казни уличного разбойника по имени Пелисье). Именно так это орудие казни связалось с личностью Гильотена, ратовавшего всего лишь за абсолютное (во всех отношениях) равенство людей. Причем связалось настолько крепко, что потомки профессора анатомии Гильотена после его кончины, тяготившиеся даже косвенной причастностью к узаконенному смертоубийству, поменяли свою фамилию.

Если лишение жизни Марата — ярко выраженное политическое преступление (террористический акт), то убийство Авеля Каином, о котором пойдет речь далее, относится по социально-правовой характеристике к бытовой преступности. И еще одно существенное различие: убийство Марата — доподлинный факт реальной жизни, зафиксированный документально, история же с Авелем и Каином, уходящая в глубь веков, дошла до нас в качестве библейского сказания. Верующие и атеисты по-разному относятся к тому, о чем сказано в боговдохновенной книге книг. Но, несомненно, наряду с явными нелепицами (вроде того, что Адам прожил 930 лет, а Мафусаил — 969!), в Библии нашли отражение и реально действовавшие персонажи, имевшие место в истории события, по крайней мере частично подтверждаемые строгим научным анализом и даже археологическими раскопками.

Суть библейского сказания о двух братьях такова. Каин и Авель были сыновьями Адама и Евы. Старший Каин занимался земледелием, младший Авель — скотоводством. Однажды Авель преподнес Яхве первородных ягнят. Дар его был с благодарностью принят. Когда же Каин принес Богу плоды земли, то его подношение Яхве отверг. Это привело Каина в гнев. Заметив это, Яхве пытался успокоить обиженного, призвать его к добрым делам и отвратить от злобы и возможного греха. Однако Каин не внял предостережениям. Снедаемый завистью, он заманил Авеля в укромное место и убил его. Узнав о преступлении, Яхве спросил убийцу: «Где Авель, брат твой?» — «Не знаю, — ответил Каин. — Разве я сторож брату моему?» Тогда Бог сказал: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли». После чего Яхве проклял Каина, объявил его изгнанником и обрек на вечное скитание. В этом состояла каинова печать. Интересно, что данное словосочетание до сих пор употребляют для обозначения людей преступных и проклятых, отверженных в связи с причиненным ими злом.

Убийства из мести, замешанной на зависти, нередки в истории, поэтому изложенная дра-

ма выглядит правдоподобно, особенно если на место Яхве поставить главу или совет старейшин рода (племени). Вполне возможно, что библейский миф имел реальную основу, более того, отразил типичные обстоятельства, многократно повторявшиеся в далеком прошлом. В частности, существует мнение о том, что в нем рассказано о сложных взаимоотношениях земледельческих и скотоводческих этнических групп, их борьбе между собой, в ходе которой случались и убийства.

Рассмотренный сюжет привлекал внимание многих художников, как отечественных, так и зарубежных.

Выдающийся мастер эпохи Позднего Возрождения **Якопо Тинторетто** (1518—1594) на картине «*Каин убивает Авеля*» (1550—1553 гг.) изобразил момент, близкий к кульминации злодеяния: в смертельной схватке сплелись два тщательно выписанных мужских тела. Над поверженным Авелем занесен нож, который вот-вот вонзится в него Каин. Живописец Тинторетто был прекрасным рисовальщиком, он считал и неоднократно подтверждал в своем творчестве, что именно графика (рисунок) придает изящество и совершенство тому, что изображается красками, т. е. живописи как таковой. Все это хорошо видно на картине. Благодаря сильным световым эффектам

и безупречной графике в ней переданы сложные ракурсы, движение, динамизм и трагизм происходящего.

Несколько иначе трактует ту же тему известный французский график **Гюстав Доре** (1832—1883) в гравюре «*Убийство Авеля Каином*» (1860-е гг.).

Здесь преступление уже свершилось: на земле лежит убитый Абель, на которого, осознав, видимо, весь ужас происшедшего, смотрит Каин. Состояние окружающей природы: трава и ветки, гнущиеся под сильным ветром, гроза на небе — подчеркивает трагизм свершившегося.

Картина Я. Тинторетто и гравюра Г. Доре не только высокохудожественные произведения искусства. Они одновременно весьма информативные источники, отражающие определенные страницы истории человечества, позволяющие нам глубже проникнуть в преданья старины глубокой, познать сложные перипетии вечной, как мир, борьбы добра со злом.

УДК 340

Н. Я. Соколов
N. Y. Sokolov

Юристы о мерах по укреплению законности и правопорядка

Lawyers about the Ways of Strengthening Lawfulness

В статье анализируются данные, полученные по итогам проведенного автором социологического исследования правовой культуры юристов-практиков, в ходе которого было опрошено около 800 человек. В ней содержится сопоставительная таблица о влиянии профессиональной специализации юристов на выбор мер, направленных на укрепление законности и правопорядка. Дается также сравнительный анализ предпочтительных юристами мер по укреплению законности и правопорядка в советское и постсоветское время.

Профессиональные юристы; законность; законодательство; правопорядок; правовое сознание; профессиональная культура; правовое воспитание; судебная реформа; юридическая ответственность; социологическое исследование

The article analyzes the data obtained on the basis of the conducted sociological study of legal culture practitioners, during which nearly 800 people were polled. The paper contains a comparative table of the impact of professional expertise of lawyers in the choice of measures aimed at strengthening the rule of law. We give a comparative analysis of the preferences of lawyers, measures to strengthen law and order in the Soviet and post-Soviet period.

Professional lawyers; legitimacy; legislation; rule of law; legal consciousness; professional culture; legal education; judicial reform; legal liability; sociological study

Движение российского общества по пути демократического правового государства предполагает обеспечение законности, установление в нем устойчивого правопорядка. Отсюда понятна важность изучения общественного мнения о путях, способах и средствах их укрепления. Существенное значение имеет также исследование соответствующего мнения правоведов. Это обусловлено уже сущностью юридической профессии, социальной ответственностью данных специалистов за состояние и эффективность функционирования механизма правового регулирования, исключительно важное место в котором принадлежит законности и правопорядку.

Каковы же, по мнению юристов, основные направления, пути упрочения законности и правопорядка в современной России? В какой-то степени ответ на этот вопрос дают результаты проведенного автором социологического исследования профессиональной культуры юристов, в котором была использована квотная выборка внутри каждой специализированной профессионально-юридической группы. В ходе изыскания применялось анкетирование и интервьюирование. Важно отметить также, что опрошенные юристы выступали одновременно и как представители определенной социально-профессиональной группы, и как эксперты, обладающие запасом специ-

альных знаний. Вместе с тем при подготовке анкеты учитывалось мнение высококвалифицированных специалистов.

Опрос проводился во время обучения сотрудников соответствующих юридических органов на факультете повышения квалификации Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, а также Российской академии правосудия, в Институте повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Анкетирование юрисконсультов проходило во время их занятий в школе бизнеса «Статус». В ходе опроса адвокатов значительная помощь была оказана адвокатской палатой Московской области.

Согласно программе исследования распространено 1 200 бланков. После предварительной обработки полученного массива машинной обработке подвергнуто 798 бланков опроса, в том числе 109 анкет судей, 106 — прокуроров, 135 — следователей, 103 — адвокатов, 111 — юрисконсульты, 115 — нотариусов, 119 — судебных приставов [1].

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Какие из мероприятий, направленных на укрепление законности и правопорядка, являются, по Вашему мнению, наиболее эффективными?». В результате 54 % опрошенных назвали обеспечение неотвратимости ответственности за правонарушения; 51 % — улучшение правового воспитания граждан; 30 % — последовательное проведение в жизнь судебной реформы; 27 % — повышение требований к должностным лицам и хозяйственным руководителям за законность принимаемых решений; 24 % — повышение уровня заработной платы юридических работников; 22 % — повышение уровня профессиональной подготовки юристов, их правовой культуры; 21 % — изменение законодательства и карательной практики в сторону усиления юридической ответственности; 19 % — повышение престижа юридических органов и учреждений; 14 % — более широкое участие населения в охране общественного порядка; 7 % — повышение общей культуры в деятельности юридических органов и учреждений, более широкое внедрение в нее достижений науки и техники; 2 % — увеличение числа работников юридических органов и учреждений; 2 % — изменение законодательства и карательной практики в сторону смягчения юридической ответственности; 1 % — повышение уровня безопасности должностных лиц правоохранительных органов (респонденты могли давать несколько ответов, поэтому общая сумма полученных данных составляет более 100 %).

Таким образом, основным направлением укрепления законности и правопорядка, по мнению опрошенных, является *обеспечение неотвратимости ответственности за совершенные правонарушения*. Следует отметить, что в данном случае профессиональное мнение полностью совпадает с общественным. Дело, как известно, не в жестокости наказания, а в его неотвратимости. Данный фактор и в современных условиях является важнейшим показателем эффективности борьбы с преступлениями и другими правонарушениями, общего состояния законности [2]. Отсюда особая значимость открытого и правдивого освещения состояния правопорядка в обществе, деятельности правоохранительных органов, их успехов и откровенных промахов [3].

Обращает на себя внимание и то, что в деле укрепления законности и правопорядка особое значение опрошенные придают *правовому воспитанию*. На наш взгляд, определенный опыт правового воспитания, накопленный в советские годы, может быть использован и в современных условиях, когда уровень правовой культуры населения не может не вызывать озабоченности. В связи с этим были бы уместными разработка и последовательное проведение в жизнь федеральной комплексной программы по повышению правовой культуры населения.

Чрезвычайно важно, чтобы правовоспитательные мероприятия проводились с учетом возрастных, профессиональных и других социальных особенностей различных категорий населения. В современных условиях большое значение приобретают правовая подготовка должностных лиц и других государственных служащих, правовое просвещение учащейся молодежи, правильная постановка правовоспитательной работы в коллективах и т. д. Представляется, что к решению проблем правового воспитания более активно могли бы подключиться и многочисленные правозащитные организации. Только успешное решение этих проблем позволит создать в стране систему правового воспитания, борьбы с правовым нигилизмом, которая бы соответствовала принципам и требованиям, предъявляемым к правовому государству.

С этим тесно связаны и успехи в проведении *судебной реформы*. Только они могут обеспечить подлинную независимость и самостоятельность судебной власти в системе разделения властей. К сожалению, эта независимость, обусловленная в том числе и профессиональным разделением труда, еще не стала реальностью, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о зависимости судей от федеральной и местной властей, их ангажированности и, что самое опасное, коррумпированности [4].

Проблема борьбы с коррупцией распространяется, разумеется, не только на юридических работников, но и прежде всего на должностных лиц и хозяйственных руководителей. Отсюда следует необходимость *повышения их ответственности за законность принимаемых решений*. Обеспеченность юристов состоянием борьбы с коррупцией разделяет сегодня, как известно, и официальное руководство страны, разработавшее наконец комплекс первоочередных мер в данном направлении [5].

Почти четверть респондентов связывают укрепление законности с *повышением уровня заработной платы юридических работников*. Это еще раз подчеркивает важность постоянного внимания к социально-экономическим условиям труда правозащитников. Как известно, в свое время законодатель уже сделал важные шаги в этом направлении. В качестве примера можно сослаться на ст. 9, 19, 20 Закона от 26.06.1992 № 3131-I «О статусе судей в Российской Федерации» [6], где специально предусматриваются гарантии их независимости, материального обеспечения и социальной защиты. К сожалению, подобное отношение законодателя не распространяется на все категории юридических работников. Можно надеяться, что принятие последующих законодательных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, повышение уровня заработной платы позволят качественно улучшить условия труда юристов, что положительно скажется на осуществлении ими своих профессиональных функций. В свою очередь, это позитивно отразится на состоянии законности и правопорядка в целом.

Следующей мерой, направленной на укрепление законности и правопорядка, по мнению опрошенных юристов, является *повышение уровня профессиональной подготовки юристов, их правовой культуры*.

С этой проблемой неразрывно связано и состояние юридического образования. Сегодня многие проблемы правового образования требуют иных, чем прежде, подходов к их разрешению. В советские времена особое внимание уделялось не только качеству юридического образования, но и его способности удовлетворить все возрастающую потребность в специалистах данной области. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Резко увеличившиеся масштабы подготовки кадров, связанные с развитием не только государственной, но и негосударственной сфер юридического образования, угрожают разрастанием появившейся безработицы среди правозащитников. Понятно, что все это требует пристального внимания юридической общественности, ученых-

юристов и преподавателей к проблемам, накопившимся в сфере юридического образования и профессиональной деятельности. Разрешение их будет способствовать *повышению общей культуры в деятельности юридических органов и учреждений, а также престижа юридических органов и учреждений*. Важность данных мероприятий подчеркнул каждый пятый опрошенный правозащитник.

Более 20 % респондентов высказались за *изменение законодательства и карательной практики в сторону усиления юридической ответственности*. Полагаем, в данном случае неправильно отмечать только ригористические настроения среди юристов. Статистика преступности и реальная криминогенная обстановка свидетельствуют о том, что высказываемая юристами позиция отвечает потребностям борьбы с правонарушениями. Поэтому вряд ли можно согласиться с линией некоторых российских политиков на декриминализацию значительного вида преступлений [7]. Статистика преступности может быть искусственно подправлена, однако реальное состояние дел не улучшится без принятия кардинальных мер. Понятно, что в данной ситуации лишь незначительная часть юристов высказывается за изменение законодательства и карательной практики в сторону смягчения юридической ответственности.

Обращает на себя внимание тот факт, что только 2 % опрошенных высказались за *увеличение числа работников юридических органов и учреждений*. И это в то время, когда по результатам того же исследования каждый пятый респондент объяснял имеющиеся случаи нарушения законности самими юристами отсутствием возможности должным образом подготовиться к разрешению дела, связанным с большой служебной загруженностью. На самом деле данное противоречие является мнимым. В действительности для его разрешения необходимо не увеличение численности юридической социально-профессиональной группы, а повышение уровня профессиональной подготовки правозащитников, создание условий для повышения эффективности их труда.

В некотором диссонансе с позицией СМИ находятся ответы юристов о необходимости *усиления безопасности должностных лиц правоохранительных органов* [8]. На эту меру укрепления законности и правопорядка указал лишь 1 % опрошенных. Видимо, на общем фоне преступности покушения на жизнь и здоровье самих юристов воспринимаются в профессиональном сознании как чрезвычайные, но эпизодические. Это ни в коей мере не ставит под сомнение необходимость последовательной реализации Федерального закона от 22.03.1995 № 45-ФЗ «О государ-

ственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [9].

Заметное число респондентов высказалось за более широкое участие населения в охране общественного порядка. Думается, что для такого мнения имеются вполне серьезные основания. Не случайно определенные попытки привлечения населения к охране правопорядка в последнее время предпринимаются соответствующими органами [10]. Однако в современных условиях, когда время — деньги, данная работа должна основываться на иных, нежели в советские времена, принципах.

О влиянии профессиональной специализации юристов на выбор мер, направленных на ук-

репление законности и правопорядка, можно судить по данным, приведенным в таблице.

Как видно из нее, влияние специализации правоведов на выбор мер, направленных на укрепление законности и правопорядка, проявляется довольно отчетливо. Так, судьи подчеркнули необходимость последовательного проведения в жизнь судебной реформы. В этой связи очень своевременными представляются меры, намечаемые в стране по совершенствованию судебной системы [11]. Более широкое участие населения в охране общественного порядка отметили следователи, адвокаты и судьи. Необходимость обеспечения неотвратимости ответ-

Таблица

Специализация юриста Мера, направленная на укрепление законности и правопорядка	Следователь прокуратуры	Прокурор, заместитель, помощник прокурора	Юрисконсульт	Нотариус	Адвокат	Судья	Судебный пристав
Последовательное проведение в жизнь судебной реформы	18,2	16,0	27,5	23,7	26,5	55,0	45,4
Улучшение правового воспитания граждан	56,9	52,8	50,5	54,4	44,1	45,0	49,6
Более широкое участие населения в охране порядка	17,5	10,4	7,3	12,3	16,7	16,5	14,3
Обеспечение неотвратимости ответственности за правонарушения	49,6	70,8	67,0	54,4	39,2	53,2	43,7
Повышение требований к должностным лицам и хозяйственным руководителям	16,8	26,4	48,6	32,5	27,5	22,0	16,0
Повышение престижа юридических органов и учреждений	19,7	15,1	12,8	21,9	16,7	25,7	22,7
Повышение уровня заработной платы юридических работников	29,2	26,4	10,1	21,1	20,6	17,4	41,2
Усиление безопасности должностных лиц правоохранительных органов	2,9	0,9	0,9	—	1,0	0,9	0,8
Повышение общей культуры деятельности юридических органов и учреждений	6,6	8,5	4,6	11,4	13,7	3,7	2,5
Повышение уровня профессиональной подготовки юристов, их правовой культуры	13,9	19,8	25,7	28,1	33,3	14,7	19,3
Увеличение числа работников юридических органов и учреждений	3,6	2,8	0,9	1,8	2,9	0,9	2,5
Изменение законодательства и карательной практики в сторону усиления юридической ответственности	36,5	34,0	21,1	17,5	11,8	14,7	10,9
Изменение законодательства и карательной практики в сторону смягчения юридической ответственности	2,2	—	0,9	1,8	5,9	1,8	0,8
Иной ответ	1,5	1,9	1,8	0,9	4,9	2,8	1,7

ственности за правонарушения подчеркнули прокуроры, их заместители и помощники. Юрисконсулы считают нужным повысить требования к должностным лицам и хозяйственным руководителям, отвечающим за законность принимаемых решений. Важность повышения престижа юридических органов и учреждений отметили судьи, судебные приставы и нотариусы. Увеличение уровня заработной платы особое значение имеет для судебных приставов. За усиление безопасности должностных лиц правоохранительных органов более всего ратуют следователи. На повышении общей культуры в деятельности юридических органов и учреждений настаивают адвокаты и нотариусы. Юрисконсулы, адвокаты и нотариусы чаще остальных обращают внимание на необходимость повышения уровня профессиональной подготовки юристов, их право-

вой культуры. За увеличение числа работников юридических органов и учреждений выступают главным образом следователи прокуратуры, адвокаты и судебные приставы. На изменении законодательства и карательной практики в сторону усиления юридической ответственности активнее других настаивают прокуроры и следователи. Противоположной позиции — изменения законодательства и карательной практики в сторону смягчения юридической ответственности — придерживаются адвокаты.

Заслуживает внимания также сравнительный анализ предпочтенных юристами мер по укреплению законности и правопорядка в советское и постсоветское время.

Возможность такого сопоставления дают результаты исследования профессионального сознания юристов, проведенного автором в 1983 г. [12].

1. Подробнее об этом см.: Соколов Н. Я. *Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования)* : науч.-практ. пособие. М. : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007.
2. См.: Орлов П. Дело Политковской в Генпрокуратуре // РГ. 2008. 23 сент.
3. См.: Сас И. Совет без цензуры // РГ. 2008. 23 сент.
4. См.: Трунов И. Юридическая безнаказанность // ЭЖ-Юрист. 2008. № 35.
5. См.: Елисеев И. Взятки не в моде // РГ (Неделя). 2008. 22 мая.
6. См.: РГ. 1992. № 170.
7. См.: Бабаков А. «Преступность не искоренить жестокостью» // РГ. 2008. 10 окт.
8. См.: Куликов А. Четверо арестованы, один в розыске // РГ. 2008. 12 марта; Давыденко В. Дела не сгорели // РГ. 2008. 8 авг.
9. См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.
10. См.: Фалалеев М. Гражданский дозор // РГ. 2008. 20 мая.
11. См.: Бодрягина О. Судебная перестройка // ЭЖ-Юрист. 2008. № 20.
12. См.: Соколов Н. Я. *Профессиональное сознание юристов*. М. : Наука, 1988. С. 214—215.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.6

А. А. Бурковская
A. A. Burkovskaya

О правовых аспектах защиты прав детей в судебном порядке

About Legal Aspects of Protection the Rights of Children in Judicial Order

В данной статье рассматриваются проблемы судебной защиты прав ребенка на современном этапе. Исследуются правовые вопросы, связанные с нарушением субъективных прав детей. Особое внимание уделяется судебной защите прав ребенка по спорам, связанным с семейным воспитанием. Предлагается четко определить процессуальный статус ребенка, дополнив нормы ГПК разделом: «Производство по делам с участием ребенка»; обеспечить несовершеннолетних бесплатной юридической помощью; внедрить в действующую систему правосудия ювенальные суды, разрешающие все дела с участием ребенка.

Судебная защита прав ребенка; правовой статус ребенка; споры о праве на семейное воспитание; взыскание алиментов в судебном порядке; обеспечение интересов ребенка; применение норм семейного законодательства; дела о лишении родительских прав; имущественные права ребенка; квалифицированная юридическая помощь; создание ювенальных судов

The article examines the problems of judicial protection the laws of the child at the present moment. The legal questions which connected with an infringement of the subjective laws of children are investigated. Special attention is given to the judicial protection of the child's rights on the arguments connected with family education. It is offered to determine clearly the processual status of the child, by adding regulations Civil Procedural Code of the Russian Federation section: «The production on affairs with a participation of child»; to provide under age with a free of charge legal aid, to introduce in function system of justice courts for under age, resolving all proceedings with participation of child.

Judicial protection of the rights of the child; legal status of the child; disputes on the right to family education; collecting of the alimony in the judicial order; maintenance of interests of the child, application of norms of the family legislation, affairs about deprivation of the parental rights, property rights of the child; the qualified legal aid; creation of the juvenal courts

Проблема защиты семейных прав граждан, в особенности детей, существовала в России во все времена. К сожалению, она до сих пор не решена. Сегодня социально-экономическая ситуация в стране диктует острую необходимость разработки научно-обоснованного комплекса мер, создающих систему правовых условий для реализации прав ребенка.

В настоящее время защита гражданских и семейных прав регулируется прежде всего ГК [1], а также СК [2]. В частности, ст. 7 СК устанавли-

вает, что граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений, в том числе правом на защиту этих прав, если иное не предусмотрено законом [3].

Нельзя забывать, что дети не только национальная, но и общечеловеческая ценность. Это особая социально-демографическая группа, нуждающаяся в специальной заботе государства и общества. И именно эта категория населения оказалась незащищенной в ходе социально-

экономических реформ. Увеличение преступности, вооруженные и межнациональные конфликты, инфляционные процессы, безработица, нравственная деградация, снижение уровня жизни и другие показатели сказались прежде всего на семьях и детях. Рост количества дел о лишении родительских прав и их ограничении — вот неполный перечень неутешительных фактов из жизни российского государства нынешнего периода.

Действительно, на данном этапе развития нашего общества защита прав ребенка связана со множеством проблем практического характера. Вызваны они различными обстоятельствами и прежде всего недостатками правовой регламентации, отсутствием единого подхода к вопросам реализации прав ребенка, неприменением отдельных положений законов в области прав детей. Принятые ГК, СК, ГПК [4], Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — Закон об опеке) [5] закрепили лишь основные положения многих международных актов в области прав ребенка, в том числе Конвенции ООН о правах ребенка. Однако некоторые фундаментальные принципы этого международного документа не выполняются: не все российские нормативные правовые акты исходят из принципа приоритета прав ребенка, не разработаны стандарты качества жизни детей, не выработана единая система критериев, которые составили бы основы нормотворческой деятельности в области прав ребенка. В связи с этим целесообразно обратиться к такому способу защиты прав ребенка, как судебная защита, которая в настоящее время имеет особую актуальность и значение.

В работах ряда ученых широкое распространение получило мнение о приоритетном характере судебного порядка защиты прав перед административным [6]. Поддерживая эту точку зрения, Ю. Ф. Беспалов говорит о расширении рамок судебной защиты семейных прав ребенка и утверждении судебной защиты как основной ее юрисдикционной формы. В подтверждение своей позиции автор приводит следующие доводы:

- неспособность административной защиты обеспечить восстановление в полном объеме прав и законных интересов детей;
- необходимость закрепления в международных документах в области прав человека принципа приоритетной защиты прав и интересов ребенка компетентным органом государства — судом;
- невозможность ребенка самостоятельно защищать свои права (за отдельными исключениями);
- целесообразность укрепления независимости судебной власти;

- отсутствие иной, более эффективной и справедливой формы защиты прав, в частности ребенка [7].

Правда, не со всеми доводами Ю. Ф. Беспалова можно согласиться. Например, настороженно следует относиться к категоричному утверждению относительно отсутствия более справедливой формы защиты прав. Этот фактор особенно важен при рассмотрении судами дел, связанных с правами детей, где не исключается предвзятая оценка судом доказательств по делу в случае, когда речь идет о сложной ситуации, затрудняющей определение подлинных интересов ребенка.

Следует отметить, что защита семейных прав ребенка в судебном порядке осуществляется прямо и косвенно. В первом случае речь идет о спорах, непосредственно связанных с семейным воспитанием несовершеннолетнего, куда входят дела:

- 1) об определении места жительства детей при раздельном проживании их родителей (ч. 3 ст. 65 СК);
- 2) об обеспечении права ребенка на общение с родителем, проживающим от него отдельно (ч. 2 ст. 66 СК);
- 3) по защите права на общение с другими близкими родственниками (ч. 3 ст. 67 СК);
- 4) о лишении родительских прав (ст. 70 СК);
- 5) о восстановлении в родительских правах (ст. 72 СК);
- 6) об ограничении родительских прав (ст. 73 СК);
- 7) об отмене ограничения родительских прав (ст. 76 СК);
- 8) об усыновлении ребенка (ст. 125 СК);
- 9) об отмене усыновления (ст. 140 СК).

Перечень дел, по которым суд осуществляет прямую защиту прав ребенка, является исчерпывающим. Их характерная особенность заключается в том, что здесь налицо спор о праве на семейное воспитание.

В свою очередь, косвенная судебная защита прав детей осуществляется с помощью норм семейного законодательства, не относящихся непосредственно к семейному воспитанию ребенка. В их число входят дела:

- 1) об установлении отцовства в судебном порядке (ст. 49 СК);
- 2) об установлении судом факта признания отцовства (ст. 50 СК);
- 3) дела, связанные с оспариванием отцовства (материнства) (ст. 52 СК);
- 4) по спорам о защите имущественных прав детей (ч. 2 ст. 60 СК);
- 5) по установлению и признанию отцовства несовершеннолетним родителем (ч. 3 ст. 62 СК);

б) о взыскании алиментов в судебном порядке (ч. 2 ст. 80 СК).

Данный перечень не является исчерпывающим. Кроме того, косвенная защита прав ребенка может осуществляться с помощью иных отраслей законодательства (гражданского, административного, уголовного, трудового и др.). Примерами в данном случае служат нормы жилищного законодательства, касающиеся порядка передачи жилого помещения в собственность детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, порядка выселения без предоставления другого помещения лиц, лишенных родительских прав.

Право на судебную защиту принадлежит каждому физическому лицу. Следовательно, несовершеннолетний может защищать свои права в суде при помощи родителя или иного законного представителя. В частности, ст. 8 СК закрепляет следующее положение: «Защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства». При этом судебный порядок защиты признается основной формой защиты семейных прав в целом, в том числе прав несовершеннолетних детей.

Действительно, судебный порядок защиты прав ребенка имеет несомненные достоинства, а главное — он является способом обеспечения государством интересов ребенка. Неслучайно расторжение брака при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей осуществляется только в судебном порядке (п. 1 ст. 21 СК). Кроме того, именно суд разрешает споры, связанные с воспитанием детей (при лишении, ограничении родительских прав, восстановлении в родительских правах, отмене ограничения родительских прав, установлении усыновления, отмене усыновления и пр.). И наконец, при отсутствии соглашения члены семьи вправе обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов (ст. 106 СК).

Согласимся с мнением Л. М. Пчелинцевой, которая полагает, что судебный порядок защиты прав ребенка в Российской Федерации имеет ряд особенностей [8]. Это связано с тем, что по понятным причинам дети не способны самостоятельно отстаивать собственные права. Поэтому в судебном процессе интересы ребенка представляют его законные представители (родители, усыновители, опекуны и попечители, приемные родители), хотя суд обязан привлекать к участию в деле и самих несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

В связи с этим необходимо коснуться проблем защиты имущественных прав несовершеннолетних. Интересно, что данные права относятся к категории малоисследованных и неоднознач-

ных понятий в юридической науке. В частности, сложность вызывает отсутствие законодательного закрепления норм, регулирующих имущественные отношения ребенка как субъекта права. Конвенция ООН о правах ребенка, рассматривая личные неимущественные права детей, лишь косвенно затрагивает отношения имущественного характера, а ст. 27 Конвенции ООН ограничивается положениями об обязанностях родителей обеспечивать ребенка в пределах своих финансовых возможностей [9]. Кроме того, в Конвенции ООН не содержится упоминания о праве собственности ребенка.

В российском законодательстве имущественным правам ребенка посвящена ст. 60 СК, уделяющая им минимум внимания. Вместе с тем в ст. 60 СК есть ссылки на нормы ГК, которые расширяют перечень имущественных прав несовершеннолетних. Правда, и ГК не дает исчерпывающего перечня прав. Здесь в основном рассматривается способность совершать различные сделки, а также деликтоспособность.

Далее коснемся проблем содержания прав ребенка на долю имущества семьи, особенно на недвижимость. Согласно п. 4 ст. 60 СК дети не имеют права собственности на имущество родителей, и наоборот. Совместно проживающие родители и дети могут владеть и пользоваться имуществом друг друга. Ребенок, обладающий собственным (т. е. унаследованным, подаренным) имуществом, вправе по достижении 14-летнего возраста вносить его в бюджет семьи, приобретая право собственности на соответствующую долю семейного имущества. До указанного возраста собственностью ребенка распоряжаются родители (опекуны или попечители). Проблема возникает, когда родители начинают злоупотреблять своими правами. В этом случае органы опеки и попечительства вправе обратиться в суд с иском об ограничении родительских прав по управлению указанным имуществом. Соответственно, при отказе родителей признать за несовершеннолетним право собственности на долю в имуществе семьи ребенок может обратиться за защитой своих прав и охраняемых законом интересов в органы опеки и попечительства, тем более что принятый Закон об опеке не только упорядочивает процедуры установления и прекращения опеки и попечительства, но и определяет правовой режим имущества подопечных, устанавливая ответственность опекунов и попечителей в случае злоупотребления их своими правами.

По общему правилу споры об определении доли ребенка в общем имуществе семьи рассматриваются в судебном порядке [10]. Но как быть,

если родители в разводе и каждый защищает свои интересы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть положения о правосубъектности несовершеннолетних лиц в гражданском судопроизводстве, в отношении которой, на наш взгляд, в законодательстве есть пробелы.

Итак, по законодательству участвовать в гражданском процессе малолетние в возрасте до 14 лет могут лишь через законных представителей. Права, свободы и законные интересы лиц в возрасте от 14 до 18 лет защищают их законные представители. Правда, в последнем случае суд обязан привлекать к участию в делах самих несовершеннолетних.

Согласно сложившейся судебной практике при рассмотрении споров несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет стороной в процессе является законный представитель. Следовательно, сам несовершеннолетний как сторона процессуально бесправен. Это, в частности, обусловлено тем, что он не может воспользоваться специальными правами, например, в исковом производстве. Обязательность присутствия несовершеннолетнего в процессе подчеркивает необходимость выяснения судом личного мнения ребенка по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам. Далее законодатель отмечает, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений, несовершеннолетние (от 14 до 18 лет) вправе самостоятельно защищать свои интересы, а законные представители могут быть приглашены в процесс. Проанализировав нормы закона, можно сделать вывод о том, что именно несовершеннолетних нужно признать стороной в процессе. Законные представители же могут давать согласие на то или иное процессуальное заявление или действие. Причем с помощью оборота «суд вправе привлечь» законодателю удалось подчеркнуть необязательность присутствия родителей (лиц, их заменяющих) при отправлении правосудия по гражданским делам.

Согласно семейному законодательству родители имеют равные права на ребенка, вследствие чего они оба могут представлять его интересы в гражданском процессе. На практике возможны ситуации, когда интересы детей ущемляются одним из законных представителей. В целях разрешения подобных проблем предлагается оказывать каждому несовершеннолетнему участнику гражданского процесса бесплатную юридическую помощь.

Нечеткость в институте законного представительства может породить и другие проблемы при отправлении правосудия по гражданским делам.

В качестве примера целесообразно привести использование стороной гражданского процесса специальных прав. Допустим, родители ребенка не достигают взаимного согласия по вопросу заключения мирового соглашения, изменения предмета и основания иска. Имея равные родительские права, они могут претендовать на учет своего мнения по вопросам защиты.

Для предупреждения разногласий целесообразно было бы представлять в процесс доказательства согласованности правовых позиций законных представителей. Несомненно, данное обстоятельство послужило бы дополнительной гарантией в обеспечении прав и законных интересов детей при отправлении правосудия по гражданским делам.

Одной из наиболее распространенных категорий судебных дел, в которых оказываются незащищенными права и законные интересы детей, являются дела о признании недействительными сделок с жилыми помещениями. Как показывает практика, совершение подобных сделок нередко происходит без учета интересов несовершеннолетних, а порой и без привлечения к решению этого вопроса органов опеки и попечительства. Получается, если ребенок не является собственником (сособственником) жилья и площадь принадлежит, например, его родителям, они вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать любые сделки с помещением, что, безусловно, неправомерно и порождает ряд судебных дел в связи с ущемлением (нарушением) жилищных прав детей.

Наряду с подобными судебными делами встречаются нарушения жилищных и имущественных прав несовершеннолетних при совершении сделок с жилыми помещениями, где несовершеннолетние являются собственниками (или сособственниками) жилья. Становится очевидным, что обозначенная проблема недостаточно урегулирована в нормах российского законодательства. Полное представление об имущественных правах несовершеннолетних можно составить, рассмотрев нормы Конституции [11], СК, ГК, ЗК [12] и другие нормы федерального законодательства. Это обстоятельство подчеркивает комплексный характер имущественных прав ребенка.

В соответствии с требованиями законодательства (ст. 37 ГК, ст. 60 СК) обязанность обеспечения и защиты имущественных прав и интересов детей отчасти возложена на органы опеки и попечительства [13]. Поэтому вопрос о выдаче разрешения на совершение сделки следует рассматривать коллегиально, с учетом мнения законных представителей, самих

несовершеннолетних на заседаниях комиссий по охране прав детей.

Получается, с одной стороны, судебный порядок защиты прав ребенка может быть охарактеризован такими положительными чертами, как: открытость и состязательность процесса, объективность рассмотрения судом широкого спектра вопросов при разрешении дел о семейных правах ребенка. С другой стороны, основным недостатком судебного порядка защиты является отсутствие механизма обращения ребенка в суд и его участия в процессе в качестве инициатора судебного разбирательства, что дает возможность судьям отказывать несовершеннолетним истцам в праве на защиту в связи с их недееспособностью.

Следует подчеркнуть, что несовершеннолетние представляют собой наиболее сложную и уязвимую категорию, поскольку, имея изначально равные права с остальными гражданами, они фактически обладают гораздо меньшими возможностями их реализации. К тому же современное состояние нашего общества требует удвоенной защиты прав и интересов несовершеннолетних, что связано не только с их неполной дееспособностью, но и с экстремальной обстановкой.

Поэтому в целях четкого определения статуса ребенка как самостоятельного участника правоотношения и обеспечения приоритетной защиты прав и интересов ребенка целесообразно дополнить ГПК разделом, именуемым «Производство по делам с участием ребенка», непосредственно регламентирующим процессуальный статус несовершеннолетнего, порядок его обращения в суд и возраст, достижение которого необходимо для этого.

Неслучайно в настоящее время серьезно рассматривается необходимость внедрения в действующую систему правосудия ювенальных судов как системы специальных судов, разрешающих все дела с участием несовершеннолетних, начиная от решения вопроса, с кем остаются дети при расторжении брака их родителей, и заканчивая рассмотрением административных и уголовных дел в отношении подростков.

В заключение отметим, что сегодня общество и законодатели, т. е. все те, кому небезразлично будущее нашего государства, обязаны приложить усилия, чтобы законы и различные нормативные правовые акты полноценно и действенно встали на защиту прав детей, поскольку от подрастающего поколения зависит будущее самого Российского государства.

---

1. См.: *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52. Ст. 5496.*

2. См.: *Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.*

3. См.: *Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. проф. А. М. Пчелинцевой. М. : Норма, 2007. С. 37.*

4. См.: *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.*

5. См.: *СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.*

6. См.: *Нечаева А. М. Судебная защита прав ребенка : учеб.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2003. С. 51; Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве РФ. М. : Издательский дом «Городец», 2006. С. 42; Муратова С. А. Семейное право : учеб. пособие. М. : Юриспруденция, 2001. С. 28.*

7. См.: *Беспалов Ю. Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002.*

8. См.: *Пчелинцева Л. М. Практикум по семейному праву: для юридических вузов и факультетов. М. : Норма, 2005. С. 56.*

9. См.: *Сорокин С. А. Права детей в семье по семейному законодательству РФ и Конвенции «О правах ребенка» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.*

10. См.: *Нечаева А. М. Защита прав ребенка: законодательство и правоприменительная практика // Защита прав ребенка : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Нечаева. М., 2004.*

11. *Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.*

12. См.: *Земельный кодекс Российской Федерации от 25.01.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.*

13. См.: *Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. А. М. Нечаевой. М. : Юрайт, 2009. С. 239.*

УДК 347.132

Т. В. Семенова
T. V. Semenova

Этапы развития представлений о сделках юридических лиц, осложненных конфликтом интересов

Stages in the Development of Views Concerning Contracts that Involve Conflicts of Interest

В настоящей статье раскрываются следующие вопросы: общая характеристика сделки, осложненной конфликтом интересов; этапы развития представлений о сделках, осложненных конфликтом интересов, в российском гражданском праве (дореволюционный период (конец XIX в. — начало XX в.), советский период (1917 г. — начало 90-х гг. XX в.), современный период (начиная с 1995 г.)); основные особенности современного зарубежного опыта регулирования сделок, осложненных конфликтом интересов.

Юридическое лицо; сделка; конфликт интересов

The present article examines the following issues: the general characterization of a contract involving conflicts of interest; stages in the development of views concerning contracts that involve conflicts of interest (the end of 19th — beginning of 20th century); Soviet era (1917 — early 1990s); current legal system (from 1995 on)); main features of the current legal approaches in other countries to the regulation of contracts involving conflicts of interest.

Legal entity; contract; conflict of interest

На формирование воли юридического лица к совершению сделок оказывает влияние значительное число лиц (собственники; акционеры; участники; учредители; лица, составляющие органы управления, контроля, различного рода консультативно-совещательные органы; в случае несостоятельности — органы кредиторов, арбитражные управляющие; иные лица), имеющих различные (разнонаправленные) цели, что вызывает конфликт интересов (степень противостояния зависит от организационно-правовой формы юридического лица).

В соответствии с п. 1 ст. 53 «Органы юридического лица» ГК [1] юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя соответствующие обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, ины-

ми нормативными правовыми актами и учредительными документами. Деятельность данных органов состоит в том, что они реализуют свою компетенцию через принятие определенных управленческих решений. При этом в п. 3 ст. 53 ГК установлено, что лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

Как считает Д. И. Дедов, норма п. 3 ст. 53 ГК свидетельствует о том, что у органов управления юридическим лицом есть собственные интересы, отличные от интересов юридического лица [2].

Интерес является основой для совершения субъектом любых действий, в том числе заключения сделок. По мнению А. В. Габова, когда инте-

рес в корпоративных отношениях перерастает в заинтересованность и начинает реализовываться путем принятия управленческих решений, возникает конфликт [3].

Доктрина конфликта интересов имеет свое начало в английском общем праве и связана с выполнением фидуциарных обязанностей, т. е. с осуществлением действий в интересах другого лица (*fiduciary duty*). Так, в сфере корпоративного управления менеджеры хозяйственного общества должны руководствоваться интересами акционеров (участников) и общества в целом, а не личными выгодами. Вся теория корпоративного права направлена на реализацию именно этого принципа в целях обеспечения гарантий капиталовложений.

В России доктрина конфликта интересов впервые была использована Конституционным Судом РФ в Постановлении «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Приаргунское”» [4] применительно к корпоративным отношениям. Кстати, сама доктрина в указанном документе детально не излагалась.

В юридической литературе высказываются разные мнения по поводу понятия «конфликт интересов». Часто его сводят к проблеме отношений «принципал — агент» [5]. Правда, такой подход сужает проблему. По мнению С. В. Михайлова, применительно к корпоративным отношениям конфликт интересов — это ситуация выбора между интересами корпорации и отдельной группы субъектов, участвующих в корпоративных отношениях [6]. На наш взгляд, в этом случае нельзя говорить о ситуации выбора, поскольку выбор предполагает субъекта, который его делает. По мнению А. В. Габова (которое мы разделяем), конфликт интересов вытекает из самой конструкции юридического лица, хотя и проявляется по-разному в зависимости от вида организаций; значение этого фактора состоит в том, что он не только определяется условиями и порядком реализации правосубъектности юридического лица, но и сам влияет на формирование и функционирование системы управления юридического лица, содержание и порядок принятия управленческих решений. А. В. Габов предлагает заключить возникающий при совершении сделок конфликт интересов вышеуказанных лиц (собственники, акционеры, участники, учредители и др.) между собой и с юридическим лицом в понятие «сделки с конфликтом интересов» [7].

В современном российском законодательстве об АО и ООО понятие «конфликт интере-

сов» не легализовано. В этом смысле более удачные правовые конструкции заложены в ст. 27 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Закон о некоммерческих организациях) [8] и ст. 38 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (далее — Закон о сельскохозяйственной кооперации) [9]. Так, в ст. 27 «Конфликт интересов» Закона о некоммерческих организациях сказано, что заинтересованность в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий, в том числе в совершении сделок, влечет за собой конфликт интересов заинтересованных лиц и некоммерческой организации. Норма ст. 38 Закона о сельскохозяйственной кооперации сформулирована иначе. В ней указано, что сделка кооператива, второй стороной в которой выступают председатель или исполнительный директор кооператива, считается сделкой, в которой присутствует конфликт интересов.

Именно наличием потенциального конфликта интересов экономических агентов, связанных с хозяйственным (в первую очередь, акционерным) обществом и заинтересованных в его существовании и деятельности (или, напротив, в удовлетворении за его счет иных потребностей, а иногда даже заинтересованных в прекращении его деятельности), вызвана необходимость специального правового регулирования некоторых сделок юридических лиц.

Развитие в российском праве представлений о сделках юридических лиц, осложненных конфликтом интересов, можно разделить на следующие этапы: дореволюционный (конец XIX в. — начало XX в.); советский (1917 г. — начало 90-х гг. XX в.); современный (начиная с 1995 г.).

Дореволюционный этап целесообразно рассматривать в контексте реализации механизма подачи исков акционерами от имени корпорации в целях возмещения убытков, причиненных корпорации.

К началу 1900-х гг. в российском гражданском праве было признано, что акционеры и должностные лица общества состоят друг с другом в особых правовых отношениях (корпоративных), которые не являются ни вещными, ни обязательственными. Самостоятельная юридическая природа корпоративных (акционерных) правоотношений объясняет возможность существования производных исков. С их помощью субъект акционерного правоотношения, которым является участник общества, имеет право предъявить требование другому субъекту акционерного правоотношения — директору или иному управляюще-

му, т. е. лицу, входящему в орган управления общества. При этом иск будет удовлетворен только в случае нарушения ответчиком своих обязанностей по реализации интересов общества.

Возможность предъявления участниками общества производных исков к заинтересованному управляющим была предусмотрена в проекте Гражданского уложения Российской Империи 1913 г. (не был введен в действие в силу исторических событий). Интересно, что вышеуказанный документ предусмотрел решение основных проблем производных исков: во-первых, был установлен имущественный и процедурный барьеры для ограждения общества от вымогательских исков; во-вторых, расписана процедура преодоления меньшинством мнения большинства акционеров, т. е. предоставлена возможность эффективной судебной защиты своих прав меньшинством акционеров; в-третьих, решены вопросы субъектного состава участников спора [10] (для сравнения: в зарубежном праве производные иски впервые появились лишь в 1961 г. в Законе о предпринимательских корпорациях штата Нью-Йорк [11]).

Проводя сравнение с современным правовым регулированием, следует отметить, что поскольку наиболее вероятным истцам по производным искам, каковыми являются участники общества, как правило, трудно доказать заинтересованность управляющих, то целесообразно установить в законе упомянутую выше специальную презумпцию виновности управляющих, которым предъявлено требование о возмещении убытков обществу в связи с их заинтересованностью в совершении сделки. Эта презумпция противоположна общей презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, содержащейся в п. 3 ст. 10 ГК.

Установив презумпцию виновности управляющих, законодатель обязан позаботиться об ограждении общества (соответственно, его управляющих) от вымогательских исков. Поэтому помимо имущественного однопроцентного барьера, установленного действующим российским законодательством (п. 5 ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) [12]), вполне оправдано установление также барьера процедурного. В Законе об АО целесообразно предусмотреть, что претензия акционера к управляющему должна быть предварительно рассмотрена на заседании совета директоров АО (если его нет, то на общем собрании акционеров).

Опыт российского дореволюционного законодательства и научные достижения в области

корпоративных отношений являются актуальными и могут быть использованы в современной правотворческой работе (в частности, при регулировании вопроса о предъявлении участниками общества производных исков к заинтересованным управляющим).

В цивилистической науке советского периода подход к рассматриваемой проблеме характеризовался тем, что теории юридического лица (соответственно, и гражданское законодательство) строились применительно к государственным предприятиям, господствовавшим в гражданском обороте, и фактически со стороны науки гражданского права возможность существования конфликта интересов исключалась, в связи с чем исследования советских цивилистов могут служить только основой для анализа проблем управленческих решений коммерческих организаций.

Особенность современной модели корпоративного управления в российском законодательстве состоит в том, что она не проводит последовательного разделения управленческих полномочий между органами общества по функциональным задачам, что выражается в смешении функций управления делами общества и наблюдательных функций, в отождествлении совета директоров и наблюдательного совета общества, а также в том, что управленческими функциями оказались наделены почти все органы общества: общее собрание, совет директоров и исполнительный орган общества. Что касается общего собрания участников общества, то оно прямо названо высшим органом управления обществом (ст. 91, 103 ГК; ст. 47 Закона об АО; ст. 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [13]).

На практике смешение полномочий различных органов ведет к тому, что органы управления, контроля и сами участники общества фактически становятся единым целым. Таким образом, российская конструкция органов общества создала предпосылки для подчинения воли органов управления общества (значит, самого общества) воле его участников. По мнению С. В. Михайлова, это означает, что самостоятельность общества как юридического лица, его имущественная обособленность как участника гражданского оборота находятся в аморфном состоянии [14]. Такая ситуация негативно отражается на законодательном регулировании сделок с конфликтом интересов, к которым по действующему законодательству можно отнести: крупную сделку; сделку, на которую в соответствии с уставом общества рас-

пространяется порядок одобрения крупной сделки, предусмотренный ст. 78 Закона об акционерных обществах; сделку, в совершении которой имеется заинтересованность; сделку, совершаемую обществом, в отношении которого осуществляются процедуры банкротства, и требующую одобрения (согласия) арбитражного управляющего и органов кредиторов; сделку, совершаемую после получения открытым обществом добровольного или обязательного предложения в порядке гл. 11.1 Закона об АО; сделку АО по приобретению собственных акций (ст. 72 Закона об АО); сделку, совершаемую с момента принятия решения о реорганизации общества и до момента ее завершения; крупную сделку или сделку, в совершении которой имеется заинтересованность, подлежащую одобрению общим собранием акционеров открытого акционерного общества, при принятии решения об одобрении которой представители РФ, субъектов РФ, назначенные в совет директоров (наблюдательный совет), обладают правом вето (ст. 38 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [15]). Причина применения специального порядка в любом из этих случаев — существенность (критичность) тех рисков, которые могут возникнуть при совершении таких сделок.

На основе проведенных исследований А. В. Габов предлагает разделить все сделки с конфликтом интересов в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица на сделки:

- 1) с определенным субъектным составом участников (например, сделка, в совершении которой имеется заинтересованность);
- 2) в отношении имущества определенной стоимости (например, крупная сделка);
- 3) определенного вида, определенного размера, с определенным основанием и влекущие определенный результат.

Возможно комбинирование трех вышеперечисленных признаков (например, заинтересованная сделка, подлежащая одобрению собранием акционеров) [16].

Таким образом, когда при совершении сделки существует конфликтогенный интерес (носитель интереса имеет возможность оказать влияние на формирование воли юридического лица) и реализация этого интереса может привести к нарушению интересов как юридического лица, так и отдельных заинтересованных лиц (групп лиц), тогда возникает необходимость в особом (специальном) порядке совершения сделки.

Цель такого порядка заключается в снятии конфликтов между общим (обшечорпоративным)

интересом юридического лица и интересами лиц, имеющих влияние на принятие им (его органами управления, контроля или руководящими органами) управленческих решений; защите указанных интересов от недобросовестной деятельности и злоупотреблений лиц, оказывающих влияние на деятельность организации; обеспечении экономической эффективности сделки. По мнению современных авторов [17], в гражданском праве постепенно формируется институт сделок, осложненных конфликтом интересов. Модель решения конфликта такова: для реализации одного (конфликтогенного) интереса необходимо квалифицировать другие — защищаемые интересы, которые потенциально могут пострадать, и, чаще всего, получить согласие носителей таких защищаемых интересов, предоставить им какие-либо компенсации или, возможно, использовать иной способ ликвидации конфликта.

В странах с развитой культурой корпоративных отношений (в частности, в США, ФРГ, Франции) в настоящее время используют принципиально иную модель органов управления хозяйственным обществом. Суть ее в том, что хозяйственное общество, будучи полноценным субъектом права, имеет самостоятельные интересы, которые во многом отличаются от интересов его участников, а иногда и противоположны им. Поэтому полномочия органов общества сначала отражают иерархию интересов в корпоративном правоотношении (это проявляется в ограничении вмешательства общего собрания участников общества в управление обществом) и только потом функциональное деление полномочий по решению стратегических и текущих задач в рамках единой задачи управления делами общества. Законодательства ряда зарубежных стран прямо предусматривают, что управляющие органы общества обладают всей полнотой ведения дел общества, поэтому общее собрание участников общества не признается органом управления обществом. Тем самым, во-первых, подчеркиваются права акционеров как собственников акций, а не управляющих; во-вторых, управление делами общества поручается наиболее компетентным людям, имеющим профессиональные навыки менеджмента, что устраняет вмешательство в дела общества со стороны его участников. Наиболее последовательно такой подход отражен в законодательстве США, где управляющий орган совмещает распорядительные и исполнительные функции [18].

Континентальное право (например, законодательство ФРГ) основано на дуалистическом принципе управления. При этом дуализм не относится к наделению общего собрания участни-

ков общества какими-либо управленческими полномочиями (тем более признанию его управляющим органом); общее собрание участников не является органом управления обществом. Дуализм воплощен в разделении наблюдательных (контрольных) и управленческих (распорядительных и исполнительных функций) между органами управления обществом. Поэтому схема управления обществом предусматривает, что управление его делами находится в компетенции исполнительного органа (правления, генерального директора), а функции наблюдения отданы наблюдательному совету общества [19].

Во Франции общее собрание участников общества, так же как в США и ФРГ, не обладает управленческими функциями и не признается органом управления. Вместе с тем закон проводит разграничение вопросов стратегического и текущего управления. Французское акционерное законодательство различает стратегическое управление АО, которое осуществляет административный совет, и текущее руководство акционерной компанией, возложенное на президента (генерального директора). Предусматривается вариант управления обществом исключительно директором [20].

Законодательства зарубежных стран исходят также из того, что нарушение обязательств участником корпоративного («внутреннего») правоотношения не должно автоматически ставить под вопрос судьбу обязательственного («внешнего») правоотношения общества с третьим лицом. Недействительность в качестве последствия сделок, совершенных с заинтересованностью управляющих, несмотря на очевидную юридическую дефектность волеизъявления общества, регулируется очень аккуратно. Такой подход к решению проблемы продиктован заботой о публичном интересе, укреплении стабильности имущественного оборота. Согласно ст. 104 французского Закона о торговых товариществах сделки, совершенные с заинтересованностью, могут быть аннулированы (признаны недействительными) только по мотивам злоупотребления управляющих. Показателен § 713 Закона о предпринимательских кор-

порациях штата Нью-Йорк, согласно которому никакой договор с заинтересованностью управляющих не является недействительным или оспоримым, если факты, касающиеся заинтересованности управляющего, добросовестно раскрыты или известны органам общества. Согласно § 243 акционерного закона ФРГ оспоримыми являются только решения общего собрания общества. Причем конкретные обстоятельства оспоримости решений общего собрания АО вырабатываются судебной практикой [21].

Приведенные примеры указывают на то, что зарубежные законодательства по вопросу о последствиях сделок, совершенных с заинтересованностью управляющих, развиваются в направлении урегулирования конфликта в рамках субъектов корпоративных правоотношений, избегая переноса негативных последствий на обязательственные правоотношения.

Учитывая, что заинтересованные управляющие, как правило, физические лица (к тому же защищенные нормами трудового законодательства), а объем ущерба, который они потенциально могут нанести юридическому лицу, может быть огромным, за рубежом (в частности, в США) широкое распространение получила система страхования ответственности управляющих [22]. Компенсация потерь с помощью данной системы соответствует потребностям и гражданского оборота, и компаний по компенсации ущерба (нужно отметить, что действующее российское законодательство о страховании (ст. 931 ГК) не препятствует распространению в РФ подобной практики).

Таким образом, современное российское законодательство должно учитывать опыт развитых зарубежных правовых систем, которые стремятся к такой модели корпоративного управления делами общества, когда во главе иерархии интересов стоят интересы не участников (инвесторов) общества, а самого общества; когда заинтересованность управляющего не влечет обязательной недействительности сделки, совершенной обществом с третьим лицом; когда широко распространена система страхования ответственности управляющих за причинение обществу вреда.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410.

2. См.: Дедов Д. И. Конфликт интересов. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 40.

3. См.: Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М. : Статут, 2005. С. 36.

4. См.: СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656.

5. См.: Дедов Д. И. Указ. соч. С. 1.

6. См.: Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М. : Статут, 2002. С. 166; Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: прак. пособие / под ред. Е. П. Губина. М., 1999. С. 19.

7. См.: Габов А. В. Указ соч. С. 385.

8. См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
9. См.: Там же. 1995. № 50. Ст. 4870.
10. См.: Гражданское уложение. Обязательственное право: проект, внесенный 16 октября 1913 г. министром юстиции в Государственную Думу. СПб. Кн. 5. С. 147.
11. См.: Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение (понятие, содержание, субъекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 118.
12. См.: СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
13. См.: Там же. 1998. № 7. Ст. 785.
14. См.: Михайлов С. В. Указ соч. С. 160.
15. См.: СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.
16. См.: Габов А. В. Проблемы и перспективы правового регулирования сделок юридических лиц, требующих особого (специального) порядка их совершения // Журнал рос. права. 2008. № 1.
17. См.: Там же; Михайлов С. В. Сделки с заинтересованностью: теория и практика // Корпоративный юрист. 2006. № 8.
18. См.: Михайлов С. В. Указ. соч. С. 158.
19. См.: Зайберт У. Законодательство ФРГ об обществах, основанных на объединении капиталов (акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью) // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. М., 1995. С. 47.
20. См.: Кулагин М. И. Управление акционерными компаниями в странах с французской правовой ориентацией // Проблемы экономики и права развивающихся стран : сб. ст. М., 1974. С. 126.
21. См.: Ломакин Д. В. Указ. соч. С. 117.
22. Акционерное общество и товарищество с ограниченной ответственностью: сборник зарубежного законодательства / под ред. В. А. Туманова. С. 146.

УДК 349.2

Н. Н. Тютерева
N. N. Tyutereva

К вопросу о трудовом характере крестьянского хозяйства

On Farm Labor Nature

В настоящей статье анализируется зарубежный опыт использования наемной рабочей силы в семейном крестьянском хозяйстве, точки зрения ученых и специалистов по проблеме трудового характера крестьянского хозяйства. В статье предлагается нормативно закрепить, что труд в крестьянском хозяйстве осуществляется собственными силами крестьянской семьи, а использование труда наемных работников в крестьянском хозяйстве допускается в исключительных случаях на период выполнения сезонных работ.

Крестьянское хозяйство; фермерское хозяйство; субъекты аграрного права; признаки крестьянского хозяйства; сущность крестьянского хозяйства; семейные хозяйства; понятие крестьянского хозяйства; аграрная реформа

In the present article, foreign experience in wage labor use in a family farm, as well as viewpoints of scientists and specialists in farm labor nature are being analyzed. The author of the article suggests inserting the following changes into the Law on farming: work in a farm is performed by peasant family forces, and wage labor use is acceptable solely for a period of seasonal work.

Farm; peasant economy; farm, subjects of agrarian law; farm indication, farm essence; family farms; concept of a farm; agrarian reform

Важнейший признак крестьянского хозяйства — его трудовой характер.

Пункт 1 ст. 1 Закона РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее — Закон о крестьянском хозяйстве) [1] в понятии крестьянского (фермерского) хозяйства не закреплял его трудовой характер. Кроме того, согласно ст. 22 Закона о крестьянском хозяйстве в случаях производственной необходимости фермерскому хозяйству разрешалось использовать наемный труд. Таким образом, еще в Законе о крестьянском хозяйстве заложены основы ограничения использования труда наемных работников. Однако случаи, когда такое использование допуска-

лось или запрещалось, представляются весьма расплывчатыми и неконкретными. На практике выходило, что наемных работников в фермерском хозяйстве привлекали к труду без ограничения.

Действующее законодательство устранило эту ошибку. Согласно п. 1. ст. 1 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее — Закон о фермерском хозяйстве) [2] крестьянское хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и *совместно осуществляющих* (курсив мой. — Н. Т.) производственную и иную хозяйственную деятельность (произ-

водство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии (курсив мой. — Н. Т.).

Итак, закрепление трудового характера деятельности крестьянского хозяйства, несомненно, является одним из наиболее значимых нововведений Закона о фермерском хозяйстве. Указанный признак выделяли большинство исследователей сущности крестьянского хозяйства, в том числе А. В. Бабанов, Г. А. Волков, Е. А. Галиновская, Е. Л. Минаева, Р. Э. Прауст, М. Ю. Тихомиров, В. В. Устюкова, А. Чайнов и др.

Однако в науке нет единого мнения по поводу характера трудового крестьянского хозяйства. Более того, при анализе норм действующего законодательства возникают и другие проблемы.

Во-первых, в определении, данном в п. 1 ст. 1 Закона о фермерском хозяйстве, крестьянское хозяйство представляет собой «объединение граждан... совместно осуществляющих... деятельность». Данная формулировка, на наш взгляд, является неконкретной и расплывчатой.

Во-вторых, законодательно не решен вопрос, обязательно ли личное участие в деятельности крестьянского хозяйства всех его членов.

В-третьих, действующее законодательство не регламентирует использование наемного труда в крестьянском хозяйстве. С одной стороны, деятельность фермерского хозяйства основана на личном участии его членов, следовательно, использование наемного труда запрещено, а с другой — прямого запрета на применение наемного труда в крестьянском хозяйстве в Законе о фермерском хозяйстве не установлено. Подобная неопределенность приводит к искажению сущности крестьянского хозяйства, а значит, препятствует организации его эффективной деятельности и развитию данной формы хозяйствования.

Итак, попробуем разобраться, в чем заключается трудовой характер крестьянского хозяйства.

По мнению большинства исследователей (А. В. Бабанова [3], Г. А. Волкова [4], Е. А. Галиновской, Е. Л. Минаевой [5], М. Ю. Тихомирова [6]), трудовым считается крестьянское хозяйство, отвечающее следующим критериям: 1) труд в фермерском хозяйстве хотя бы для одного из его членов является основным местом работы; 2) все члены крестьянского хозяйства принимают самостоятельное участие в его деятельности; 3) деятельность крестьянского хозяйства основана преимущественно на труде его членов.

Думается, что указанные характеристики трудового крестьянского хозяйства спорны. Так,

если работа в фермерском хозяйстве хотя бы для одного из его членов является основной, то это не всегда будет предопределять трудовой характер крестьянского хозяйства. Во-первых, сам термин «основное место работы» неконкретный, ведь в современных условиях гражданин может трудиться по нескольким гражданско-правовым и трудовым договорам, работать неофициально. Во-вторых, в современных условиях люди весьма часто меняют деятельность, и если сегодня гражданин еще трудится, то завтра по различным причинам он может стать безработным. Выходит, выяснить, какая работа и для кого из членов крестьянского хозяйства является основной, невозможно.

Доводы о том, что трудовым считается крестьянское хозяйство, в котором все его члены принимают личное участие в его деятельности, также весьма спорные. На практике отследить данное условие не представляется возможным, тем более что отношения в семейных крестьянских хозяйствах в большинстве случаев не являются жестко формальными. Кроме того, членами крестьянского хозяйства могут быть нетрудоспособные лица, например малолетние, пенсионеры — члены крестьянской семьи. Об их непосредственном личном участии в деятельности крестьянского хозяйства говорить было бы некорректно. Таким образом, в данном случае следует рассуждать о самостоятельном труде всей *крестьянской семьи, ведущей крестьянское хозяйство, но не ее отдельных членов*.

Расплывчато выглядят аргументы о том, что в трудовом крестьянском хозяйстве деятельность основана преимущественно на труде его членов. По сути, они допускают использование наемного труда в деятельности трудового крестьянского хозяйства. Но что значит «преимущественно», каково должно быть соотношение личного труда членов крестьянского хозяйства и наемного, чтобы считать фермерское хозяйство трудовым? На указанные вопросы ученые не дают ответа. На практике это приводит к неограниченному использованию в крестьянских хозяйствах наемного труда, а следовательно, к искажению сущности данного понятия.

Обоснованной представляется позиция ученых, полагающих, что трудовой характер крестьянского хозяйства заключается прежде всего в значительном ограничении использования наемной рабочей силы. Ведущие экономисты-аграрники придерживаются точки зрения, согласно которой классическим семейным считается хозяйство, где постоянно работают члены одной семьи и наемный труд не используется.

Именно личный труд членов крестьянской семьи ставился автором теории семейно-трудового крестьянского хозяйства А. Чаиновым во главу угла. При этом он подчеркивал существенную разницу между сезонным применением наемного труда и постоянным его использованием в целях извлечения дополнительной прибыли. Наемный труд должен играть не основную, а вспомогательную роль. Только в высшей посевной группе участие наемного труда достигает 9 %.

В 1962 г. американский экономист Р. Николл предложил относить к семейным фермам лишь те, которые используют менее полутора наемных рабочих в среднегодовом исчислении. Остальные фермы он называет большими. Это естественно, поскольку при применении наемного труда в значительных объемах доходы получают уже в основном за счет его эксплуатации.

С. Маслов под крестьянским хозяйством подразумевает «такую организацию сельского хозяйства, в которой производство ведется на основе труда самого земледельца и его семьи» [8].

Как отмечает исследователь семейных хозяйств экономист Р. Э. Прауст, появление в издержках производства семейного хозяйства заработной платы наемных работников свидетельствует о том, что оно начинает движение в сторону корпоративного типа хозяйствования и за счет этого расширяет свои естественные границы, определяемые демографической структурой семьи и численностью трудоспособных членов в ней. Экономическая деятельность такого хозяйства осуществляется по модели корпоративного предприятия в форме семейной фирмы. При этом неизбежно происходит фактическое обособление сельскохозяйственного имущественного комплекса от домашнего хозяйства, производственной сферы от частной жизни семьи, так как в ней преобладают наемные работники, не связанные с собственниками хозяйства родством, совместным имуществом и внутрисемейным потреблением.

Весьма интересной представляется точка зрения М. Еремеева, полагающего, что необходимость исходит не из формально-технического признака (число наемных работников), а из характера применения наемного труда в крестьянском хозяйстве [10].

Как видим, вопрос о конкретном допустимом количестве использования наемного труда в деятельности трудового крестьянского хозяйства, четких условиях его применения остается открытым.

Мы убеждены, что трудовой характер фермерского хозяйства заключается в том, что доход в нем получается от самостоятельного труда *крестьянской семьи*, а не от эксплуатации наем-

ного. Иными словами, закрепление в действующем законодательстве трудового характера крестьянского хозяйства прежде всего должно быть связано с ограничением использования труда наемных работников в его деятельности.

Вместе с тем по вопросу ограничения использования наемного труда в крестьянском хозяйстве в науке имеются и противоположные точки зрения.

В. В. Устюкова отмечает, что ограничение приема в хозяйство наемных работников является неконституционным [11]. Л. П. Чумакова идет еще дальше и в своей научной работе предлагает разработать закон «О найме труда», отмечая, что такой акт ускориет бы развитие фермерского движения [12].

Одним из аргументов противников предложения об ограничении труда наемных работников в крестьянском хозяйстве может стать довод о том, что без использования дополнительной рабочей силы фермерское хозяйство не сможет выжить, особенно в условиях конкуренции, например с сельскохозяйственными кооперативами; в условиях, когда крестьянское хозяйство имеет большие обороты, крупные земельные участки, которые не под силу обработать членам маленькой крестьянской семьи. Полагаем, ключ к решению данной проблемы должен лежать в интенсификации производства, внедрении техники, компьютеризации, модернизации всех технологических процессов, а также в кооперации крестьянских хозяйств. Достижению указанных целей должны способствовать меры государственной поддержки.

Опыт зарубежных стран также подтверждает вывод о необходимости ограничения использования наемного труда в семейном крестьянском хозяйстве в целях повышения эффективности и развития данной формы хозяйствования на селе. Так, в западноевропейских странах (Великобритании, Дании, Голландии, Швеции, Финляндии, Франции, ФРГ, Италии) 95 % семейных фермерских хозяйств не имеют постоянных наемных работников. Как правило, их привлекают со стороны только для выполнения сезонных работ на сравнительно короткий период времени. В США на индивидуальных (семейных) хозяйствах трудятся члены одной семьи. В Китае вовсе в дворах не используют наемный труд.

Итак, на основании вышеизложенного предлагаем внести следующие изменения в Закон о фермерском хозяйстве:

1. Пункт 1 ст. 1 изложить в следующей редакции: «Крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан... осуществляющих производственную и иную хозяй-

ственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции) *собственными силами крестьянской семьи* (курсив мой. — Н. Т.).

2. Дополнить Закон о фермерском хозяйстве ст. 1.1 следующего содержания:

«Статья 1.1. Труд в крестьянском хозяйстве

1. Труд в крестьянском хозяйстве осуществляется собственными силами крестьянской семьи.

2. Использование труда наемных работников в крестьянском хозяйстве допускается в исключительных случаях на период выполнения сезонных работ.

3. Трудовые отношения в крестьянском хозяйстве регулируются настоящим Законом, трудовым законодательством Российской Федерации».

Крестьянское хозяйство, членский состав которого выходит за рамки одной семьи, использующее труд наемников свыше установленных допустимых норм, должно привести свой статус в соответствие с Законом о фермерском хозяйстве в срок до 1 января 2011 г. В противном случае оно подлежит ликвидации в судебном порядке по инициативе уполномоченного органа государственной власти. Очевидно, данное крестьян-

ское хозяйство должно будет преобразоваться в кооператив, общество, товарищество. Однако порядок преобразования индивидуальных предпринимателей в юридическое лицо не предусмотрен гражданским и аграрным законодательством. Таким образом, в Законе о фермерском хозяйстве необходимо закрепить процедуру приведения правового статуса крестьянских хозяйств, созданных до внесения предлагаемых изменений в настоящий Закон, в соответствие с действующим законодательством.

В заключение следует обратить внимание на то, что судебная практика в настоящее время также исходит из семейно-трудового характера фермерского хозяйства. Так, несоответствие субъектного состава крестьянского хозяйства требованиям Закона о фермерском хозяйстве, отсутствие совместной производственной деятельности его членов на основе личного участия и отсутствие сформированного общего имущества стали основанием для признания соглашения о создании крестьянского хозяйства недействительным (см. постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 по делу № А56-4082/2008 [13]).

---

1. См.: ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 324.

2. См.: СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

3. См.: Бабанов А. В. Основания и порядок прекращения прав на землю крестьянских (фермерских) хозяйств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12—13.

4. См.: Волков Г. А. Крестьянское хозяйство как субъект земельных правоотношений. (Историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 58.

5. См.: Галиновская Е. А., Минина Е. Л. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». М. : Юстицинформ, 2004.

6. См.: Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» / отв. ред. М. Ю. Тихомиров. М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006.

7. См.: Коньгин А. А. Фермерское хозяйство США / под ред. В. Ф. Башмачникова. М., 1989. С. 64.

8. См.: Маслов С. Крестьянское хозяйство. М., 1921. С. 1—99.

9. См.: Прауст Р. Э. Апология и проблематика семейного сельского хозяйства: исторические и социально-экономические очерки. 2008. Вып. 21. С. 230—231.

10. См.: Еремеев М. Определение понятия «трудовое крестьянское хозяйство» // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 21. С. 630.

11. См.: Устюкова В. В. Правовое положение крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 255.

12. См.: Чумакова Л. П. Основные теоретические проблемы крестьянских (фермерских) хозяйств. (Гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1993. С. 151.

13. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 347.19

Л. В. Чельшкова
L. V. Chelyshkova

История развития правосубъектности учреждений: зарождение и настоящий момент

The History of Development of the Legal Personality of Institutions: Origin and Present Moment

В представленной статье исследуется история становления правосубъектности учреждений. Кроме того, проводится сравнительный анализ новой организационно-правовой формы юридического лица — автономного учреждения. В статье демонстрируется значимость данной формы.

In presented article is researched the history of formation of the legal personality of institutions, as well as the author pursues the comparative analysis of the new form of legal person — autonomous institution. In this article proves the importance of the given form of legal person.

Правосубъектность; юридическое лицо; автономные учреждения

Legal personality; legal person; autonomous institution

Конструкция юридического лица уже давно интересует теоретиков. Во всем мире роль данных организаций напрямую связана с возможностью достижения консенсуса общественных интересов, создания так называемого гражданского общества.

К актам, составляющим ядро нормативной базы для развития некоммерческих организаций, недавно добавлен Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее — Закон об автономных учреждениях) [1].

Согласно ст. 120 ГК [2] учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера. В зависимости от статуса учредителя различают частные, государственные и муниципальные учреждения. Послед-

ние подразделяются, в свою очередь, на бюджетные и автономные. Порядок создания, функционирования, реорганизации и преобразования, а также ликвидации учреждения детально закреплен в Федеральном законе от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [3].

«Правосубъектность есть категория, которая прочно установилась в цивилистической теории, хотя законодательство не использует этот термин» [4]. Правосубъектность понимается не как набор качеств, которыми должны обладать субъекты гражданского права в целом, а как признак, которым согласно закону наделяется отдельный субъект для признания его участником гражданских правоотношений; правосубъектность представляет собой право общего типа, обеспеченное государством материальными и юридическими гарантиями. Наделение субъекта правосубъектностью — следствие существования длящейся

между ним и государством связи. Именно поэтому на всякое правосубъектное лицо возлагаются обязанности принципиального характера: соблюдение законов и нравственных норм, осуществление субъективных гражданских прав в соответствии с их социальным назначением. Правосубъектность может быть общей, отраслевой и специальной. В ее составе различают правоспособность и дееспособность.

Что касается **характера правосубъектности**, многие правоведы отмечают, что «общественное образование, наделенное статусом юридического лица, становится участником различных видов общественных связей. Поскольку учреждение как юридическое лицо реально выступает субъектом различных отраслей права, его правосубъектность носит многоотраслевой характер» [5]. Однако правосубъектность учреждения имеет прежде всего гражданско-правовой характер. Правоспособность учреждения предполагается целевой (специальной, ограниченной), допускающей его участие лишь в определенном, ограниченном круге гражданских правоотношений, ибо юридическое лицо по общему правилу может иметь только такие гражданские права, которые соответствуют определенным законам или учредительным документам, целям его деятельности, и, соответственно, может нести лишь связанные с этой деятельностью обязанности (п. 1 ст. 49 ГК). «Всякая корпорация способна действовать, вызывая последствия только в пределах жизненной сферы, отведенной ей правопорядком, и должна иметь особую жизненную цель» [6]. «Юридическое лицо обязано иметь специальную правоспособность, дабы не господствовать над человеком» [7]. Аналогичная позиция поддерживалась судебной практикой. Как указал в 1882 г. Правительствующий сенат, в сфере правовых отношений положение юридического лица как субъекта права отличается от положения лица физического только тем, что деятельность юридического лица ограничивается задачами, которые имелись в виду при его учреждении, а также прямо выраженными изъятиями из общих законов. Принцип специальной правоспособности юридического лица был жестко сформулирован в ст. 26 ГК РСФСР [8]. Сделки, совершенные юридическим лицом в противоречии с целями, указанными в его уставе, положении о нем или в общем положении об организациях данного вида, признавались недействительными как не соответствующие требованиям закона (ст. 50 ГК РСФСР). Правовая наука квалифицировала такие сделки как ничтожные, поскольку к ним применялись правила, установленные ст. 48, 49 ГК РСФСР.

Современный российский законодатель смягчил правила о специальном характере правоспособности для многих видов юридических лиц. Согласно ч. 2 ст. 49 ГК коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести соответствующие обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом, т. е. наделены общей (универсальной) правоспособностью. Тенденция к отказу от принципа специальной правоспособности (доктрина *ultra vires*), особенно в отношении коммерческих юридических лиц, прослеживается во многих правопорядках.

В ГК Швейцарии (ст. 51) прямо установлено, что юридическое лицо обладает неограниченной правоспособностью.

В Англии юридические лица, созданные актами короны, всегда имели общую правоспособность, тогда как юридические лица, созданные общим или специальным актом парламента, имели права и обязанности, необходимые для достижения цели, указанной в уставе. Законом о компаниях 1989 г. принцип *ultra vires* был отменен.

В современном российском праве принцип целевой правоспособности сохраняется для некоммерческих юридических лиц, для государственных (муниципальных) унитарных и казенных предприятий, а также для указанных в законе отдельных видов коммерческих юридических лиц и для учреждений. Законом установлен перечень видов деятельности, которыми учреждение вправе заниматься только на основании специального разрешения — лицензии (ч. 2 п. 3 ст. 49 ГК). «Основной целью лицензирования отдельных видов деятельности является контроль за ее осуществлением для обеспечения защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. В гражданско-правовом смысле лицензия на осуществление отдельных видов деятельности есть не право, а официальное разрешение» [9]. Вместе с тем для некоторых видов юридических лиц, обладающих установленной законом специальной правоспособностью, выдача лицензии означает приобретение субъективного права на осуществление их основной деятельности в рамках специальной правоспособности. Следовательно, правовые последствия выдачи либо утраты лицензии на осуществление деятельности, соответствующей специальной правоспособности данного субъекта, будут иными. Аннулирование (отзыв) лицензии у такого юридического лица равносильно лишению его специальной правосубъектности, а потому неизбежно влечет его ликвидацию.

«Юридическое лицо есть общественное образование, основой или “субстратом” которого являются люди, находящиеся в определенных отношениях между собой. Будучи субъектом права, учреждение способно формировать и изъявлять волю, составляющую необходимую предпосылку механизма действия права. Она определяется и направляется целью, ради которой создан субъект права. Психологическая воля в данном случае является той предпосылкой, без которой немислима юридическая воля общественного образования как объективированной и независимой от отдельных велений сферы возможного и осуществляемого поведения человеческого коллектива. Единство поведения этой группы людей является следствием общих для них условий материальной и духовной жизни, определяется общей целью, поставленной перед ними государством, и т. д.» [10]. Следовательно, будучи волеспособным субъектом, юридическое лицо обладает **дееспособностью**.

«По мнению исследователей, правоспособность и дееспособность юридического лица появляются одновременно, в момент возникновения самого юридического лица» [11].

С точки зрения цивилистической теории это не так неоднозначно. По законодательству ФРГ и Финляндии моменты возникновения правоспособности и дееспособности юридического лица могут не совпадать во времени. В ФРГ ООО и АО признаются ограниченно правоспособными с момента государственной регистрации предварительного общества и становятся дееспособными с даты их регистрации в качестве юридических лиц.

Содержание дееспособности учреждения, как и гражданина, включает три основных элемента:

- 1) сделкоспособность;
- 2) способность самостоятельно осуществлять гражданские права и исполнять обязанности;
- 3) деликтоспособность (ст. 56 ГК).

В настоящее время дееспособность юридического лица может быть ограничена в случаях, предусмотренных законом (п. 23 ст. 49 ГК). «Практически полное исключение правомочия распоряжения для учреждения, имеющего имущество на праве оперативного управления (ст. 298 ГК), является существенным ограничением его дееспособности» [12].

Согласно п. 3 ст. 49 и п. 8 ст. 63 ГК **правоспособность учреждения прекращается** с момента внесения записи о его ликвидации в Единый государственный реестр юридических лиц.

Исполняя волю главы государства, Правительство РФ приняло постановление от 22.05.2004 № 249 «О мерах по повышению результативно-

сти бюджетных расходов» [13]. Суть преобразования состоит в освобождении государства от обязанности финансового обеспечения организаций на основе сметы доходов и расходов и от ответственности по их обязательствам [14]. Принятый Закон об автономных учреждениях разработан в соответствии с принципами реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003—2004 гг. и на период до 2006 г. во исполнение распоряжения Правительства РФ от 21.11.2003 № 1688-р «О плане мероприятий по обеспечению реструктуризации бюджетного сектора на 2003-2004 годы» [15] и имеет целью снять с бюджетного финансирования те организации бюджетной сферы, в которых высока доля платных услуг (до 70 %). Общая идея данного закона заключается в сокращении бремени содержания государством учреждений социальной сферы путем коммерциализации такого рода учреждений. Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом РФ или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством РФ полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта. На первый взгляд видимых различий с бюджетными учреждениями не наблюдается. И автономное, и бюджетное учреждение обладают правом оперативного управления закрепленным за ними имуществом. Однако правовой режим пользования этим имуществом различен.

Бюджетное учреждение не вправе отчуждать или иным способом распоряжаться любым имуществом, как закрепленным за ним, так и приобретенным за счет бюджетных средств либо за счет доходов от предпринимательской и иной деятельности.

Автономное учреждение не может распоряжаться без согласия учредителя недвижимым и особо ценным движимым имуществом (для целей Закона об автономных учреждениях под особо ценным движимым имуществом понимается имущество, без которого осуществление автономным учреждением своей уставной деятельности будет затруднено; виды такого имущества определяются в порядке, устанавливаемом Правительством РФ), закрепленным за ним учредителем или приобретенным автономным учреждением за счет выделенных учредителем целевых средств. Остальным имуществом, в том числе недвижимым,

автономное учреждение имеет право распоряжаться самостоятельно (это право не распространяется на внесение имущества в уставный капитал других юридических лиц).

Вносить денежные средства и иное имущество в уставный (складочный) капитал других юридических лиц или иным образом передавать это имущество другим юридическим лицам в качестве их учредителя или участника автономное учреждение вправе, пусть и с согласия своего учредителя (п. 6 ст. 3 Закона об автономных учреждениях). Однако бюджетным законодательством расходования бюджетных средств (средств бюджетных учреждений) на приобретение долей в капитале (акций) коммерческих организаций не предусмотрено.

Решение об отнесении имущества к категории особо ценного движимого имущества принимается учредителем при принятии решений о закреплении указанного имущества за автономным учреждением либо о выделении средств на его приобретение. По всей вероятности, особо ценное имущество в каждой сфере деятельности будет различным. Не вдаваясь в тонкости теории гражданского права, отметим лишь, что особенности оперативного управления в трактовке Закона об автономных учреждениях не в полной мере соответствуют требованиям гражданского законодательства.

Бюджетное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами, а при их недостаточности субсидиарную ответственность несет собственник имущества. Собственник имущества автономного учреждения, напротив, не несет никакой ответственности по обязательствам учреждения. Автономное учреждение отвечает по своим обязательствам закрепленным за ним имуществом, кроме недвижимого и особо ценного движимого имущества, закрепленного за ним учредителем или приобретенного за счет целевых средств, выделенных учредителем.

Согласно гражданскому законодательству учреждение финансируется собственником полностью или частично. На практике бюджетные учреждения финансировались преимущественно собственником.

В соответствии с Законом об автономных учреждениях собственник имущества автономного учреждения не имеет права на получение доходов от осуществления его деятельности и использование закрепленного за учреждением имущества. Они поступают в самостоятельное распоряжение автономного учреждения и используются им для достижения целей, ради которых оно создано.

Законом установлен и другой механизм финансирования деятельности автономного учреждения: учредитель устанавливает для автономного учреждения задания в соответствии с предусмотренной его уставом основной деятельностью (ст. 4 Закона об автономных учреждениях). Согласно этим заданиям автономное учреждение выполняет работы, оказывает услуги, часть которых может оплачиваться. Учредитель обеспечивает выполнение задания финансами. Своего рода ориентир на возврат института распределения и государственного заказа. Деятельность автономного учреждения финансируется путем предоставления субвенций и субсидий (в соответствии со ст. 6 БК субвенции — это бюджетные средства, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основах на осуществление определенных целевых расходов; субсидии — бюджетные средства, предоставляемые на условиях долевого финансирования целевых расходов) из соответствующего бюджета РФ и иных не запрещенных федеральными законами источников. Гарантией того, что все учреждения (и бюджетные, и автономные) будут находиться в равных финансовых условиях, служит положение о том, что объем финансового обеспечения выполнения задания, установленного учредителем государственному или муниципальному учреждению (бюджетному или автономному), не может зависеть от типа такого учреждения (п. 1 ст. 20 Закона об автономных учреждениях).

Указанные отличия в правовом положении бюджетных и автономных учреждений призваны обеспечить функционирование учреждений культуры, образования, искусства, спорта и ряда других на коммерческой основе, что должно привести к повышению рентабельности и эффективности их хозяйственной деятельности. Выводя учреждения в конкурентную среду, государство тем не менее владеет имуществом указанных учреждений и вправе влиять на их деятельность.

Необходимо отметить также аналогичность норм Закона об автономных учреждениях, регулирующих порядок совершения автономным учреждением крупных сделок (ст. 14, 15) и сделок с заинтересованностью (ст. 16, 17), нормам законодательства для коммерческих организаций.

Автономные учреждения обязаны вести бухгалтерский учет в порядке, установленном законодательством. Полагаем, что имеется в виду законодательство о бухгалтерском учете, которое на сегодняшний момент представлено Федеральным законом от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» [16]. При этом учет в автономных учреждениях должен осуществляться на

основании Инструкции по применению плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организации (в соответствии с Инструкцией по применению плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций, утвержденной приказом Минфина России от 31.10.2000 № 94н, бухгалтерский учет должен вестись в организациях (кроме кредитных и бюджетных) всех форм собственности и организационно-правовых форм, использующих метод двойной записи). Автономное учреждение обязано ежегодно публиковать отчеты о своей деятельности и использовании своего имущества в порядке, определяемом Правительством РФ. Автономные учреждения в отличие от бюджетных подлежат обязательной аудиторской проверке. Автономное учреждение вправе в установленном порядке открывать счета в кредитных организациях. Доходы автономного учреждения поступают в его самостоятельное распоряжение и используются им для достижения целей, ради которых оно создано. В соответствии со ст. 41, 42 БК [17] доходы бюджетного учреждения, полученные от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, после уплаты налогов и сборов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, в полном объеме учитываются в смете доходов и расходов бюджетного учреждения и отражаются в доходах соответствующего бюджета как доходы от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, либо как доходы от оказания платных услуг. Новацией является организация функционирования наблюдательного совета по аналогии с наблюдательным советом в АО по причине коммерциализации сферы.

Противники преобразования государственных образовательных учреждений в автономные утверждают, что Закон об автономных учреждениях способен нанести колоссальный вред социальным правам граждан и стране в целом.

Аргументы **сторонников**: государственные (муниципальные) автономные некоммерческие организации будут действовать наряду с государственными (муниципальными) учреждениями, однако в отличие от последних будут пользоваться большей свободой в распоряжении переданным им имуществом и нести большую ответственность по принятым на себя обязательствам [18]. Реформа предусматривает расширение состава органи-

зационно-правовых форм организаций социальной сферы.

Итак, под правосубъектностью юридического лица любой организационно-правовой формы понимается наличие у него качеств субъекта права, т. е. правоспособности и дееспособности. В теории права под субъектом права понимается лицо — участник общественных отношений (индивид, организация), которое по своим особенностям фактически может быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей. Для этого оно должно, во-первых, обладать внешней обособленностью, персонификацией и способностью вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю. И, во-вторых, это лицо должно быть реально способным участвовать в правоотношениях посредством приобретения свойств субъекта права в силу юридических норм. Именно юридические нормы являются обязательной основой выступления индивидов, организаций, общественных образований как субъектов права.

В нашем случае все эти положения распространяют свое действие на учреждения, которые выступают в гражданско-правовых отношениях как полноценные субъекты права. И если сравнивать изначальное предназначение учреждений и нынешнее, то можно выделить следующие общие характеристики:

- 1) целевое использование имущества;
- 2) ограниченное вещное право, в нашем случае право оперативного управления, отличное по объему прав от права собственности;
- 3) изначальная постановка цели существования и функционирования;
- 4) собственник и фактический владелец — не одно лицо;
- 5) собственник осуществляет контроль за целевым использованием вверенного имущества. Таким образом, по истечении длительного периода времени несколько изменилась, а именно увеличилась сфера функционирования учреждений. Появилось больше их разновидностей. Вещные права учреждений получили название права оперативного управления. Особенно потряс теоретиков и практиков выход в свет Закона об автономных учреждениях, который существенно меняет представление об истинном предназначении учреждений. Именно поэтому требуется более детальное изучение их правосубъектности.

1. См.: СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52. Ст. 5496.

3. См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. См.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966; Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972; Веберс Я. Л. Правосубъектность граждан в советском, гражданском и семейном праве. Рига, 1976.
5. См.: Венедиктов А. В. О субъектах социалистических правоотношений // Сов. гос-во и право. 1955. № 6. С. 23.
6. См.: Пергамент М. Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. СПб., 1909. С. 5—7.
7. См.: Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 119—121.
8. См.: Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // ВВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
9. См.: Камоликова С. Лицензии на осуществление отдельных видов деятельности: права или разрешения // Хоз-во и право. 1998. № 9. С. 108—110.
10. См.: Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 46.
11. См.: Грибанов В. П. Юридические лица. М., 1961. С. 25.
12. См.: Кряжевских К. П. Право оперативного управления и право хозяйственного ведения по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 100—122.
13. См.: СЗ РФ. 2004. № 22. Ст. 2180.
14. См.: Токарев И. Автономное учреждение: между бюджетом и коммерцией // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2007. № 1.
15. См.: СЗ РФ. 2003. № 47. Ст. 4584.
16. См.: Там же. 1996. № 48. Ст. 5369.
17. См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
18. См.: Гусева Т. Концепция правового регулирования статуса автономных образовательных учреждений // Право и экономика. 2006. № 12.

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.2

А. А. Амелин
A. A. Amelin

Проблемы квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 285 и 292 Уголовного кодекса Российской Федерации

Qualification Problems on Set of the Crimes Provided by Articles 285 and 292 Criminal Codes of Russian Federation

В статье формулируются правила квалификации деяний, предусмотренных в ст. 285 и 292 УК с учетом нового постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» и в соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а также мнением ведущих ученых в области должностных преступлений.

In the article are formulated by the author of a rule of qualification of the acts provided in articles 285 and 292 of the Criminal Code of Russian Federation — taking into account the new Decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 10/16/2009 № 19 «About judiciary practice on affairs about abusing powers of office and about excess of powers of office» and being guided by positions of the Decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 12/27/2007 № 51 «About judiciary practice on affairs about swindle, assignment and waste, and also opinion of leading scientists in the field of malfeasances.

Квалификация; служебный подлог; преступления; злоупотребление должностными полномочиями; совокупность

Qualifications; forgery; crimes; abuse of authority; peer

Достаточно дискуссионным вопросом является соотношение служебного подлога (ст. 292 УК) со злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК) [1]. Ряд ученых, в частности Б. В. Волженкин [2], Н. А. Егорова [3], относили служебный подлог к специальному виду злоупотребления должностными полномочиями. Однако впоследствии авторы не стали настаивать на этом мнении. Так, Н. А. Егорова в той же работе называет данное деяние разновидностью не злоупотребления, а превышения должностных полномочий.

Позднее Б. В. Волженкин сказал, что, если ответственность за злоупотребление должностными полномочиями предусмотрена специальной

уголовно-правовой нормой (ст. 136, 140, 149, 159, 160, 169, 170, 188, 256, 258, 260, 282, 294, 299, 305, 315 УК и др.), содеянное подлежит квалификации по статье, предусматривающей специальную норму без совокупности со статьями, где описаны общие составы должностных злоупотреблений (ч. 3 ст. 17 УК)[4]. Статью 292 УК в данном перечне он не указал.

Т. Б. Басова определяет место служебного подлога в системе Особенной части УК с учетом его двойственной природы: с одной стороны, как общего должностного преступления, имеющего свои разновидности, а с другой — как специального вида должностного злоупотребления, предусмотренного ст. 285 УК [5].

Не стоит отрицать мнения Б. В. Здравомыслова, считающего, что при совершении служебного подлога «виновный использует свои должностные или служебные полномочия» [6]. Обе статьи (ст. 285 и 292) расположены в гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК и таким образом имеют единый видовой объект — общественные отношения, охраняющие нормальную деятельность публичного аппарата управления.

Часть 1 ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» УК предусматривает ответственность за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В соответствии с ч. 1 ст. 292 УК преступление — это служебный подлог, т. е. внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

По своей конструкции перечисленные составы преступлений неодинаковы. Во-первых, в них описаны различные виды субъектов. Если в ст. 285 УК указаны только должностные лица, то в ст. 292 УК помимо них названы еще и государственные служащие или служащие органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами. Во-вторых, состав преступления в ч. 1 ст. 285 УК — материальный (деяние окончено с наступлением последствий — существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства), а в ч. 1 ст. 292 УК — формальный (достаточно совершение деяния — служебного подлога). Как материальный состав следует рассматривать деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 292 УК (те же деяния, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства) и ч. 3 ст. 285 УК (деяния, повлекшие тяжкие последствия).

Следует согласиться с В. Борковым, полагающим, что утверждение, будто служебный подлог является специальным видом должностного

злоупотребления, было обоснованным в период действия УК РСФСР 1960 г. [7]. Так, в ст. 170 УК РСФСР наказуемым признавалось злоупотребление властью и служебным положением, а должностной подлог (ст. 175 УК РСФСР) представлял собой разновидность данного поведения. В действующем УК изменена редакция статьи, предусматривающей ответственность за злоупотребление по должности. Сегодня преступление, предусмотренное ст. 285 УК, состоит в злоупотреблении должностными полномочиями, т. е. в использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства. Б. В. Волженкин по этому поводу пишет: «Полномочия должностного лица определяются его компетенцией, установленной в соответствующих законах, положениях, уставах и других нормативных актах, в которых регламентируются права и обязанности лица» [8].

На наш взгляд, в настоящее время превышение должностных полномочий уже не является специальным видом злоупотребления.

Однако мы не согласны с В. Борковым, что служебный подлог, если он совершен должностным лицом, следует рассматривать как частный случай превышения должностных полномочий [9]. Считаем, что служебный подлог (ст. 292 УК) является самостоятельным видом преступления против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления. В обоснование тезиса приведем следующие аргументы. Во-первых, служебный подлог имеет свой отдельный непосредственный объект, коим необходимо признать общественные отношения, охраняющие официальный документооборот. А во-вторых, служебный подлог сам по себе может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, как уже отметил законодатель, введя ч. 2 ст. 292 УК. Поэтому считаем необходимым выработать четкие критерии разграничения деяний, предусмотренных ст. 285 и 292 УК.

Не вносит ясности в рассматриваемый вопрос п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [10] (далее — постановление о судебной практике), в котором сказано, что под использованием должностным лицом своих служеб-

ных полномочий вопреки интересам службы (ст. 285 УК) судам следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. В частности, как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (например, выдача водительского удостоверения лицам, не сдавшим обязательный экзамен; прием на работу лиц, фактически не исполняющих трудовые обязанности; освобождение командирами (начальниками) подчиненных от исполнения возложенных на них должностных обязанностей с направлением для работы в коммерческие организации либо обустройства личного домовладения должностного лица).

Указанное положение еще больше усложняет разграничение ст. 285 и 292 УК, так как выдача водительского удостоверения лицам, не сдавшим обязательный экзамен, является, на наш взгляд, служебным подлогом.

Однако не совсем ясен термин «выдача». Определение данного понятия по смыслу не совпадает с использованным в ст. 292 УК. Здесь выдача — это «внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание». Полагаем, если должностное лицо само изготовило поддельное водительское удостоверение и потом выдало его лицу, деяние охватывается составом «служебный подлог» и дополнительной квалификации по ст. 285 УК не требует. Если же должностное лицо дает указание подчиненному (не субъекту должностных преступлений) изготовить поддельное водительское удостоверение, а само потом выдает его, то толкование высшей судебной инстанции необходимо понимать как наличие совокупности преступлений, предусмотренных ст. 292 и 285 УК.

Еще более усложняет проблему п. 17 постановления о судебной практике, где сказано, что вопрос, связанный с правовой оценкой действий должностного лица, совершившего служебный подлог, должен решаться исходя из положений ст. 17 УК.

В случаях когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 292 УК. Если же должностным лицом наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 292 УК [11]. Получается, если лицо выдало подложный документ, то эти действия следует квалифицировать по ст. 285 УК, а если оно же внесло в официальный документ заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие его действительное содержание, необходима квалификация содеянного по совокупности ст. 285 и 292 УК.

В этом случае суду необходимо было пояснить, что означает словосочетание «выдача водительского удостоверения лицам, не сдавшим обязательный экзамен». Значит, выдача — это не подлог?

Приведем пример. В Хилокском районе лесничий, нарушив утвержденный порядок организации и проведения лесных аукционов, внес в официальные документы заведомо ложные сведения об объеме древесины, подлежащей рубке на лесосеке, расположенной в Могзонском лесничестве. Делалось это во благо ООО «Три», с директором которого у лесничего сложились приятельские отношения. В документах вместо достоверно имеющегося объема древесины 313 куб. м И. Белов указал 650 куб. м. Составленный официальный документ — ведомость материально-денежной оценки лесосеки, обеспечивающий возможность компетентного выбора аукционных единиц, послужил основанием для проведения лесного аукциона № 27. Предоставив организатору мероприятия — директору ОГУ «Хилокский лесхоз» и победителю аукциона № 27 ИП Очирова недостоверную информацию о продаваемых аукционных единицах, И. Белов причинил ИП Очирова ущерб на сумму 120 тыс. руб. Следствие квалифицировало действия лесничего по ст. 285 (ч. 1) и 292 УК [12].

В приведенном примере лесничий внес в официальные документы заведомо ложные сведения (ст. 292 УК) и выдал подложный документ другим лицам. В случае если бы он сам воспользовался этим документом из корыстной или иной личной заинтересованности, деяние охватывалось бы ст. 292 УК и дополнительной квалификации по ст. 285 УК не требовалось.

Другим примером может быть деяние, совершенное тульским судебным приставом. Сотрудники отдела по обеспечению работы с кадрами и вопросов безопасности УФССП России по Туль-

ской области установили, что 11 сентября 2008 г. судебный пристав-исполнитель А. А. Грызлова, просматривая в своем служебном кабинете квитанционную книжку судебного пристава-исполнителя, обнаружила незаполненный ею корешок квитанции. Посчитав, что неисполнение исполнительного производства может негативно отразиться на оценке ее служебной деятельности, А. А. Грызлова, желая искусственно повысить показатели своей служебной деятельности и получить удовлетворительную характеристику по окончании испытательного срока, с помощью копировальной бумаги заполнила графы корешка квитанции, находящегося в квитанционной книжке судебного пристава-исполнителя, в целях подтверждения факта якобы оплаты должником К. штрафа в размере 107 руб. (100 руб. из которых составлял штраф, 7 руб. — исполнительский сбор) в доход государства. После этого А. А. Грызлова выполнила собственноручно подпись от имени К. в графе «Подпись плательщика», т. е. умышленно внесла в официальный документ заведомо ложные сведения, и на основании указанного документа вынесла постановление об окончании исполнительного производства.

Своими действиями А. А. Грызлова нарушила принцип неотвратимости наказания, а также принципы исполнительного производства, установленные Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [13], выражающиеся в том, что исполнительное производство основано на принципах законности, своевременного совершения исполнительных действий, уважения чести и достоинства гражданина. Данный факт служебного подлога выявился в результате проверки отделом по обеспечению работы с кадрами и вопросов безопасности управления. Суд признал А. А. Грызлову виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 и ч. 1 ст. 285 УК [14].

В указанном примере мы не согласны с квалификацией. На наш взгляд, деяние судебного пристава-исполнителя охватывается ст. 292 УК и не содержит признаков использования должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.

Заслуживает внимания приговор Кировского областного суда, который оставил в силе оправдательный приговор суда Советского района Кировской области в отношении М., обвинявшегося в том, что он, будучи главой Советского района, подделал Устав муниципального образования, превысив тем самым должностные полномочия (ч. 2 ст. 286 УК) и совершив служебный подлог (ст. 292 УК). Как следует из материалов дела, М. внес изменения в текст устава, произведенные им без согласования с районной думой, кото-

рыми глава района значительно расширил свои полномочия. Однако федеральный судья Советского района не нашла в действиях главы местного самоуправления нарушения закона. По ее мнению, раз устав не прошел регистрацию, то текста не было и негативных для района и его жителей последствий не наступило, хотя поддельный устав был успешно зарегистрирован в правительстве области, а затем официально опубликован в районной газете [15].

Для выработки единых критериев разграничения ст. 292 и 285 УК при квалификации преступлений считаем возможным воспользоваться разъяснением постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [16]. В нем указано, что хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируются как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК и соответствующей частью ст. 159 УК.

Таким образом, мы можем выделить несколько критериев разграничения ст. 285 и 292 УК.

1. В случае если подлог, т. е. внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, осуществляется как способ (один из способов) для последующего совершения какого-либо иного злоупотребления полномочиями, квалификации по ст. 292 УК не требуется.

2. Если должностное лицо, государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющийся должностным лицом, изготавливает подложный документ, а потом передает его другому лицу для использования, т. е. действует в интересах иных лиц, деяние необходимо квалифицировать только как служебный подлог по ст. 292 УК.

3. В случае если должностное лицо, злоупотребляя должностными полномочиями, совершит еще и подлог документов (как указано в постановлении Пленума Верховного Суда от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»), то при наличии всех иных указанных в законе признаков деяния должны квалифицироваться по совокупности ст. 292 и 285 УК.

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 138.
3. См.: Егорова Н. А. Преступления против интересов службы. Волгоград, 1999. С. 192.
4. См.: Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 138.
5. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. 2008. СПб. Т. 5. С. 176.
6. Уголовное право России (Особенная часть) : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 427.
7. См.: ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
8. См.: Волженкин Б. В. Указ соч. С. 142.
9. См.: Борков В. Актуальные вопросы применения нормы о служебном подлоге // Уголовное право. 2008. № 5.
10. См.: РФ. 2009. 30 окт.
11. См.: Там же.
12. Лесничий совершил служебный подлог // Забайкальское информационное агентство : сайт. URL: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=48080&mode=thread&order=0&thold=0> (дата обращения: 01.07.2008).
13. См.: СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
14. Тульский пристав совершил служебный подлог // Долговой фактор : сайт. URL: <http://www.dolgfactor.ru/news/russian/11348.smx> (дата обращения: 01.07.2008).
15. См.: Овчинникова Е. Удивительные решения // Местное самоуправление. 2007. № 6. Ст. 165.
16. См.: РФ. 2008. 12 янв.

УДК 343.1

А. Н. Иванов
A. N. Ivanov

Проблемы удаленного исследования компьютерной информации при расследовании преступлений

Removal Studies Computer Information in the Investigation of Crimes

Статья посвящена малоизученным вопросам извлечения и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Анализируются процессуальные проблемы осуществления осмотра и обыска компьютерных систем. Обосновывается принципиальная возможность осуществления данных следственных действий. Отмечается необходимость разработки тактических приемов удаленного исследования компьютерных систем и содержащихся в них данных.

Компьютерная информация; удаленный осмотр; удаленный обыск компьютерных систем

This article is devoted to extracting of extraction and the study of computer information when investigating computer crimes. Analysis of procedural issues in the implementation of inspection and search of computer systems. We substantiate the possibility of these investigations. There is a need to develop tactics remote computer systems and studies of their data.

Computer info, remote inspection; remote searches of computer systems

Распространение компьютерной техники обусловило ее широкое использование как при совершении преступлений, так и при хранении в ней информации, имеющей значение для расследования.

В последнее время преступники стали активнее использовать возможности коммуникации, представляемые глобальной сетью Интернет. Помимо непосредственного общения (текстового, звукового и визуального) сеть позволяет пересылать экземпляры контрафактных произведений, невзирая на расстояние и границы.

Это обстоятельство обусловило появление ряда работ, в которых значительное внимание уделено осмотру компьютерных объектов, обыску, сопряженному с изъятием компьютерной информации, выемке электронных документов.

Обычно приемы осуществления данных следственных действий сопряжены с физическим проникновением в помещение, где находятся компьютеры и иные носители информации. Между тем развитие информационных технологий и средств телекоммуникаций позволяет осуществлять и удаленное (дистанционное) исследование компьютерных систем и содержащейся в них информации.

К файлам, устройствам и другим ресурсам сети, не принадлежащим непосредственно рабочей станции — компьютеру, за которым работает пользователь, применяется понятие «удаленный» (от англ. *remote*). Ресурсы компьютера, с которого выполняется работа, считаются локальными.

Возможны различные варианты удаленного исследования компьютерной информации. Ди-

станционное исследование не носит признаков чрезвычайных действий. Этот метод применяется в повседневной жизни, например при доступе сотрудников различных организаций к удаленным базам данных, в работе администратора сети при исследовании информации на подчиненных компьютерах.

Работу с удаленными ресурсами можно осуществлять двумя способами. Первый вариант предусматривает дистанционное управление программами и устройствами. Программы для удаленного управления могут предоставлять доступ к данным, хранящимся на компьютере, даже к мобильному пользователю. При дистанционном управлении только клавиатурные действия и экранные обновления передаются между двумя компьютерами, в то время как все вычисления (программы) выполняются на удаленном компьютере. Второй способ позволяет войти в сеть удаленно. Вообще, чтобы связаться с конкретной сетью путем удаленного доступа, требуется компьютер, модем и программное обеспечение. Единственное отличие удаленного компьютера, подключенного через модем, от рабочей станции локальной сети заключается в меньшей скорости передачи данных. Разумеется, допустимо подключение по выделенной линии через провайдера сети Интернет.

В принципе удаленный поиск, извлечение и фиксация компьютерной информации могут проводиться как в рамках оперативно-розыскных мероприятий, так и в результате следственных действий. К последним на данный момент относятся осмотр и обыск. Попробуем обосновать возможность и правомерность их дистанционного осуществления.

Под осмотром в криминалистике обычно понимается следственное действие, проводимое для непосредственного обнаружения и исследования объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения [1]. В том или ином варианте подобное определение встречается в работах большинства авторов. Несмотря на некоторые (в основном, редакционные) различия в определениях, практически все исследователи указывают на такой специфический признак осмотра, как непосредственность восприятия следователем объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния и т. д. [2].

Несомненно, участие лица, проводящего осмотр, необходимо на всех этапах процедуры. Вместе с тем в последние годы в криминалистике активно используются термины «виртуальные следы» [3], «электронно-цифровой след» [4],

«цифровые доказательства» [5]. Такие следы существуют объективно в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на машинном носителе компьютерной информации, но не доступны непосредственному восприятию. Опосредованное восприятие в данном случае обусловливается тем, что для извлечения и исследования указанных следов необходимо обязательное использование программно-технических средств. Поэтому при определении сущности осмотра указание на непосредственность восприятия является, на наш взгляд, излишним. «Отличительную особенность среди преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, имеют следы преступлений в компьютерных сетях, это связано с тем, что в крупных сетях физическое местонахождение следовой информации и ее носителей (например, конкретного физического сервера) может быть вообще не установлено или он может быть физически недоступен, а возможен только виртуальный доступ по компьютерным сетям. Причем очень часто для следствия физическое местонахождение искомой компьютерной информации не имеет какого-либо значения» [6]. Таким образом, уровень развития телекоммуникационных средств не требует непосредственного присутствия следователя в месте, где находится компьютерная информация (ее физический носитель). Данные сведения могут быть извлечены и изъяты дистанционно в рамках осмотра или обыска.

Полагаем, что удаленный (дистанционный) осмотр может быть осуществлен при необходимости исследования общедоступных данных, размещенных в открытых источниках, независимо от их географического положения в целях обнаружения следов преступления (например, размещенной на сайте информации (порнографических материалов, призывов к экстремистской деятельности и т. п.)) и выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для дела. В этом случае следователь с помощью специалиста в присутствии понятых посещает сайт, осматривает его, устанавливает факт присутствия определенных документов непосредственно на конкретном сайте, сохраняет (копирует) имеющую значение для дела информацию в виде файлов и распечатывает ее, после чего сравнивает распечатку с тем, что имеется на осматриваемом сайте. Результаты, полученные в процессе проведения данного следственного действия, должны оформляться протоколом осмотра документов, к которому приобщаются распечатки содержимого страниц сайта и носители, содержащие скопиро-

ванную с него информацию. Учитывая простоту создания сайтов в глобальных сетях, равно как и возможность быстрого изменения или уничтожения размещенной на них информации, такой осмотр должен стать неотложным и незаменимым следственным действием.

В свое время нами был поставлен вопрос о необходимости выделения нового вида обыска — обыска средств компьютерной техники [7]. На наш взгляд, он может осуществляться в двух формах:

1) обыск компьютерной техники членами поисковой группы, находящимися на месте, где она расположена;

2) удаленный (дистанционный) обыск компьютерной системы или ее частей.

В США разрешен обыск без физического проникновения в помещение при условии, что к конкретному компьютеру возможен доступ других лиц с удаленных терминалов по телефонным линиям [8]. Ситуация, в которой обыск осуществляется с использованием удаленного доступа с компьютера, расположенного, например, в кабинете следователя, порождает ряд проблем процессуального характера, связанных с необходимостью обеспечения прав лица, у которого производится данное следственное действие. Так, до начала обыска следователь должен: обеспечить присутствие лица, у которого производится данное следственное действие, либо совершеннолетних членов его семьи; предъявить кому-либо из указанных лиц постановление о его производстве, а в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 182 УПК [9], — судебное решение, разрешающее производство обыска; предложить указанным выше лицам добровольно выдать подлежащие изъятию документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. По мнению ряда авторов, «произвести эти мероприятия перед началом обыска в компьютерных сетях не представится возможным» [10]. На наш взгляд, в ситуации, когда проводить обыск в обычном порядке нецелесообразно (например, незамедлительно проникнуть в помещение, где расположены носители компьютерной информации невозможно, а члены семьи обвиняемого (подозреваемого), охрана проинструктированы о порядке и методике действий по уничтожению информации в случае появления членов оперативно-следственной группы), можно пригласить владельца имеющей значение для дела информации к следователю. Затем участвующим лицам (лицу, у которого производится обыск, понятым и др.) разъясняются их права, ответственность, а также порядок производства обыска. Их

предупреждают о применении технических средств, обыскиваемому предъявляется постановление о производстве обыска и предлагается выдать интересующие следствие документы, хранящиеся в электронном виде на его компьютере. Естественно, за компьютер обыскиваемое лицо не пускают, ему лишь предлагают назвать IP-адрес, пароль доступа к информации и т. п. Как видим, выполнить процессуальные требования, установленные в ст. 182 УПК, вполне реально.

Несколько иначе решается вопрос удаленного обыска в Европейской конвенции о киберпреступности, принятой в Будапеште 23 ноября 2001 г., где отмечается, что «в случае, когда компетентные органы производят обыск или получают аналогичный доступ к определенной компьютерной системе или ее части... и имеют основания полагать, что искомые данные хранятся в другой компьютерной системе или ее части... и когда такие данные на законном основании могут быть получены из первой системы или с ее помощью, органы имеют возможность оперативно распространить производимый обыск или иной аналогичный доступ на другую систему» [11]. К сожалению, Российская Федерация в настоящей конвенции не участвует.

Уголовно-процессуальный кодекс оставляет открытым вопрос о возможности обыска в компьютерных системах, соединенных сетью, если системы (или устройства в составе соответствующих сетей) расположены вне обыскиваемых помещений (физически расположенных на определенном расстоянии от места производства обыска). Естественно, «процессуальное изучение содержимого... сетевой вычислительной системы в реальности отличается по характеру производимых действий, например, от обыска помещения. Для просмотра файлов, содержащихся в системе, как правило, требуются особые знания, набор специализированных программ и, возможно, особых аппаратных средств. В некоторых случаях такой просмотр удобнее осуществлять удаленно, т. е. осматривать содержимое одного компьютера, находясь при этом за другим» [12].

В литературе справедливо отмечается, что, если допустить невозможность осуществления такого обыска, возникнет риск уничтожения данных в период получения разрешения на обыск места, где информация размещена физически. В больших сетях зачастую практически невозможно установить точное физическое расположение данных [13]. Очевидно, поэтому среди типовых мест проведения обыска В. А. Мешеряков называет «обыск в автоматизированной информации»

онной системе: сосредоточенной (один или несколько не взаимосвязанных компьютеров в пределах одного помещения), рассредоточенной (локальная вычислительная сеть в пределах одного или нескольких рядом расположенных помещений или зданий), открытой (отдельные компьютеры или их локальные сети объединены через общедоступные коммуникационные каналы связи)» [14].

Полагаем, что следователь, проводящий обыск помещения, где расположена компьютерная система, вправе изучить все носители информации, к которым имеется удаленный доступ из данной системы (вторая система должна быть на законных основаниях доступна для изначально обыскиваемой), в том числе те, которые физически расположены в ином месте (но в пределах территории РФ) и принадлежат другим лицам. Фактическим основанием для подобных действий, на наш взгляд, является наличие следующих условий:

1) в помещении, в котором расположена компьютерная система, на законных основаниях проводится обыск;

2) в распоряжении следователя имеются достаточные сведения, позволяющие полагать, что в удаленной компьютерной системе или ее части находятся данные (документы в электронной форме), имеющие значение для дела;

3) доступ к интересующим следствие документам возможен с компьютера, расположенного в помещении, где производится обыск.

В УПК следовало бы решить некоторые вопросы: должен ли следователь в данном случае вынести постановление о производстве обыска в отношении подсоединенной системы и содержащихся в ней данных; будут ли действия по обследованию другой компьютерной системы считаться самостоятельным обыском; следует ли фиксировать ход и результаты такого обыска в отдельном протоколе? Полагаем, если лицо, у которого проводится обыск, на законных основаниях хранит компьютерные данные (например, почтовые сообщения) в вычислительной системе провайдера, то постановление о про-

изводстве обыска этой системы выносить не требуется. Действия следователя в указанной ситуации, на наш взгляд, можно рассматривать как дополнительный обыск. Соответственно, в случае удаленного обыска, проводимого в определенной компьютерной системе или ее части с компьютера, расположенного в обыскиваемом помещении, его результаты должны фиксироваться в одном протоколе.

Известно, что обыск направлен на обнаружение и изъятие предметов и документов, имеющих значение для дела. По мнению А. П. Рыжкова, «изъятие» в узком смысле слова означает действие, в результате которого изменяется место нахождения и хранения обнаруженного в ходе следственного действия объекта [15]. В криминалистике «изъятие понимается как извлечение носителей, источников информации из обстановки, в которой они обнаружены» [16]. В случае удаленного исследования системы компьютерная информация не изымается в натуре, а копируется (переносится в материалы уголовного дела), оставаясь в обследуемой системе. Этот факт, как и ряд указанных выше обстоятельств, затрудняет использование в доказывании по уголовному делу информации, полученной в результате удаленного обыска.

К сожалению, в УПК отсутствуют нормы, регламентирующие основания, порядок и особенности дистанционного исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Данная проблема существует, и позицию в отношении подобных процедур необходимо выработать.

На наш взгляд, необходимо внести учитывающие современные достижения в области обработки и передачи компьютерной информации коррективы в УПК, а также приступить к разработке тактических приемов удаленного исследования компьютерных систем и содержащихся в них данных, которые обеспечивали бы признание полученных сведений допустимыми доказательствами по уголовному делу.

1. См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.

2. См.: Колмаков В. П. Следственный осмотр. М., 1969; Криминалистика / под ред. Б. А. Викторова и Р. С. Белкина. М., 1976; Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. М., 1999; Ищенко Е. П. Криминалистика : краткий курс. М., 2003; Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003.

3. См.: Мешеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации. Основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002.

4. См.: Вехов В. Б. О понятии, механизме образования и классификации электронно-цифровых, оптических и магнитных следов // Криминалистика в системе правоприменения : материалы конф., 27—28 октября 2008 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2008.

5. См.: Иванов Н. А. Цифровые доказательства: понятие и классификация // Там же.

6. Кукарникова Т. Э. Компьютерная информация как слеодообразующая система // Там же.
7. См.: Иванов А. Н. О новом виде обыска // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : сб. науч. ст. / под. ред. З. Д. Еникеева. Уфа, 2003. Ч. 1.
8. См.: Айков Д., Сейгер К., Фонсторх У. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями. М., 1999.
9. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
10. См.: Сумин В. И. и др. Особенности производства обыска при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Информационная безопасность и компьютерные технологии в деятельности правоохранительных органов. Саратов, 2003. Вып. 2.
11. См.: Бизнес-разведка и информационный менеджмент. 2002. № 6.
12. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт. М., 2004. С. 274—275.
13. См.: Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002.
14. Мешеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 28.
15. См.: Рыжаков А. П. Осмотр: основание и порядок производства. Ростов н/Д, 2007.
16. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник. М., 2007. С. 6.

УДК 343.9

С. М. Иншаков
S. M. Inshakov

Принципы изучения латентной преступности

Principles Study of Latent Crime

В статье рассматриваются принципы изучения латентной преступности на современном этапе. Исследуются правовые вопросы выбора методов и конструирования научных методик. Большое внимание уделено методологическим принципам исследования латентной преступности. Делается вывод о способах получения объективной и достоверной информации.

Преступность; преступления; латентная преступность; методология; методика

The article considers the principles of study of latent crime on the modern stage. We study the legal issues of choice of methods and design research methods. Much attention is paid to the methodological principles of study of latent crime. The conclusion about how to obtain objective and reliable information.

Criminality; crime, latent crime; methodology; methods

При изучении объекта, параметры которого неопределенны, а познаваемость подчас вызывает сомнения из-за отсутствия методик, позволяющих получить точные знания, особую значимость приобретает анализ методологических и гносеологических аспектов исследования. Конструирование системы способов получения нового знания, приемов анализа скрытой сущности, методов оценки и измерения параметров труднодостижимого явления возможны только на основе фундаментальных положений теории познания.

Отправной точкой выбора исследовательских методов является методология (от греч. *μεθοδολογία* — учение о способах). По существу, это учение представляет собой совокупность основных философских выводов, выступающих в качестве исходных концепций формирования научного знания. В рамках методологического учения

формируются теоретические установки корректного формирования исследовательского инструментария, моделирования методов научного познания, а также правильного их использования в целях решения конкретных научно-исследовательских задач.

К числу важнейших составных частей научной методологии относятся теоретико-методологические предпосылки познания и методологические принципы.

Теоретико-методологические предпосылки научного познания представляют собой содержательно-логические средства, которые способствуют становлению и истолкованию исходных элементов познания (постулатов, аксиом), формированию теоретических систем и отбору их фундаментальных понятий, а также выступают в качестве норм и идеалов научного исследования [1].

К числу **теоретико-методологических предпосылок познания латентной преступности** относятся:

- аксиоматичность познаваемости явлений объективной реальности;

- постулирование социальной значимости информации о количестве совершаемых в обществе преступлений как важного измеряемого или оцениваемого параметра криминального феномена независимо от подхода к пониманию преступности (правового, социологического, антропологического);

- двуединый исследовательский идеал, включающий, во-первых, формирование эффективных научных методик, позволяющих измерять латентную преступность с заданным уровнем допустимых погрешностей, а во-вторых, получение достоверных знаний о количестве совершаемых в обществе преступлений (объективная характеристика фактической преступности).

В качестве теоретико-методологических предпосылок рассматриваются криминологическое учение о преступности, теория факторов и факторного анализа, а также социальной стратификации и виктимологическая теория.

Основной познавательного процесса являются **методологические принципы**. Среди них выделяют фундаментальные принципы (основополагающие теоретические положения, предельно общие условия познания, имеющие прикладное значение по отношению к любой области познания) и специальные (условия получения достоверного знания в какой-то определенной, ограниченной сфере, к которой относится конкретный объект исследования).

К фундаментальным относят принципы:

- объективности (и частные по отношению к нему принципы наблюдаемости, сопоставимости результатов исследования и верификации знаний);

- развития;

- соответствия специфики исследовательской методики специфике исследуемого объекта;

- целостности исследуемого объекта (и подчиненный по отношению к нему принцип дополнительности);

- однозначности применения понятий для описания результатов исследования.

Принцип объективности может быть рассмотрен применительно к объекту познания, самому познавательному процессу и его результатам. По отношению к объекту содержание принципа основано на аксиоме познаваемости объективно сущего. Объективность предполагает одинаковость восприятия объекта различными субъектами. В том, что латентная преступность

объективно существует, практически никто не сомневается. Убедительным аргументом в пользу того, что не вся преступность регистрируется (а следовательно, какая-то ее часть остается латентной) является то, что ежегодно внутриведомственные и прокурорские проверки выявляют значительное количество укрытых преступлений. Практически каждый гражданин может вспомнить подобное общественно опасное деяние, оставшееся латентным, жертвой которого стал он, его родственники или знакомые. *Принцип наблюдаемости* по отношению к латентной преступности реализуется в двух аспектах:

- во-первых, существует выявленная часть, процесс познания которой носит объективный характер, соответствующий зафиксированной в нормативных актах процедуре;

- во-вторых, каждое латентное преступление кто-то видел (как минимум, лицо, его совершившее) или мог наблюдать. Исключение составляет неосторожный выстрел, когда стрелявший не знает, что пуля в кого-то попала и повлекла за собой смерть либо нанесла вред здоровью. Правда, надо заметить, что результат данного деяния практически всегда наблюдаем, и очень часто по нему находят виновного.

Наибольшие сомнения вызывает относительность принципа объективности к процессу познания латентной преступности и его результатам. Правда, гносеологическая аксиоматика однозначна: если явление объективно существует, значит, оно постигаемо, **латентная преступность познаваема**. А это означает, что познание данного феномена — лишь вопрос времени, в течение которого будут смоделированы корректные методики, отработаны технологии их использования, определена степень достоверности результата и величина допустимой погрешности.

Объективность процесса познания может быть обеспечена использованием общепризнанных надежных исследовательских методик, позволяющих получить верифицируемый результат. Суть *принципа верифицируемости* заключается в том, что исследовательские методики должны быть такими, чтобы их могли повторить другие специалисты, желающие удостовериться в объективности полученных результатов.

В соответствии с *принципом сопоставимости результатов исследования*, во-первых, следует объективно зафиксировать итоги познания; во-вторых, необходимо описать ход исследования (методы проведения, технология их использования, репрезентативность эмпирической базы). Кроме того, сведения о латентной преступности должны быть сопоставимы с данными о зареги-

стрированной преступности и сведениями других исследователей. Необходимо также обеспечить возможность их суммирования для расчета параметров фактической преступности.

Результаты изыскания должны быть изложены с использованием стандартных единиц измерения, общепринятых оценок, а признаки изучаемого явления — описаны научным языком, исключая неоднозначность толкований (в этом суть принципа однозначности применения понятий для описания результатов исследования).

Принцип развития может быть реализован и по отношению к объекту, процессу и результатам познания. Применительно к латентной преступности как к исследовательскому объекту осуществление принципа предполагает анализ не только ее состояния, но и динамики. Кроме того, углубление представлений о сущности преступности как явления может повлечь изменение (углубление) представлений о сущности латентной ее составляющей.

Особое значение в ракурсе наших проблем имеет реализация данного принципа в отношении процесса и результатов познания. Обычно процесс познания разворачивается в следующей последовательности:

- 1) актуализация проблемы, осознание незнания в результате возникновения потребностей практики либо как следствие теоретического познания;
- 2) выдвижение первичных гипотез о свойствах объекта;
- 3) первичное изучение объекта различными методами;
- 4) путем проб и ошибок отбор наиболее продуктивных методов, формирование специализированной научной методики;
- 5) проведение исследований, обобщение первичных результатов, их анализ, формирование теоретических основ, концептуальное осмысление свойств изучаемого объекта и закономерностей его развития, формирование первичных идей о возможностях реализации на практике результатов научных исследований;
- 6) реализация теоретических положений на практике, коррекция научной теории, уточнение представлений об исследуемом объекте;
- 7) коррекция исследовательской методики, новый этап исследований, уточнение теоретических положений и т. д.

Главный методологический аспект принципа развития заключается в следующем. Определенный уровень развития исследовательской методики может обеспечить соответствующий уровень объективности знаний, что проявляется:

- в глубине проникновения в сущность исследуемого явления;

- величине погрешности результатов его измерения.

На начальных этапах исследования методики измерения различных параметров тех или иных явлений могут отсутствовать. В этом случае вместо измерения делаются оценки.

Первичный этап познания обычно характеризуется неглубоким проникновением в сущность изучаемых явлений (описательный характер исследований), использованием оценок вместо измерений либо проведением измерений с большими погрешностями. В отдельных случаях первые результаты имеют практическое значение. Однако, как показывает практика, в целях детального изучения явления необходимо совершенствовать исследовательские методики. По мере развития исследовательских методик шире используется измерение, причем от этапа к этапу оно становится точнее (погрешности минимизируются). Основной вектор развития научного познания — совершенствование научных методик, углубление проникновения в сущность изучаемой реальности, минимизация погрешностей, расширение сфер практического применения результатов познания.

Особую роль в реализации принципа развития играет практика. Потребности практики инициируют познание, они же диктуют необходимость совершенствования исследовательских методик, перехода от начального этапа познания к последующему, все более глубокого проникновения в сущность.

Этапность познания — форма реализации принципа развития. Разработка исследовательской методики — процесс исследования — анализ практической ценности результатов — совершенствование методики — углубление процесса познания, повышение практической ценности знаний. Такова логика развития процесса познания. Из данного принципа следует, что описательность, неглубокое проникновение в сущность изучаемых явлений, значительность погрешностей — нормальное явление для определенного этапа изысканий. Практически все исследования проходят эти стадии. Ненормально останавливаться на этих стадиях, прекращать исследование, не добившись получения практически значимых результатов, бояться входить в эти стадии исследований (поскольку трудности окажутся большими, а результаты весьма скромными). Если для получения практически значимых результатов требуется длительное исследование, позволяющее переходить от одного этапа к другому, то продолжительность можно рассматривать как специальный методологический принцип. Это одна из форм реализации принципа со-

ответствия исследовательской методики специфике исследуемого объекта.

По отношению к изучению преступности, в том числе различных ее составляющих (зарегистрированной и латентной), особое значение имеет принцип целостности исследуемого объекта. Суть его заключается в том, что при изучении сложных объектов, состоящих из различных элементов, возможна определенная исследовательская автономизация некоторых элементов. Однако за такой дифференциацией не следует упускать из виду целостного явления, свойства которого практически всегда не совпадают со свойствами отдельных элементов. Если изучение определенного явления в отрыве от того или иного элемента, скрытого или неизвестного ученым, становится исследовательской нормой, принцип дополнительности подчеркивает особую значимость выявления латентных элементов.

По мере включения в сферу анализа новых элементов явления результаты анализа становят-

ся более объективными — таков императив принципа целостности. В ракурсе реализации этого принципа в отношении преступности высвечивается парадоксальный факт. Цифровая точность данных о зарегистрированной ее составляющей претендует на абсолютную достоверность. При этом особенность аксиоматики надежности официальной статистики порождает подсознательную тенденцию восприятия: точная информация о зарегистрированной преступности начинает притягивать на то, чтобы быть информацией о преступности вообще. Результаты исследований латентной преступности сопряжены со значительными погрешностями. Парадокс заключается в том, что объединение информации о латентной и зарегистрированной преступности в рамках целостного феномена (фактической преступности) не снижает, а повышает уровень объективности и достоверности этих данных по сравнению с мнимой точностью официальной статистики.

---

1. См.: Гносеологический анализ структуры естественно-научного знания. Киев, 1981. С. 5.

УДК 343.139

В. И. Радченко
V. I. Radchenko

К вопросу о взаимосвязи законодательства и судебной практики

On the Issue of Correlation between the Legislation and the Court Practice

На основе анализа различных позиций правоведов и исследования соотношения судебных актов и нормативных правовых актов автор приходит к выводу, что в российском правовом поле судебные акты не могут рассматриваться в качестве источников права. Вместе с тем органы судебной власти РФ располагают широкими возможностями влиять на изменение законодательства, используя представленные ей Конституцией и федеральными законами специфические полномочия.

Суд; правосудие; источники права; законодательство; судебный прецедент; судебная практика

On the basis of analysis of various positions of jurists and study of correlation of judicial acts and normative legal acts, the author comes to the conclusion that judicial acts cannot be considered as sources of law in the Russian legal framework. At the same time, the judicial authorities in Russia have ample opportunities for influencing alteration of the legislation by using the specific powers conferred on them by the Constitution and the federal laws.

Court; justice; sources of law; legislation; judicial precedent; court practice

Социальная сущность правосудия заключается в разрешении возникающих в обществе конфликтов на основе права. Решения судов определяются содержанием нормативных правовых актов, регулирующих сферу, в которой произошел конфликт. Одновременно акты правосудия оказывают влияние на дальнейшее развитие права. Выступая в качестве своеобразного средства правового мониторинга, они вскрывают недостатки и пробелы нормативного материала, выявляют коллизии в правовом регулировании и несоответствие некоторых норм права общественным потребностям.

Присущая судам роль государственного социального арбитра нашла отражение в особенностях их положения в системе органов государственной власти, закрепленных в Конститу-

ции [1]. Это независимость судей (ст. 120), несменяемость и неприкосновенность судей (ст. 121, 122), установление судебной системы РФ только Конституцией и федеральным конституционным законом (ст. 118), независимость судов от органов исполнительной и законодательной власти (ст. 10). Указанные конституционные нормы дают судам широкие возможности для объективной оценки федеральных законов и законов субъектов РФ, а также подзаконных актов всех уровней, что определяет активную роль органов судебной власти в процессе правотворчества. Тем же целям служит предоставление права законодательной инициативы Конституционному Суду РФ, Верховному Суду РФ, Высшему Арбитражному Суду РФ по вопросам их ведения (ст. 104 Конституции).

Исследование взаимного влияния права и судебного правоприменения требует осмысления двух проблем:

1) судебное правотворчество как самостоятельный правовой феномен;

2) воздействие определенных форм судебной практики на легальное правотворчество.

На протяжении столетий российские юристы обсуждали проблему правотворческой деятельности судов, хотя официально судебные решения никогда не признавались источниками права. Исторический аспект этого вопроса лежит за рамками настоящего анализа. Однако значительный интерес представляют взгляды современной отечественной юридической науки на место и роль судебной практики в формировании правового поля РФ.

Вопрос, является ли судебная практика источником права, обсуждался в 1997 г. на представительной конференции, организованной Институтом государства и права РАН. На ней были высказаны полярно противоположные мнения по теме обсуждения.

В. С. Нерсесянц, отстаивая тезис «суд не законодательствует и не управляет, а применяет право», говорил о том, что право суда толковать законы неравнозначно праву создавать новые нормы [2].

Р. З. Лившиц, сделавший основной доклад на конференции, напротив, доказывал наличие у судов правотворческой функции. Согласно его точке зрения, Конституционный Суд РФ, лишая правовые нормы юридической силы, порождает новые права и обязанности граждан и тем самым «фактически создает новую норму». Решение обычного суда, отказавшегося применить правовую норму по мотивам ее противоречия Конституции, также является источником права [3].

В дискуссии в большинстве своем высказывались мнения, находящиеся между этими позициями. Затем она была продолжена на страницах сборника статей «Судебная практика как источник права» [4], вышедшего спустя три года. Среди его материалов внимание привлекает позиция Б. Н. Топорнина, который пришел к выводу, что судебное нормотворчество в России возможно (прежде всего в деятельности высших судов), однако именно закон, а не судебный прецедент является наиболее подходящим орудием судебной реформы [5].

В. М. Жуйков высказался за надделение Верховного Суда РФ полномочиями толкования федеральных законов и предание его решениям по конкретным делам силы прецедента [6].

В. С. Нерсесянц изложил позицию, ничем не отличающуюся от высказанного на конферен-

ции мнения об отрицании наличия у судов правотворческих полномочий.

Ю. А. Тихомиров считает, что роль судов состоит не столько в собственном правотворчестве, сколько в побуждении законодателей к правотворческой активности, учитывая наличие в законодательном поле значительного количества коллизий и пробелов. Суды располагают для этого достаточными возможностями, в частности правом на законодательную инициативу. Однако они мало ими пользуются [7].

Дискуссии о судебном правотворчестве так или иначе сводятся к трем темам:

1) место решений высших судов по конкретным делам в правовой системе;

2) проблема судебного прецедента;

3) значение постановлений пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики.

Особое место применительно к правотворческому процессу среди судебных органов занимает Конституционный Суд РФ, чьи решения о признании нормативных правовых актов или их отдельных положений неконституционными влекут за собой утрату этими актами юридической силы. Выступая в качестве «отрицательного» законодателя, Конституционный Суд РФ напрямую влияет на состояние законодательства. Можно полностью согласиться с Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным, считающим, что «решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности законов и нормативных правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и приобретают прецедентное значение. Таким образом, Конституционный Суд РФ выступает субъектом правотворчества. Его решения, в результате которых нормативные акты, признанные неконституционными, утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [8].

Подобной точки зрения на правотворческую функцию Конституционного Суда РФ придерживаются В. М. Лебедев [9], Г. А. Гаджиев [10] и др.

В отечественной юридической науке существуют различные взгляды на проблему признания судебного правотворчества других ветвей судебной власти. В отличие от В. Д. Зорькина М. Н. Марченко утверждает, что «благодаря *нормотворческой деятельности судов* в системе источников

права все более прочное место занимают прецеденты и другие формы судебного права» [11]. Подобной позиции придерживаются и некоторые другие правоведы [12].

Однако отнесение судебного прецедента к источникам российского права возможно только в результате достаточно вольного толкования понятия «судебный прецедент». Известно, что судебный прецедент официально рассматривается как источник права в тех странах, где воспринята система общего права (США, Англия, Австралия и др.). Под этим термином понимается судебное решение, используемое в качестве образца при рассмотрении аналогичных судебных дел. Признание прецедента источником права позволяет суду выступать в качестве правотворца независимо от того, урегулированы ли рассматриваемые им отношения законом или нет. Характеризуя роль судебного прецедента в американской правовой системе, правовед У. Бернам указывает: «Решения вышестоящего суда являются обязательными для всех нижестоящих судов той же судебной системы», включая суд, вынесший решение [13].

Ничего подобного в российской правовой системе нет. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривая конкретные дела, основывают свои решения на законах и иных нормативных правовых актах. Интерпретация судом правовых норм при этом носит характер казуального толкования, которое, как правильно отметил Т. Я. Хабриева, в отличие от нормативного (общеобязательного) толкования направлено на верное разрешение конкретного дела [14]. Поэтому относительно российского правосудия точнее говорить о прецеденте судебного толкования, который является рекомендацией, не имеющей обязательного значения [15]. С научной точки зрения вместо термина «прецедент» лучше использовать понятие «правовая позиция суда».

В основе правовой позиции лежит судебное усмотрение, которое является установленной юридическими нормами, осуществляемой в процессуальной форме, мотивированной правоприменительной деятельностью суда, состоящей в выборе варианта решения правового вопроса, имеющей пределы, определяемые юридическими нормами и правовыми позициями высших судебных органов [16].

Здесь уместно вспомнить слова И. А. Покровского: «Но во всяком случае основным принципом толкования является правило, что только закон может быть источником судебного решения» [17].

Р. З. Лившиц полагает, что прецедентное значение имеют не все решения судов, а только

те, которые были опубликованы [18]. На наш взгляд, такой подход к выбору критерия, согласно которому решение суда приобретает характер судебного прецедента, является ошибочным, тем более сейчас, когда не только высшие, но и многие суды субъектов Федерации активно размещают свои судебные акты в Интернете. Подводя итоги, можно утверждать, что в настоящее время нет условий для придания решениям судов общей юрисдикции и арбитражных судов значения судебного прецедента в его классическом понимании.

Ведущее место в иерархии актов судебного толкования занимают постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, содержащие разъяснения по вопросам судебной практики. Принимаемые на основе изучения и анализа практики рассмотрения судами определенных категорий уголовных, административных и гражданских дел, они оказывают большое влияние на состояние правоприменения. Постановления пленумов высших судов обладают многими признаками подзаконных правовых актов. Реализуемые ими полномочия закреплены за этими судами непосредственно Конституцией (ст. 126 и 127) и Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 19 и 23) (далее — Закон о судебной системе) [19], рассчитаны на многократное применение, адресованы широкому кругу судов и участников процессов, соблюдение их предписаний обеспечивается судебной защитой, их опубликование обязательно. На основании этих и некоторых других посылок ряд авторов (С. Ф. Савкин [20], С. А. Иванов [21], М. Н. Марченко [22] и др.) относят данные постановления к источникам права.

Представляется, что подобная позиция является ошибочной.

Во-первых, основываясь на материалах анализа судебной практики, разъяснения высших судов устраняют коллизии судебных толкований тех или иных норм права, образовавшиеся в процессе правоприменения. При всей важности этих решений для обеспечения единообразного применения законодательства нельзя назвать право творчеством подтверждение одних правовых позиций, сложившихся при применении конкретной правовой нормы, с признанием ошибочности альтернативных позиций.

Во-вторых, Конституция и Закон о судебной системе не придают разъяснениям пленумов высших судов общеобязательного характера. Более того, законодатель понизил статус этих разъяснений по сравнению с законодательст-

вом РСФСР и СССР. Так, Закон СССР от 30.11.1979 «О Верховном Суде СССР» признавал разъяснения Пленума этого суда руководящими, обязательными не только для судов, но и для других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение (ст. 3).

Содержание данной нормы было полностью воспроизведено в ст. 56 Закона РСФСР от 08.07.1981 «О судостроительстве РСФСР».

В-третьих, постановления пленумов высших судов действуют только в рамках своей ветви судебной власти. Так, постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [23] было разъяснено, что если приобретатель имущества отвечает требованиям, предъявляемым к добросовестному покупателю (ст. 302 ГК [24]), то оно не может быть у него истребовано, даже если продавец не имел права на его отчуждение.

В отличие от арбитражных судов суды общей юрисдикции продолжали применять к таким покупателям правила недействительности ничтожной сделки, мотивируя свою позицию тем, что ст. 167 ГК не содержит каких-либо изъятий при применении последствий недействительности сделок. Только в 2003 г. после принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» [25], в котором была изложена позиция, аналогичная высказанной Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, практика судов общей юрисдикции была изменена.

В-четвертых, выявляя дефекты правового регулирования, которые не могут быть преодолены применением аналогии закона, Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ не могут устранить их самостоятельно, используя для этого право на законодательную инициативу.

В-пятых, за нарушение правовых норм установлены санкции. Российское законодательство не предусматривает несоблюдения судом требований этих постановлений в качестве оснований для отмены судебных решений. Более того, в определенных случаях процессуальные законы предусматривают невозможность такой отмены.

Следует сказать о такой уникальной особенности постановлений пленумов, как отсутствие механизмов контроля их соответствия требованиям Конституции и иного федерального законода-

тельства. С принятием в 1994 г. нового закона о Конституционном Суде РФ у него были изъяты полномочия на проверку конституционности постановлений других высших судов. Попытка обжаловать постановление Пленума Верховного Суда РФ в судебном порядке была отклонена Кассационной коллегией Верховного Суда РФ на основании того, что Конституция «не наделяет суды общей юрисдикции полномочиями по проверке законности постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разъяснения судебной практики» (определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 25.05.2000 № ВАС00-202 [26]).

Если федеральные законы и другие акты, перечисленные в ст. 125 Конституции, могут быть проверены на соответствие требованиям Конституции Конституционным Судом РФ, а иные нормативные правовые акты обжалованы в суд либо в порядке подчиненности, то вышеупомянутые постановления пленумов обжаловать некуда. Это таит потенциальную опасность присвоения высшими судами полномочий законодателя либо дачи ими разъяснений, выходящих за пределы конституционного поля.

Примером тому является постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.02.2008, которым были внесены изменения в постановление Пленума этого суда от 12.03.2007 № 17 «О применении арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» [27]. Впервые этими разъяснениями постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по конкретным делам придан статус правовой нормы, обязательной для применения судами при решении аналогичных дел, тем самым постановление Президиума по конкретным делам поставлено на уровень разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Представляется, что в данном случае имеет место попытка под видом разъяснения ввести в российскую правовую систему «через черный вход» законодательную норму, определяющую прецедентное право, а это не соответствует объему полномочий, установленных для Высшего Арбитражного Суда РФ ст. 127 Конституции.

Вместе с тем, не являясь субъектом творчества, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривая ежегодно свыше 12 млн гражданских, административных, уголовных дел и дел об административных правонарушениях, оказывают сильное воздействие на состояние правового поля страны. В настоящее время эти суды используют ряд инструментов влияния су-

дебной практики на развитие правотворческого процесса. Среди них:

1) право на законодательную инициативу высших судов страны;

2) принятие Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ постановлений пленумов по различным вопросам судебной практики, многие положения которых впоследствии были восприняты законодателем в процессе законотворчества;

3) дача заключений высшими судами на законопроекты, вносимые на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ;

4) судебный нормоконтроль, в том числе за законодательством субъектов Федерации;

5) обращения судов в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке конституционности законов, подлежащих применению в деле (ст. 125 Конституции).

Следует также иметь в виду, что общественный резонанс, вызванный практикой применения судами некоторых положений законодательства, приводил к их изменению законодателем с учетом выявленных в процессе правосудия дефектов закона.

1. См.: Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. См.: Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34—36.

3. См.: Там же. С. 8, 9.

4. См.: Судебная практика как источник права. М., 2000.

5. См.: Там же. С. 41.

6. См.: Там же. С. 49.

7. См.: Там же. С. 129.

8. См.: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2007. С. 115—116.

9. См.: Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 207.

10. См.: Судебная практика как источник права. С. 51.

11. См.: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2006. С. 84.

12. См.: Анишина В. И. Правовая природа актов судебного правотворчества // Журнал рос. права. 2006. № 10; Топорнин Б. Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 36; Богдановская И. Ю. Судебный прецедент и его эволюция // Законность. М., 2007.

13. См.: Бернем У. Правовая система США. М., 2006. С. 143.

14. См.: Толкование норм права // Теория государства и права / под ред. А. С. Пиголкина М., 2003. С. 405.

15. См.: Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социально-юридического исследования) // Гос-во и право. 2007. № 4.

16. См.: Папикова О. А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 39.

17. См.: Проблема определенности права и вопрос о так называемом свободном судебском правотворении // Основные проблемы гражданского права : сборник. М., 1998. С. 93.

18. См.: Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 40.

19. См.: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

20. См.: Правоприменение: теория и практика / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2008. С. 310.

21. См.: Судебная практика как источник права. М., 1977. С. 30.

22. См.: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2006. С. 414—444.

23. См.: ВВАС РФ. 1998. № 10.

24. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52. Ст. 5496.

25. См.: ВКС РФ. 2003. № 3.

26. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

27. См.: ВВАС РФ. 2007. № 4.

УДК 343.1

В. Ю. Савин
V. Y. Savin

Возможности применения административной преюдиции по делам о сводничестве

Possibilities of Application Administrative Collateral Estoppel on Businesses about Procurement

Статья рассматривает необходимость криминализации такого деяния, как сводничество. Автор обосновывает дифференциацию систематического и разового сводничества и применение административной преюдиции для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в содеянном. Автором также разработаны соответствующие новеллы административного и уголовного законодательства.

Проституция; сводничество; административная преюдиция; ответственность за сводничество; законодательство СНГ

The article considers necessity of criminalization of such act as procurement. The author justifies differentiation of regular both single procurement and application administrative collateral estoppel for bringing to criminal liability of the persons guilty of regular procurement. The author also develops corresponding short stories administrative and the criminal law.

Prostitution; procurement; administrative collateral estoppel; responsibility for procurement; the legislation of the CIS

В условиях реформирования УИС актуализировались дискуссии о возможности применения административной преюдиции по некоторым категориям дел. Под административной преюдицией понимается определенная конструкция состава преступления, в котором привлечение лица к уголовной ответственности обусловлено предшествующим его привлечением к административной ответственности за подобное деяние.

Категория административной преюдиции не нова. Этими вопросами ранее занимались многие ученые. Среди них О. М. Юсубова, А. И. Перепелица, О. Е. Плетнева, И. О. Грунтов, З. А. Незнамова и др. Уголовный кодекс РСФСР активно использовал институт административной преюдиции. Правда, в отечественном уголовном законодательстве с введением в действие УК [1]

административная преюдиция была отменена. Ряд ученых рассматривает отмену административной преюдиции как положительное нововведение, поскольку это «способствует более четкому разграничению преступлений и административных проступков, которые не обладают свойством общественной опасности, а поэтому количество административных проступков не перерастает в качество преступления» [2]. Однако они совершенно не учитывают положительные эффекты применения института административной преюдиции, к которым относится возможность эффективного ее использования в качестве средства превенции некоторых уголовных преступлений. Действительно, если рассматривать данный комплексно-правовой институт не в качестве меры повышения ответственности за админи-

стративные правонарушения, а наоборот, гуманизации уголовного законодательства, можно прийти к выводу, что административная преюдиция будет способствовать предупреждению правонарушений, ранее относившихся к категории преступлений. Установление административной ответственности станет негативной реакцией государства на совершение гражданами некоторых проступков, при этом число граждан, имеющих судимость, и, соответственно, криминализация общества не повысятся. Существенно «разгрузится» и УИС страны. Совершение гражданином повторных правонарушений уже с точки зрения диалектического закона перехода количества в качество придает содеянному свойство общественной опасности, что является одним из важнейших признаков преступления [3]. Как верно отмечает А. Лукашов, «особенность субъективной стороны преступлений с преюдицией заключается в том, что лицо, зная о применении к нему в прошлом мер административного или дисциплинарного взыскания, всегда действует умышленно, с прямым умыслом. В силу этого в сознание виновным общественно опасного характера своих деяний в качестве обязательного включается элемент сознания им и противоправности этих деяний» [4].

На заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» Президент РФ Д. А. Медведев поднял очень важный вопрос о возможности возврата к системе «административной преюдиции, то есть предварительных решений, которые являются основанием для наступления уголовной ответственности» [5]. Мысль Президента РФ получила свое развитие в проекте поправок к УК и КоАП [6], подготовленном Минюстом России. По данному проекту применение административной преюдиции предполагается к 12 статьям УК, предусматривающим преступления небольшой и (в отдельных случаях) средней тяжести. При этом применение административной преюдиции предполагается только к основным составам преступления. Квалифицированные же и особо квалифицированные составы преступления не должны предусматривать преюдиции [7].

Следует отметить, что проблемам административной преюдиции в уголовном законодательстве многих стран СНГ (например, в УК Белоруссии, Таджикистана, Эстонии, Узбекистана и др.) уделяется существенное внимание.

С учетом положений об административной преюдиции мы предлагаем криминализировать такое деяние, как сводничество. В. Воронин, утверж-

дает, что с 1 июля 2002 г. за действия, связанные со сводничеством, была сначала установлена административная ответственность (ст. 6.12 КоАП), а с 11 декабря 2003 г. за деяния, связанные со сводничеством, т. е. с организацией занятия проституцией другими лицами или с систематическим предоставлением помещений для занятия проституцией, — уголовная ответственность [8]. Однако в данном случае «сводничество» полностью приравнивается к категории «организация занятия проституцией», что вряд ли можно назвать приемлемым.

Ю. И. Скуратов и В. М. Лебедев рассматривают сводничество как склонение к разовой сексуальной связи за плату [9]. Однако они не считают данные действия преступлением и указывают на то, что «по УК состава преступления они не образуют» [10]. На наш взгляд, содеянное соответствует составу преступления, предусмотренному ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией» УК. На самом деле, к проституции относятся систематическое вступление в сексуальные отношения за плату. Тем не менее между случайной и профессиональной проституцией дистанция слишком мала. Любая проституция развращает. Разовое оказание интимных услуг за плату может привести к решению любых финансовых проблем таким способом.

Оптимальным нам представляется подход В. Додонова, который включает в понятие «сводничество» посредничество между проституткой и ее клиентом [11].

Действующее отечественное законодательство в настоящее время не рассматривает сводничество в качестве преступного деяния. При этом УК многих стран СНГ и дальнего зарубежья предусматривают ответственность за сводничество. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятая 21 марта 1950 г. [12], содержит обязательство подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти сводит в целях проституции другое лицо (ч. 1 ст. 1). Многие ученые придерживаются мнения о необходимости криминализации сводничества [13]. Мы считаем данное мнение полностью обоснованным. Посредничество между проституткой и ее клиентом, по сути, наносит такой же ущерб общественной нравственности, как и организация занятия проституцией. Сводничество способствует распространению проституции. Зловредность сводников обуславливается тем, что посредничество, осуществляясь неоднократно, становится профессиональной деятельностью данных лиц. Как правило, сводники, начиная

с простого посредничества между проституткой и клиентом, оказывают и дополнительные услуги — охраны, доставки проституток к клиентам, хранения денег, полученных от клиента (что уже соответствует составу преступления «организация занятия проституцией»). Иначе говоря, совершение лицом сводничества не только само по себе наносит вред, но и создает реальную опасность учинения им нового вреда охраняемым уголовным законом объектам. Однако мы отдаем себе отчет в необходимости дифференциации разового посредничества и систематического. Представляется, что систематическое сводничество является общественно опасным деянием. При этом использование административной преюдиции может предупредить повторное совершение данного правонарушения. Предлагаемые новеллы будут препятствовать систематическому сводничеству и перерастанию его в более тяжкие составы преступления. Кроме того, лица, впервые совершившие подобные деяния, смогут встать на путь исправления без применения к ним уголовной ответственности.

Мы полагаем необходимым криминализацию систематического сводничества как с корыстной, так и с бескорыстной целями. В связи с отсутствием в уголовном и административном законодательстве определений понятий «проституция» и «проститутка» мы считаем обязательным внести соответствующие примечания в УК. По вопросу определения категории «проституция» мы полностью солидарны с Е. В. Шибановой [14] и считаем необходимым внести в ст. 127.1 УК примечание следующего содержания: «В данной статье, а также в статьях 240, 241, 241.1 настоящего Кодекса под проституцией понимается осознанное многократное оказание лицами обоего пола всем желающим по договорной цене непосредственных телесных сексуальных услуг в целях получения регулярного дохода». Необходимо также внести примечание аналогичного содержания в ст. 6.11 КоАП. Кроме того, нужно дополнить ст. 241.1 «Систематическое сводничество» УК следующими пунктами:

«1. Систематическое сводничество, то есть посредничество между проституткой и клиентами, осуществленное в течение года после привлечения к административной ответственности за совершение сводничества, —

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за

период от шести месяцев до полутора лет, либо ограничением свободы на срок до восемнадцати месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) с корыстной целью;

б) организованной группой;

в) лицом с использованием своего служебного положения;

г) лицом с использованием компьютерных и иных систем связи, адресованных неопределенному кругу пользователей;

д) в отношении заведомо несовершеннолетних;

е) в отношении лиц, находящихся в материальной или иной зависимости от преступника либо в родственных отношениях с преступником, — наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) с использованием для занятия проституцией лиц, заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста;

б) в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, невменяемых, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Примечание: под проституткой в настоящей статье понимается лицо любого пола, осознанно оказывающее всем желающим по договорной цене непосредственные телесные сексуальные услуги в целях получения регулярного дохода».

Кроме того, нам представляется необходимым внесение в КоАП новой ст. 6.12.1 «Сводничество» в следующей редакции:

«Сводничество, то есть посредничество между проституткой и клиентами, — влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч пятисот до трех тысяч пятисот рублей или административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток.

Примечание: под проституткой в настоящей статье понимается лицо любого пола, осознанно оказывающее всем желающим по договорной цене непосредственные телесные сексуальные услуги в целях получения регулярного дохода».

Криминализация сводничества и применение административной преюдиции будут существенно способствовать защите общественной нравственности и предоставят правоохранительным органам эффективный инструмент борьбы с преступлениями, связанными с проституцией.

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. № 25. Ст. 2954.

2. Новое уголовное право России: Общая часть : учеб. пособие. М., 1996. С. 7.

-
3. См.: Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004.
  4. Лукашов А. Защита по уголовным делам о преступлениях с преюдицией // Юстиция Беларуси. 2001. № 1.
  5. Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» / Президент России : сайт. URL: http://www.president.kremlin.ru/appears/2009/02/11/1540_type63381_212845.shtml (дата обращения: 01.03.2010).
  6. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 198-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
  7. См.: Куликов В. Предложено исключить из Уголовного кодекса более полутора десятков преступлений // РГ. 2009. 11 июня; Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс» // Ведомости. 2009. 3 июня.
  8. См.: Воронин В. Ответственность за проституцию // Уголовное право. 2006. № 3; Бушмин С. Преступления против общественной нравственности: новеллы и изменения в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2006. № 5; Гоноченко О. А. Уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; Арсланбекова Р. А. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004.
  9. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. 2-е изд., изм. и доп. М. : НОРМА — ИНФРА-М, 1998.
  10. См.: Там же.
  11. Додонов В. Ответственность за преступления, связанные с проституцией, в современном уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 1.
  12. См.: Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М. : Юрид. лит., 1990.
  13. См.: Ткаченко В. И. Пробелы в новом Уголовном кодексе России // Законодательство. 1997. № 3; Федик Е. Н. Ответственность за действия, связанные с проституцией: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 20.
  14. См.: Шибанова Е. В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
-

УДК 343.7

М. В. Шафранова
M. V. Shafranova

**Уголовно-правовая характеристика
злостного уклонения от погашения
кредиторской задолженности:
проблемы квалификации
и разграничения со смежными составами**

**The Criminally-legal Characteristic
of Malicious Evasion from Repayment of Creditor Debts:
Problems of Qualification
and Differentiation with Related Bodies of Crimes**

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой характеристики злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности и ее значение для разработки криминалистической характеристики данного преступления. Автором раскрываются проблемы квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности и его разграничения с такими смежными составами преступлений, как: незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации; подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков; неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; незаконное получение кредита; мошенничество.

Злостное уклонение; погашение кредиторской задолженности; оплата ценных бумаг; уголовно-правовая характеристика; криминалистическая характеристика; преступления в сфере экономической деятельности; дознание

The article examines the questions of criminal law characteristics of malicious evasion from repayment of creditor debts and its importance for working out criminalistic characteristics of the given crime. The author reveals problems of qualification of malicious evasion from repayment of creditor debts and its differentiation with related bodies of crimes, such as: an illegal actions concerning the property subjected to the inventory or arrest or a subject of confiscation; a fake, manufacturing or sale of counterfeit documents, the state awards, stamps, the seals, forms; default of a sentence of court, a judgement or other judicial certificate; an illegal reception of the credit; a fraud.

Malicious evasion; repayment of creditor debts; payment of securities; criminal law characteristics; criminalistic characteristics; crimes in economic activities sphere; inquiry

Уголовно-правовая характеристика не является составной частью криминалистической характеристики преступления, однако служит базовой информационной основой для определения ее предмета. Содержащиеся в уголовно-правовой характеристике сведения описывают само преступление, а не его расследование. Криминалистическая характеристика опирается на уголовно-правовые признаки преступлений в качестве исходных положений для определения их наиболее типичных криминалистически значимых при-

знаков. В связи с этим для разработки криминалистической характеристики злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности сначала надо решить проблемные вопросы квалификации рассматриваемого вида преступлений и их разграничения со смежными составами.

Основным объектом злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности выступают общественные отношения в сфере исполнения гражданско-правовых обязательств, дополненным — отношения в сфере правосудия.

Предметом преступного посягательства являются не возвращенные кредитору либо не полученные им денежные средства.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется злым уклонением руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу судебного акта, обязывающего погасить кредиторскую задолженность либо оплатить ценные бумаги.

Если рассматриваемое преступление совершено в форме действия, то способами уклонения могут быть: представление судебному приставу-исполнителю недостоверных сведений о своих источниках дохода и имущественном положении; сокрытие доходов и имущества; перемена места жительства, работы, анкетных данных; выезд за рубеж с утаиванием места своего пребывания; совершение сделок по отчуждению имущества, передача его третьим лицам и др.

Когда в качестве способа уклонения выступает растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту, то данные действия охватываются диспозицией ст. 177 УК [1] и не требуют дополнительной квалификации по ст. 312 УК. Если же преступный умысел направлен не на уклонение от исполнения судебного акта о взыскании кредиторской задолженности в целом, а лишь на совершение незаконных действий в отношении конкретного имущества, подвергнутого описи или аресту с корыстным мотивом, например, если должник планировал исполнить свои обязательства перед кредитором, но не хотел лишиться в результате принудительной реализации имущества, конкретной автомашины, картины и т. п., то деяние подлежит квалификации только по ст. 312 УК.

Если уклонение от погашения кредиторской задолженности совершено путем подделки официального документа, то деяния следует квалифицировать как совокупность ст. 177 и ч. 1 ст. 327 УК. Использование заведомо подложного официального документа самим поддельвателем охватывается ч. 1 ст. 327 УК и дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК не требует. Злое уклонение от погашения кредиторской задолженности, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 177 УК, и не требует дополнительной квалификации по п. 3 ст. 327 УК [2].

В случае если злое уклонение от погашения кредиторской задолженности совершается

путем бездействия, что выражается в игнорировании должником своих обязательств по выплате долга и в непринятии мер к его погашению, то в качестве способов могут выступать, например, неявка по вызовам судебного пристава-исполнителя, непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности в целях исполнения кредитного обязательства и др.

Объективная сторона рассматриваемого преступления складывается из четырех составляющих: признания обязанности по погашению кредиторской задолженности или обязанности оплатить ценные бумаги вступившим в законную силу судебным актом; последующего уклонения должника от выполнения своих обязательств перед кредитором; крупного размера задолженности; злостности уклонения.

Зачастую как в науке, так и на практике происходит смешение понятий «кредиторская задолженность» и «неисполнение кредитного обязательства», что представляется неверным, поскольку они не являются тождественными.

Кредитное обязательство — это гражданское правоотношение, состоящее в передаче кредитором должнику денег или вещей, определяемых родовыми признаками, с условием возврата эквивалентного количества денег или таких же вещей либо в предоставлении одной стороной другой стороне правоотношения отсрочки исполнения какой-либо обязанности по договору (уплатить деньги, передать имущество, выполнить работы, оказать услуги) [3].

Согласно п. 7.3 Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России, одобренной методологическим советом по бухгалтерскому учету при Минфине России и президентским советом Института профессиональных бухгалтеров 29 декабря 1997 г. [4], кредиторской задолженностью признается существующее на отчетную дату обязательство организации, которое является следствием прошлых событий ее хозяйственной деятельности и расчеты по которой должны привести к оттоку ресурсов организации, которые должны были принести ей экономические выгоды, возникшие в силу действия договора или правовой нормы, а также обычаев делового оборота.

В соответствии с Положением по бухгалтерскому учету от 06.07.1999 № 43н «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ/99), утвержденным приказом Минфина России [5], в состав кредиторской задолженности организации входит: задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками, по векселям к уплате, перед дочерними и зависимыми организациями, перед персоналом организации (в том числе по оплате

труда), перед бюджетом и государственными внебюджетными фондами, перед участниками и учредителями организации, полученные авансы и прочие виды кредиторской задолженности.

Однако субъектами злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности являются не только руководители организаций, но и граждане, достигшие 16-летнего возраста, в связи с чем понятие «кредиторская задолженность» требует более широкого толкования. В соответствии со ст. 307, 308 ГК [6] должником и кредитором именуются стороны любого обязательственного правоотношения, следующего из договора, причинения вреда и иных оснований, предусмотренных ГК. Также следует учитывать, что в ст. 177 УК содержатся требования относительно размера задолженности, что свидетельствует о необходимости денежного выражения неисполненного обязательства. Таким образом, применительно к ст. 177 УК кредиторская задолженность представляет собой любой вид неисполненного должником гражданско-правового обязательства, имеющего денежное выражение, в отношении кредитора, при этом само по себе обязательство может изначально и не являться денежным, но приобретает такой статус в судебном акте о взыскании задолженности.

В соответствии со ст. 142 ГК ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, реализация или передача которых возможны только при его предъявлении. Правда, существуют ценные бумаги бездокументарной формы, фиксация прав по которым происходит с помощью средств электронно-вычислительной техники, путем закрепления в обычных или компьютеризированных реестрах (ст. 149 ГК).

В соответствии со ст. 143 ГК к ценным бумагам относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги. Среди других документов, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг: двойное и простое складское свидетельство (ст. 912 ГК [7]); опцион эмитента (ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [8]); закладная, удостоверяющая права залогодержателя по ипотеке (ст. 13 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [9]); инвестиционный пай (ст. 14 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [10]); облигация с ипотечным покрытием;

ипотечный сертификат участия (ст. 2 Федерального закона от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» [11]).

Крупный размер задолженности, понятие которого конкретизируется законодателем в примечании к ст. 169 УК, представляет собой сумму, превышающую 250 тыс. руб. При определении крупного размера в него может быть включена не только основная сумма задолженности, но и проценты за незаконное пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК), неустойка (ст. 330 ГК) и не покрытые ею убытки, а также судебные издержки в зависимости от объема удовлетворенных исковых требований кредитора в рамках гражданского судопроизводства с учетом произведенных должником выплат в счет долга и взысканных в рамках исполнительного производства денежных средств.

Исходя из буквального толкования диспозиции нормы ст. 177 УК, мы делаем вывод, что закон не содержит специальных указаний о размере задолженности по неоплаченным ценным бумагам. Это указывает на то, что ответственность за злостное уклонение от их оплаты после вступления в силу соответствующего судебного акта наступает независимо от размера задолженности по ним. Однако, поскольку ценные бумаги, являясь кредитным и платежным средством, обладают эквивалентно-обменными свойствами и неоплата их является одной из разновидностей кредиторской задолженности, существующая законодательная конструкция ст. 177 УК требует дальнейшего совершенствования.

Злостность является оценочным признаком, не раскрытым законодателем в уголовно-правовых нормах, поэтому определять ее наличие должен правоприменитель исходя из конкретных обстоятельств дела, что зачастую вызывает трудности в процессе расследования. Необходимо учитывать не только временные характеристики (срок неуплаты после вступления в законную силу соответствующего судебного акта), но и прочие обстоятельства дела: причины неисполнения должником своих обязательств, характер создания им препятствий для взыскания задолженности и др.

Для определения наличия или отсутствия признака злостности в этом понятии можно выделить два аспекта: временной — продолжительный промежуток, в течение которого должник уклоняется от погашения задолженности, либо отдельные периоды длительной неуплаты, и материальный (фактический), который складывается из двух составляющих: наличия реальных финансовых возможностей для погашения задолженно-

сти и характера действий (бездействия), направленных на уклонение. Однако даже подобное разделение при исследовании рассматриваемого признака объективной стороны не исключает воздействия субъективных мнений того или иного субъекта уголовной юрисдикции на трактование понятия злостности.

Если рассматриваемое преступление совершено путем бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должник должен был исполнить обязательство, если же путем действия — то место, где им совершались активные действия по уклонению, например сделки по отчуждению имущества или его сокрытие и пр.

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности относится к категории делящихся преступлений. Момент его начала законодатель связывает с моментом, следующим за вступлением в законную силу соответствующего судебного акта. Моментом окончания данного преступления следует считать момент, когда преступное действие (бездействие) должника прерывается по его воле (погашением кредиторской задолженности или оплатой ценных бумаг), либо помимо нее (привлечением к уголовной ответственности). Однако решение вопроса о возбуждении уголовного дела практически невозможно без возбуждения исполнительного производства и истечения срока, не превышающего пяти дней, установленного должнику судебным приставом-исполнителем для добровольного исполнения судебного акта в соответствии с п. 11, 12 ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [12], затруднительно и последующее доказывание начала совершения преступного бездействия сразу после вступления в законную силу судебного акта.

Следует также учитывать, что сам факт имеющейся задолженности либо ее размер может оспариваться должником. В данной ситуации имеет место спор гражданско-правового характера, который разрешается в исковом порядке путем обжалования ранее вынесенного судебного акта о взыскании задолженности. Если должником подана жалоба в вышестоящую судебную инстанцию и на время ее рассмотрения он не осуществляет выплаты по кредитному обязательству, то такие действия не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК. Однако если должнику было отказано в удовлетворении жалобы и он продолжает отказываться от выплаты долга, то уклонение будет иметь место.

В качестве субъекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности могут выступать как руководитель (директор, началь-

ник, управляющий, президент, председатель и др.), так и лица, исполняющие обязанности руководителя коммерческой или некоммерческой организации любой формы собственности, а также достигшие 16-летнего возраста граждане, являющиеся должниками, как индивидуальные предприниматели, так и лица, не занимающиеся предпринимательской деятельностью.

В случаях когда злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности совершается представителем власти, служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, возникает конкуренция между нормами ст. 177 и 315 УК [13]. Статья 177 УК является специальной по отношению к ст. 315 УК, так как она точнее фиксирует особенности преступления, разграничение проводится по содержанию неисполняемого судебного акта. Поэтому следует иметь в виду, что при конкуренции данных норм, общей и специальной, в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК уголовная ответственность наступает по специальной норме, т. е. по норме о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности. При этом специальная норма «расширяет пределы действия общей за счет включения в круг субъектов физических лиц» [14], но, если представитель власти, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации будет злостно уклоняться от погашения кредиторской задолженности, не достигшей крупного размера, ответственность наступает по общей норме.

Если установлено, что наряду с фактом злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности имело место получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о своем хозяйственном положении либо финансовом состоянии или незаконное получение государственного целевого кредита либо его использование не по прямому назначению и этими деяниями причинен крупный ущерб, то требуется дополнительная квалификация по ч. 1 или 2 ст. 176 УК.

Исполнение обязательства может быть обеспечено поручительством. Согласно ст. 361 ГК по договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. При неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена

субсидиарная ответственность поручителя. Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства (ст. 363 ГК).

Также платеж по векселю или чеку может быть обеспечен полностью или в части авалем, при этом объем и характер ответственности авалиста соответствует объему и характеру ответственности лица, за которого он дал аваль в соответствии со ст. 30, 32 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 [15], и ст. 881 ГК. Исходя из этого поручитель и авалист могут выступать в качестве субъектов злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, если указаны в решении суда о взыскании задолженности в качестве ответчиков и осуществляют действия (бездействуют) в целях уклонения от выплаты долга.

Преступление совершается с прямым умыслом. Лицо осознает, что оно уклоняется от погашения кредиторской задолженности, т. е. совершает необходимые для этого действия (либо бездействи-

ет) и желает их совершить, при наличии у него реальной возможности для погашения задолженности. Неспособность исполнить обязательства ввиду отсутствия необходимых для этого материальных средств нельзя квалифицировать как злостное уклонение. Причинами могут явиться такие объективно возникшие обстоятельства, как невыплата дебиторской задолженности, неисполнение обязательств контрагентами должника по поставке продукции, пожар на складских помещениях, где хранилась продукция, увольнение с работы и пр. Если умысел на безвозвратное завладение денежными средствами или неисполнение обязательства возник до или в момент заключения договора, то подобные действия следует квалифицировать по ст. 159 УК как мошенничество [16].

Мотивы и цели уклонения могут быть различными, как корыстными (удержание имеющихся средств для введения их в оборот в целях получения дополнительной прибыли), так и некорыстными (разорение контрагента, ухудшение его материального положения из мести, нежелание предпринимать усилия для выплаты долга из нигилистических соображений). Они не влияют на квалификацию, однако подлежат установлению и доказыванию, поскольку могут учитываться при назначении наказания.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
  2. См.: Определение Верховного Суда РФ № 2-098-31 по делу Большакова. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 г. // БВС. 1999. № 10. С. 9; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.06.2007 № 655-П06 // Там же. 2008. № 4; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Там же. 2008. № 2.
  3. См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., доп. и перераб. М. : Проспект, 2004. Т. 2. С. 488.
  4. См.: Фин. газ. 1998. № 1.
  5. См.: Там же. 1999. № 34.
  6. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
  7. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
  8. См.: СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
  9. См.: Там же. 1998. № 29. Ст. 3400.
  10. См.: Там же. 2001. № 49. Ст. 4562.
  11. См.: Там же. 2003. № 46 (Ч. 2). Ст. 4448.
  12. См.: Там же. 2007. № 41. Ст. 4849.
  13. Уголовное право России: Часть Особенная / под ред. Л. Л. Кругликова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 291.
  14. Сапожков А. А. Кредитные преступления. СПб., 2002. С. 167.
  15. См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1937. № 52. Ст. 221.
  16. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // БВС. 2008. № 2.

УДК 343.81

С. И. Шишкин
S. I. Shishkin

Ограничение свободы как вид уголовного наказания: особенности, противоречия, перспективы

Liberty's Restriction as the Criminal Punishment's Type: Features, Discrepancies, Perspectives

Данная статья посвящена исследованию особенностей, противоречий и перспектив ограничения свободы как вида уголовного наказания в связи с введением в действие положений УК и УИК о наказании в виде ограничения свободы в соответствии с Федеральным законом РФ от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы».

Ограничение свободы; уголовное наказание; особенности; противоречия

This article is devoted to the research of the features, discrepancies and perspectives of the liberty's restriction as the type of the criminal punishment, connected with the initiation of the main directions of the criminal code of the Russian Federation and criminal executive code of the Russian Federation on the punishment in the form of liberty's restriction according to the Federal Law of the Russian Federation № 377-F.L., adopted on December, 27, 2009.

Liberty's restriction; criminal punishment; features; discrepancies

Ограничение свободы до принятия Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [1] (далее — Закон о внесении изменений) являлось основным видом наказания, заключающимся в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора 18-летнего возраста, в специализированном учреждении (исправительном центре) без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора.

Данный вид наказания конкурировал с наказанием в виде лишения свободы с отбыванием в колониях-поселениях. Если сравнить соответствующие положения гл. 8 УИК [2], регулирующие порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы, и ст. 129 УИК, определяющую условия отбывания лишения свободы в колониях-поселениях, то видно, что они практически идентичны. Элемент конкуренции проявляется и в том, что одной и той же категории лиц, например осужденным за неосторожные преступления, с равным основанием могут назначить оба вида наказания (п. «б» ч. 2 ст. 53, п. «а» ч. 1 ст. 58 УК [3]) на срок до пяти лет, что неизбежно порождает трудности в практике назначения наказания су-

дами. Исполнение наказания в виде ограничения свободы (в прежней редакции УК) требовало широкого фронта постоянных работ, ориентированных зачастую на применение неквалифицированного труда, востребованного, например, на крупных стройках. Указанные обстоятельства дали основание для постановки вопроса о целесообразности данного вида наказания в системе наказаний.

Предлагались различные варианты решения этой проблемы. Одним из них стало предложение сохранить ограничение свободы, но отказаться от лишения свободы в колониях-поселениях. В этом случае колонии-поселения легко можно было бы преобразовать в исправительные центры, поскольку условия отбывания наказания в них практически одинаковые. В пользу данного варианта говорило и то, что фактическая наполняемость колоний-поселений составляла около 50 %. Вторым являлся отказ от ограничения свободы как вида наказания [4]. Некоторые ученые считают, что ограничение свободы обладает значительным карательным потенциалом и позволяет осуществлять целенаправленное воспитательное воздействие в течение весьма длительного срока, поэтому его следует сохранить. Лишение осужденных возможности свободно передвигаться по территории того или иного региона, а также постоянный надзор за ними обеспечивают предупреждение новых преступлений и в какой-то мере компенсируют отсутствие в системе наказаний ссылки и высылки [5].

Законодатель избрал другую позицию и определил, что с 10 января 2010 г. «ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы» (ч. 1 ст. 53 УК).

В редакции Закона о внесении изменений данный вид наказания имеет ряд особенностей.

1. В соответствии с ч. 2 ст. 45 УК ограничение свободы может применяться в качестве основного и дополнительного вида наказаний.

2. Ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в виде основного наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК (ч. 2 ст. 53 УК).

В ч. 4 ст. 46 и ч. 2—4 ст. 47 УК определен порядок назначения дополнительных видов наказаний, причем он отличается от установленного в ч. 2 ст. 53 УК (в редакции Закона о внесении изменений).

3. Карательный потенциал заключается в установлении судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации.

4. В период отбывания наказания в виде ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения.

5. Надзор за осужденным, свобода которого ограничена, осуществляется в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством РФ, а также издаваемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти.

Однако данное законодательное установление противоречит ч. 1 ст. 3 УК, согласно которой преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК, и ч. 1 ст. 43 УК, в соответствии с которой наказание заключается в предусмотренных УК лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Законодатель не предусматривает возможность нормотворческого закрепления правоограничений, образующих содержание уголовного наказания, в иных помимо УК источниках (так называемая проблема «двойной» кары).

6. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, являющегося основным, суд по представ-

лению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания, может заменить не отбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ее ограничения. Если осужденный уклоняется от отбывания наказания в виде ограничения свободы, являющегося дополнительным, суд вправе назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок до одного года (ч. 1 ст. 314 УК).

7. Ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также тем, кто не имеет места постоянного проживания на территории РФ.

В прежней редакции ст. 53 УК было установлено, что ограничение свободы не назначается некоторым военнослужащим, проходящим службу по призыву. В настоящей редакции значительно расширен круг военнослужащих, которым нельзя назначить данный вид наказания. Этот запрет в конечном счете противоречит интересам данной категории осужденных, поскольку может подтолкнуть суд к назначению неоправданно сурового наказания — ареста или лишения свободы (ч. 2, 3 ст. 109; ч. 3 ст. 129; ч. 1 ст. 166 УК и др.). Он же способен повлечь и применение необоснованно мягкой меры воздействия на преступника, что нарушает интересы государства и законопослушных граждан, прежде всего потерпевших (ч. 2 ст. 130, ч. 1 ст. 217, ч. 1 ст. 236 УК).

Законодательная новелла, установленная ч. 6 ст. 53 УК в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, противоречит положениям ч. 1 ст. 11 УК (лицо, совершившее преступление на территории РФ, подлежит привлечению к уголовной ответственности по УК).

В законе установлено, что ограничение свободы не назначается лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории РФ. Данный шаг законодателя нельзя отнести к ряду удачных, ведь с выведением за пределы данного вида наказания указанной категории лиц сфера его возможного применения сузится. Кроме того, это может привести к сложностям и противоречиям в правоприменительной деятельности. Например, за совершение особо тяжких преступлений, предусмотренных ст. 131, 132, 134, 135, 205, 206, 210 УК, законодателем установлено обязательное требование к назначению дополнительного вида наказания — ограничение свободы сроком до двух лет.

Однако не все лица, которые совершают указанные выше и иные виды преступлений, будут иметь место постоянного проживания на террито-

рии РФ. Следовательно, назначить наказание в виде ограничения свободы указанной категории лиц будет нельзя в силу закона, в то же время закон категорически требует назначить дополнительный вид наказания в виде ограничения свободы (данное требование основано на положении ч. 2 ст. 53, ч. 3 ст. 131, ч. 4 ст. 135 УК и др.).

Данное противоречие предстоит решить законодателю (путем уточнения требования к назначению ограничения свободы как виду основного наказания) или правоприменителю.

8. К основному наказанию в виде ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания может быть назначено наказание в виде лишения права занимать некоторые должности или вести определенную деятельность (ч. 4 ст. 46; ч. 3, 4 ст. 47 УК). В настоящей редакции УК есть только одна норма — ч. 1 ст. 217 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах), предусматривающая данную особенность (наказывается штрафом до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо ограничением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать отдельные должности или вести определенную деятельность сроком до трех лет или без такового). При этом продолжительность дополнительного вида наказания исчисляется с момента вступления приговора суда в силу.

9. Ограничение свободы как вид основного наказания в соответствии с ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК утратило признак заменяемости. Так, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде обязательных или исправительных работ суд не может заменить неотбытую часть наказания ограничением свободы.

10. К ограничению свободы как виду уголовного наказания не применим институт условного осуждения. В соответствии с ч. 1 ст. 73 УК, если суд, назначив наказание в виде ограничения свободы, придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, то он не может в постановлении охарактеризовать назначенное наказание как условное.

11. Лицу, отбывающему наказание в виде ограничения свободы (ч. 1 ст. 80 УК), с учетом его поведения в период отбывания наказания суд не вправе заменить неотбытую его часть более мягким видом наказания.

12. В действующей редакции УК ограничение свободы как вид наказания вошло в перечень наказаний, назначаемых несовершеннолетним (п. «д» ч. 1 ст. 88 УК). Срок его составляет от двух месяцев до двух лет. Иных требований к наказанию не установлено, следовательно, при на-

значении ограничения свободы несовершеннолетним необходимо руководствоваться положениями ст. 53 УК и ч. 1 ст. 314 УПК.

До принятия Закона о внесении изменений ограничение свободы как вид наказания в альтернативе с другими основными видами наказаний предусматривался в 41 санкции за совершение преступлений небольшой тяжести, в 38 санкциях — средней тяжести и в одной санкции — тяжкого преступления (ч. 2 ст. 238 УК). Получается, ограничение свободы можно было назначить в 80 из 584 санкций норм, предусмотренных Особенной частью УК, что составляло 13,7 % от общего числа санкций. Действующая редакция УК в 55 санкциях за совершение преступлений небольшой тяжести и в 38 санкциях — средней тяжести предусматривает ограничение свободы в альтернативе с иными основными уголовными наказаниями, что составляет 16 % от общего числа санкций.

Следует выделить две закономерности.

1. По состоянию на 10 января 2010 г. в УК предусмотрено 76 составов преступлений небольшой тяжести, в альтернативных санкциях которых

нет наказания в виде лишения свободы. В 13 санкциях предусмотрено наказание в виде ограничения свободы. Так, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 1 ст. 118 УК) наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, клевета (ч. 2 ст. 129 УК) — до двух лет, небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК) — до одного года.

В случае злостного уклонения лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания оно заменяется лишением свободы. При этом согласно ч. 5 ст. 53 УК время отбывания ограничения свободы засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ее ограничения.

Коллизия в том, что в санкциях данных норм нет лишения свободы среди альтернативных видов наказаний. Данное обстоятельство вызовет трудности у правоприменителя, если законодатель не внесет соответствующие коррективы в закон.

2. Ограничение свободы как основной вид наказания может быть назначено за совершение преступлений небольшой и средней тяжести (см. табл.).

Санкции норм Особенной части УК

Вид наказания \ Статья	Штраф, тыс. руб.	Обязательные работы, ч	Исправительные работы, лет	Ограничение свободы, лет	Арест, мес.	Лишение свободы, лет
ч. 1 ст. 118	до 80	180—240	до 2	до 3	от 3 до 6	—
ч. 1 ст. 129	до 80	120—180	до 1	до 1	—	—
ч. 2 ст. 130	до 80	до 180	до 1	до 2	—	—
ч. 1 ст. 191	100—500	—	до 2	до 3	до 6	—
ч. 1 ст. 245	до 80	—	до 1	до 1	до 6	—
ч. 1 ст. 165	до 80	120—180	до 1	до 2	до 4	до 2
ст. 168	до 120	—	от 1 до 2	до 1	—	до 1
ч. 1 ст. 263	—	—	—	до 4	от 3 до 6	до 2
ч. 1 ст. 266	100—300	—	—	до 3	до 6	до 2
ч. 3 ст. 129	100 — 300	—	—	до 3	от 4 до 6	до 3
ч. 2 ст. 151	—	—	—	от 2 до 4	от 4 до 6	до 5
ч. 1 ст. 161	—	—	от 1 до 2	от 2 до 4	от 4 до 6	до 4
ч. 1 ст. 166	до 120	—	—	до 3	от 3 до 6	до 5
ч. 2 ст. 244	—	—	—	до 5	от 3 до 6	до 5

Анализ альтернативных видов санкций, приведенных в таблице, позволяет сделать ряд выводов:

1) за совершение преступлений небольшой тяжести, в санкциях которых нет наказания в виде лишения свободы, может быть назначено наказание в виде ограничения свободы на срок до одного года, двух и трех лет;

2) за совершение преступлений небольшой тяжести (предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет) может быть назначено наказание в виде ограничения свободы сроком до одного года, двух, трех и четырех лет;

3) за совершение преступления средней тяжести, предусмотренного ч. 2 ст. 244 УК, ограничение свободы можно назначить на срок до

пяти лет. Данное законодательное установление противоречит положениям ч. 2 ст. 53 УК, в соответствии с которыми ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного наказания за преступления небольшой и средней тяжести.

Проанализировав виды и размеры альтернативных наказаний в зависимости от срока ограничения свободы, можно установить, что ограничение свободы на срок от одного года может быть альтернативно назначено со штрафом до 80 тыс. руб., обязательными работами от 120 до 180 ч, исправительными работами сроком до одного года или штрафом до 120 тыс. руб., исправительными работами продолжительностью от одного года до двух лет, лишением свободы сроком до одного года. Сопоставляя иные альтернативные санкции, в которых предусмотрено ограничение свободы на определенный срок, можно выявить различные комбинации видов и размеров наказаний. Данное обстоятельство свидетельствует о хаотичности системы построения санкций уголовно-правовых норм Особенной части УК.

В соответствии с Законом о внесении изменений ограничение свободы в качестве дополнительного вида наказания включено в санкции 111 норм Особенной части УК. Среди них три преступления небольшой тяжести (ч. 2 ст. 282, ч. 2 ст. 282, ч. 1 ст. 322 УК), 12 — средней тяжести (ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160, ч. 2 и 3 ст. 165 УК и др.), 46 — тяжких и 50 — особо тяжких.

Следует выделить ряд особенностей, которые использовал законодатель при конструировании ограничения свободы как дополнительного вида наказания.

1. Ограничение свободы может быть назначено в обязательном порядке (ч. 3 ст. 221, ч. 3 ст. 131, ч. 4 ст. 135 УК и др.) или факультативно (ч. 2 ст. 111, ч. 3 ст. 151, ч. 3 ст. 162, ч. 4 ст. 188 УК и др.).

2. Ограничение свободы как дополнительный вид наказания в квалифицированных и особо квалифицированных составах преступлений устанавливается в определенной градации:

а) в соответствии с ч. 2 ст. 158 УК наказываются «с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового»; ч. 3 ст. 158 УК — «с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового»; ч. 4 ст. 158 УК — «с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового»;

б) согласно ч. 1 ст. 211 УК наказываются «с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового»; ч. 2 ст. 211 УК — «с ограничением свободы на срок до двух лет»; ч. 3

ст. 211 УК — «с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

По содержанию ограничений, устанавливаемых судом осужденному, ограничение свободы во многом сходно с уголовно-правовой мерой в виде условного осуждения.

В структуре судимости по видам наказаний с 2005 по 2008 г. наибольший удельный вес занимает условное осуждение к лишению свободы: в 2005 г. — 389 тыс. лиц (44,3 % от общего числа осужденных); в 2006 г. — 392 тыс. лиц (43 %); в 2007 г. — 385 тыс. лиц (42 %) и в 2008 г. — 373,2 тыс. лиц (40,8 %). Данное обстоятельство позволяет предположить, что ограничение свободы как вид основного наказания будет истребован судебной практикой и займет достойное место в системе уголовных наказаний.

Следует остановиться еще на одном обстоятельстве, которым законодатель не воспользовался в должной мере. Десять основных статей УК (ст. 158, 161, 228, 119, 111, 159, 157, 327, 162, 166 (105)), занимают в структуре судимости доминирующее место с 2005 по 2008 г. (2005 г. — 72,9 %; 2006 г. — 73 %; 2007 г. — 74 %; 2008 г. — 69,4 %).

За указанный период структура судимости не претерпела существенных изменений, лишь незначительно изменялся порядок следования составов УК в перечне из десяти статей. Удельный вес составов преступлений из десятки распределялся следующим образом:

1) по ст. 158 УК в 2005 г. осуждено 315,5 тыс. человек (35,8 % от всех осужденных лиц); в 2006 г. — 296,8 тыс. лиц (32,6 %); в 2007 г. — 295,4 тыс. лиц (32 %); в 2008 г. — 298 тыс. лиц (32,6 %);

2) по ст. 161 УК в 2005 г. осуждено 82,4 тыс. лиц (8,7 % от всех осужденных); в 2006 г. — 86 тыс. лиц (9,5 %); в 2007 г. — 80,8 тыс. лиц (8,8 %); в 2008 г. — 73,4 тыс. лиц (8 %);

3) по ст. 228 УК в 2005 г. осуждено 41,9 тыс. лиц (4,8 %); в 2006 г. — 48 тыс. лиц (5,3 %); в 2007 г. — 58,4 тыс. лиц (6,4 %); в 2008 г. — 64,6 тыс. лиц (7 %) и др.

Десять основных статей УК содержат в себе конструктивно 31 преступление: семь — небольшой и семь — средней тяжести, 12 — тяжких и 5 — особо тяжких.

Ограничение свободы как основной вид наказания содержится только в санкциях семи составов УК небольшой и средней тяжести (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 327 УК). Семь составов УК небольшой и средней тяжести не содержат в санкциях ограничение свободы как вид основного наказания (ч. 2 ст. 119, ч. 1 и ч. 2 ст. 157, ч. 2 ст. 158,

ч. 2 ст. 159, ч. 2 и 3 ст. 327 УК). В связи с этим значительному числу осужденных не может быть в принципе назначено ограничение свободы.

В структуре судимости по роду занятий, которая по сравнению с 2006 г. практически не изменилась, наибольший удельный вес составляет категория трудоспособных лиц без определенных занятий: в 2006 г. — 520,2 тыс. лиц (57,2 % от общего числа осужденных); в 2007 г. —

541,2 тыс. лиц (59 %); в 2008 г. — 536,5 тыс. лиц (58,7 %). Данное обстоятельство также будет препятствовать назначению наказания в виде ограничения свободы.

Не претендуя на завершенность исследования, полагаем, что проведенный в статье анализ может послужить основой для дальнейшей оптимизации такого вида уголовного наказания, как ограничение свободы.

---

1. См.: СЗ РФ. 2009. № 52. Ст. 6453.

2. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

3. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. См.: Калинин Ю. Курсом обновления // Преступление и наказание. 2003. № 7. С. 8; Человек и тюрьма : сб. информационных материалов / сост. В. М. Абрамкин, 1998. С. 44; Кулакова Н. Г. Обсуждены вопросы совершенствования уголовного законодательства // Журнал рос. права. 1999. № 1. С. 178.

5. См.: Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 798; Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 181.

ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 336.22

М. К. Кадиалиев

M. K. Kadialiev

Проблемы правовой культуры и психологии личности в сфере налоговых правоотношений

Problems in Legal Culture and Psychology of Personality in the Field of Tax Legal Relationship

В статье дается социально-психологическая характеристика отечественных налогоплательщиков, описывается общее отношение граждан страны к налоговой системе и обязанности платить налоги. Рассматривается влияние уровня налоговой культуры населения на состояние правопорядка в сфере налогообложения. Статья раскрывает комплекс необходимых мер, направленных на повышение степени налогового правосознания и воспитание законопослушных налогоплательщиков.

Налог; налогоплательщик; налогообложение; культура; психология; корысть; ценность; правовой нигилизм; уклонение; налоговое правонарушение

The article gives social and psychological description of domestic taxpayers and general attitude of citizens of country towards the tax system and duty to pay taxes. It also examines the influence of level of tax culture of population on the state of law and order in the field of taxation. The article exposes the complex of necessary measures directed at the increasing of degree of tax sense of justice and education of law-abiding taxpayers.

Tax; taxpayer; taxation; culture; psychology; profit; value; legal nihilism; tax evasion; tax offence

Становление и развитие любого государства невозможно без наличия у него собственных материальных средств, в том числе денежных, добывающихся различными способами. Самым древним и важным из них является сбор налогов [1]. При этом отсутствие согласованных интересов между государством, грубо говоря, изымающим у гражданина часть заработанных им средств для дальнейшего перераспределения по своему усмотрению, и собственником, который, естественно, пытается заплатить как можно меньше, препятствует формированию эффективной системы налогообложения. Еще «Фома Аквинский определил налоги как дозволенную форму грабежа, а Шарль Луи Монтескье с полным основанием полагал, что ничто не требует столько мудрости и ума, как оп-

ределение той части, которую у подданных забирают, и той, которую оставляют им» [2].

В связи с этим многие современные ученые ставят систему социально-психологических обстоятельств на первое место среди остальных факторов, влияющих на уровень налоговой дисциплины. Так, по мнению И. И. Кучерова, автора ряда научных трудов, посвященных изучению криминологической характеристики личности налоговых правонарушителей, основной причиной противоправного поведения в сфере налогообложения является нравственно-психологическое состояние налогоплательщиков, характеризующееся негативным отношением к налоговой системе, низким уровнем правовой культуры, а также корыстной мотивацией.

К рассматриваемым обстоятельствам следует отнести поляризацию населения по уровню доходов и низкий уровень жизни большей части граждан РФ. В условиях вызванного указанными факторами социального напряжения часть населения считает себя обделенной в ходе приватизации и поэтому не приемлет попытки государственного регулирования экономических отношений, направленные на закрепление сложившегося, на их взгляд, несправедливого положения. Так объясняется желание этой группы населения поправить свое материально-финансовое положение путем сокрытия доходов от налогообложения. Иными словами, у части россиян сложилась установка: совершая правонарушения, мы поступаем не хуже, чем поступило с нами государство в период массовой приватизации [3].

Более того, граждане страны не хотят содержать за свой счет совершенно не выполняющий, по их мнению, своих функций госаппарат, все возрастающую армию чиновников, оплачивая их обустройство и времяпрепровождение [4]. У законопослушных налогоплательщиков отсутствует уверенность, что их налоги направляются на благие дела: обеспечение безопасности жизни и здоровья, социальные нужды, развитие экономики, разумное управление государством, издание справедливых законов. Существует противоречие, которое заключается в том, что государство в устанавливаемых им законодательных актах требует беспрекословного подчинения при уплате налогов, не обеспечивая при этом надежными гарантиями осуществления свободной экономической деятельности. Таким образом, криминализация общества обусловлена высокими темпами его имущественного расслоения, в том числе обнищанием значительной части населения, потенциально готового на нарушение закона ради выживания и обеспечения элементарных средств существования [5].

Свобода предпринимательства и отсутствие должного правового регулирования в совокупности с неопытностью государства в вопросах сбора налогов парализуют работу налогового аппарата и мало способствуют формированию должных взглядов граждан на их обязанности по уплате налогов. Проблема осложняется и тем, что государство неэффективно проводит профилактическую политику, способствующую росту правосознания налогоплательщиков, редко публично осуждая лиц, уклоняющихся от уплаты налогов.

Рыночная экономика со свойственной ей конкурентной борьбой, погоней за прибылью и сверхприбылью неизбежно порождает противоправные проявления. Именно поэтому в странах

с развитой экономикой корыстные правонарушения являются преобладающими. Среди руководителей крупных российских компаний немало бывших деятелей теневой экономики, в том числе должностных и общеуголовных преступников, внедряющих навыки и психологию криминальной деятельности в легальный бизнес. Для них уклонение от уплаты налогов служит одним из способов достижения своих целей. Подобный подход обусловлен завышенным уровнем их материальных притязаний, стремлением к приобретению и приумножению объектов недвижимости, предметов роскоши и иных материальных ценностей. Обеспечение указанных потребностей за счет хищения средств и имущества, участвующих в воспроизводственном цикле, для них неприемлемо, однако перспектива сэкономить на налоговых платежах выглядит весьма привлекательно [6]. По этому поводу справедливо отмечалось: «Жажда получить как можно больше и сразу у людей, именующих себя новыми русскими, отодвинула на задний план элементарные нормы морали, налоги воспринимаются ими как нечто обременительное, вовсе не обязательное» [7].

Несомненно, корыстная мотивация имеет определяющее значение, при этом следует отметить, что часть налоговых правонарушений совершается на основе корпоративной, групповой заинтересованности. Имеют место факты, когда сокрытые от налогообложения средства используются руководителями предприятий для модернизации производства, выплаты заработной платы работникам, погашения кредитов, увеличения оборотных средств. Здесь усматривается стремление улучшить финансовое состояние своего предприятия и тем самым увеличить прибыльность в будущем.

Опрос представителей различных категорий граждан в целом по стране показал, что 60 % респондентов не считают себя налогоплательщиками [8]. Это означает, что россияне еще не до конца принимают фундаментальные и общепринятые в капиталистическом обществе политические ценности, суть одной из которых состоит в том, что налоги — основа благосостояния государства. Граждане не понимают, зачем их принуждают лишать себя значительной части заработанных средств [9].

Необходимо отметить, что все это вполне характерно для населения России — государства, которое, по мнению Президента РФ Д. А. Медведева, является страной правового нигилизма, уровнем пренебрежения к праву в которой не может похвастаться ни одна европейская страна [10].

Существующее отношение к налоговым обязательствам в немалой степени обусловлено

низким уровнем налоговой культуры у граждан. Отсутствие должного правового воспитания объясняется недолгой историей отечественной налоговой системы в отличие от большинства зарубежных стран, где институт налогообложения существует и совершенствуется сотни лет. Налогоплательщикам этих государств доступна информация о расходовании бюджетных средств, они осведомлены о порядке уплаты налогов и мерах ответственности за неисполнение налоговых обязательств. Уклонение от уплаты налогов в этих странах считается не только противоправным, но и аморальным, т. е. осуждаемым обществом поступком.

В обстановке отсутствия государственной идеологии, ориентирующей на правомерное решение проблем, связанных с приобретением собственности, в жизни общества получают распространение традиции, правила и иные атрибуты криминальной субкультуры [11]. Осуждаемая ранее частнособственническая психология превратилась в признанную систему взглядов и ценностей. Вместо труда как основной ценности в достижении благополучия широкое распространение получили представления о возможности легкой наживы путем участия в криминальном и полукриминальном бизнесе и недобросовестных финансовых махинациях.

В результате изменения ценностных ориентаций у значительной части населения признаются социально одобряемыми различные формы антиобщественного и даже преступного поведения [12]. К сожалению, граждане РФ в основной своей массе относятся к нарушителям налогового законодательства достаточно терпимо, при этом они не только не оказывают должного содействия правоохранительным и контролирующим органам в их выявлении, но и в отдельных случаях способствуют их совершению [13]. Стоит только представить все легальные, полуполевые и нелегальные схемы минимизации налоговых платежей, чтобы осознать весь размах этого явления в общегосударственном масштабе. Ввиду существующей распространенности уклонения от уплаты налогов отдельными исследователями, в частности Н. А. Колоколовым, ставится под сомнение целесообразность криминализации данного явления.

В систему рассматриваемых детерминант, способствующих снижению уровня налоговой дисциплины, следует также отнести такие факторы, как неудовлетворительная работа правоохранительных органов, либерализм судебной практики по делам о налоговых правонарушениях, особенно при назначении наказания и возмещении ущер-

ба, регулярно проводимые государством реструктуризации и списания задолженностей, порождающие в сознании налогоплательщиков чувство безнаказанности в силу оценки риска ответственности как маловероятного.

Указанные проблемы личности в сфере налоговых правоотношений требуют от государства выработки единой идеологическо-нравственной модели общественного развития, ориентированной на недопущение искажения и деградации традиционных морально-этических ценностей. Приоритетным направлением в налоговой политике РФ должно стать принятие детально продуманной долгосрочной федеральной программы по повышению уровня правосознания и воспитанию налоговой культуры у населения. Это прежде всего предполагает формирование у граждан умения и навыков владения, пользования и распоряжения своим имуществом (благодаря чему появился бы слой частных собственников, содействующих созданию социально-ориентированной рыночной экономики), широкое информирование населения о налоговом законодательстве и его применении, а также распространение информации о расходовании бюджетных средств.

Как отмечает Е. П. Андреев, нынешние условия свидетельствуют о необходимости создания системы профессионального налогового консультирования для оказания квалифицированной помощи налогоплательщикам при неременном соблюдении интересов государства [14].

В современной России, где вследствие несовершенства норм налогового законодательства значительная доля организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляя коммерческую деятельность, прибегают к неправомерному сокращению налоговых платежей, понятия «налогоплательщик» и «налоговый правонарушитель» стали почти равнозначными. Разграничение данных терминов позволит противопоставить налоговых правонарушителей остальной части общества — законопослушным его членам, за счет чего должны сформироваться нравственно-этические нормы, обуславливающие отношение к уклонению от исполнения налоговых обязательств как к явлению, осуждаемому обществом.

Целый комплекс мер, ориентированных на создание благоприятного социально-психологического климата, целесообразно посвятить усилению государственной власти, консолидации общества, возрождению престижа закона как одной из высших социальных ценностей, вытеснению из сознания россиян правового нигилизма, повышению значения таких категорий, как патриотизм, долг, труд, честность, соблюдение закона. Добро-

совестное отношение к налоговым обязательствам, основанное на понимании его общественной необходимости и экономической выгоды, должно стать одной из характеристик человека высокой налоговой культуры.

Необходимо с малых лет воспитывать в гражданах правильное отношение к налогам, стремление жить, не нарушая законы [15], прививать основы права и нравственности, служащие надежной базой честного, делового сотрудничества и предпринимательства. Следует в простой и интересной форме говорить детям о том, для чего существует налоговая система, кто и какие налоги платит, куда направляются собранные средства, почему платить налоги не только необходимо, но и выгодно. В настоящее время особое внимание должно уделяться школьникам, учащимся и работающей молодежи, еще только выбирающей свой жизненный путь. Ознакомление с раннего возраста с принципами налогообложения позволит в будущем существенно повысить образовательный уровень населения в сфере налоговых правоотношений [16]. В немалой степени организация данного процесса зависит от Минобрнауки России, отвечающего за введение в школьный образовательный курс основ налоговых знаний. По мнению отдельных специалистов, элементы налоговой культуры должны содержать все учебные программы многоуровневой системы образования [17].

Проведение указанных мер послужит основой формирования в общественном сознании взрослого населения и воспитания в подрастающем поколении особого отношения к уплате налогов, так как своевременное и полное поступление налоговых платежей является залогом укрепления российской государственности и экономической предпосылкой развития гражданского общества. Необходимо создать обстановку нетерпимости по отношению к нарушителям налогового законодательства, сформировать морально-психологический климат в обществе, когда его члены будут осознавать неотвратимость наказания и следовать принципам справедливости, законности, равенства граждан перед законом. Огромная роль в деле просвещения населения и повышения уровня его налоговой культуры отводится телевидению. В частности, эффективным средством является социальная реклама.

В случае если налоговые правонарушения не вызывают негативной оценки со стороны общества ввиду того, что большинство его членов, не опасаясь существующих мер привлечения к ответственности, в той или иной мере стремятся различными незаконными способами минимизировать размеры налоговых платежей, то совершение подобных действий в пределах данного общества будет продолжаться, угрожая основам экономической безопасности страны.

1. См.: Смирных С. Е. Правовые последствия недобросовестности налогоплательщиков // *Гос-во и право*. 2007. № 11. С. 56.
2. См.: *Налоги : учеб. пособие / под ред. Д. Г. Черника*. М., 1995. С. 4.
3. См.: Верещагин Д. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с мошенничеством : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 112.
4. См.: Сергеев В. И. Налоговые преступления: изменения в УК РФ не оправдали ожиданий // *Налоговые споры: теория и практика*. 2004. № 6.
5. См.: Ларичев В. Д., Бембетов А. П. *Налоговые преступления*. М. : Экзамен, 2001. С. 70.
6. См.: Поролло Е. В. *Налоговый контроль: принципы и методы проведения*. М. : Гардарика, 1996. С. 5.
7. См.: Соловьев И. Н. *Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов*. М. : Главбух, 2000. С. 61.
8. См.: Кучеров И. И. *Налоговые преступления*. М., 1997. С. 42.
9. См.: Плигин А. А. *Личностно ориентированное образование: история и практика*. М., 2003. С. 32.
10. См.: *Труд*. 2008. № 10.
11. См.: Анисимов В. М. *Криминальная субкультура*. Уфа, 1997. С. 10—50.
12. См.: *Криминология : учебник для вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева*. СПб., 2004. С. 254.
13. См.: Геллер Н. В. *Теоретические вопросы криминологической характеристики уклонения физического лица от уплаты налогов и сборов* // *Рос. следователь*. 2008. № 5.
14. См.: Андреев Е. П. *Роль права в повышении культуры взаимоотношений государства и налогоплательщика* // *Современные направления развития малого и среднего предпринимательства России : материалы науч.-практ. конф.* М. : Академия русских предпринимателей, 1996. С. 68—69.
15. См.: Геллер Н. В. Там же.
16. См.: Кудрявцев В. Н. *Социальные причины организованной преступности и коррупции* // *Чиновник*. 2000. № 1.
17. См.: Аболенцев Ю. А. и др. *Экономическая безопасность России (проблемы методологии и организационно-правового обеспечения) : учеб. пособие*. М., 2001. С. 129.

УДК 336.14

Д. И. Романов
D. I. Romanov

Бюджетный контроль в Российской Федерации: некоторые теоретико-правовые вопросы

The Budgetary Control in Russian Federation: Some Theorist-legal Questions

В статье раскрыты актуальные теоретико-правовые вопросы осуществления бюджетного контроля в Российской Федерации. Бюджетный контроль рассматривается как особый вид финансового контроля, обладающий рядом характерных признаков. В статье определяется понятие и цель осуществления бюджетного контроля, а также его значение в бюджетной деятельности публично-правовых образований.

Бюджет; финансовый контроль; бюджетный контроль; понятие бюджетного контроля; цель бюджетного контроля; объект бюджетного контроля; значение бюджетного контроля

In article actual teoretiko-legal questions of realisation of the budgetary control in the Russian Federation are opened. The budgetary control is considered as the special kind of the financial control possessing a number of characteristic signs. In article the concept and the purpose of realisation of the budgetary control, and as its value in budgetary activity of publicly-legal formations is defined.

The budget; the financial control; the budgetary control; concept of the budgetary control; the purpose of the budgetary control; object of the budgetary control; value of the budgetary control

На современном этапе развития науки бюджетного права актуальное значение приобретает выработка теоретически обоснованных правовых концепций, фундаментальных категорий, определяющих основные векторы совершенствования бюджетно-правового регулирования. В связи с этим особое значение заслуживает рассмотрение проблем, связанных с бюджетным контролем как одним из центральных институтов бюджетного права России, поскольку «любой государственный строй предусматривает контроль над собственностью, распределением благ, которые аккумулирует государство в каких-либо целях» [1].

В правовой науке определены общественные отношения, которые составляют предмет бюджетного права. К ним относятся: 1) установление

доходных источников бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов; 2) расходование денежных средств и средств государственных внебюджетных фондов; 3) межбюджетное регулирование; 4) бюджетный процесс; 5) осуществление бюджетного контроля; 6) установление оснований ответственности за нарушения бюджетного законодательства [2].

Предмет правового воздействия бюджетного права не является застывшей правовой конструкцией [3]. В связи с этим можно отметить, что в зависимости от развития общественных отношений в бюджетной сфере возникает потребность в трансформировании бюджетно-правовых предписаний, регулирующих порядок осуществления бюджетного контроля.

Справедливость данного вывода подтверждается тем, что в силу подвижности норм бюджетного законодательства предмет бюджетного права является нестабильным. Во многом это влияет на качественные и количественные характеристики исследований общественных отношений, связанных с обеспечением аккумуляции и распределения бюджетов бюджетной системы, поскольку они имеют комплексный характер.

Анализ этих общественных отношений требует от исследователя, с одной стороны, использования теоретических разработок, накопленных наукой гражданского права, которые связаны с собственностью публично-правовых образований на централизованные денежные фонды, а с другой — навыков их применения к правовым теориям доктрины бюджетного права. Именно по этой причине данные вопросы относятся к числу наиболее сложных [4].

Можно отметить, что эта проблема оказывает негативное влияние на рассмотрение бюджетного контроля как одного из центральных институтов бюджетного права России и как особого вида финансового контроля. В то же время нельзя не признать, что предпринимаются определенные попытки его теоретического и практического обособления от финансового контроля. Есть теории, обосновывающие существование контроля за использованием средств бюджета, собственником которых является Российская Федерация либо субъект РФ, т. е. государственного бюджетного контроля [5]. Вместе с тем, оценивая уровень исследований бюджетного контроля, можно отметить, что он находится на начальной стадии своего развития. Так, в юридической науке не подвергались углубленному исследованию проблемы реализации бюджетного контроля за использованием средств, например, государственных внебюджетных фондов, средств, используемых в рамках реализации приоритетных национальных проектов, средств государственных заимствований, а также нефтегазовых доходов федерального бюджета.

Остаются малоизученными вопросы осуществления бюджетного контроля на местном уровне, в то время как Конституция [6], БК [7], Федеральный закон от 06.10.2006 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8], а также иные нормативные правовые акты (см., например, распоряжение Правительства РФ от 03.04.2006 № 467-р «О Концепции повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006—2008 годах» [9]) провозглашают самостоятельность муниципальных образований в бюджет-

ной сфере. Соответственно, реализуя предписания указанных актов, закрепляющих право на самостоятельное формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, муниципальные образования в то же время должны осуществлять контроль за использованием средств этого фонда денежных средств. С этой целью в муниципальных образованиях создаются специальные контрольные органы либо комиссии (комитеты), на которые возлагается контроль за использованием финансовых ресурсов и муниципальной собственности. Специфичность объекта контроля, правового статуса этих органов наполняет правовым содержанием институт муниципального бюджетного контроля, который является достаточно новым правовым явлением в отечественной правовой системе. Его осуществление является гарантией обеспечения решения вопросов местного значения, исполнения органами местного самоуправления, передаваемых им по закону отдельных государственных полномочий.

В отечественной доктрине финансового права бюджетный контроль рассматривается как один из видов финансового контроля, поскольку в зависимости от его объекта или сферы его проведения дополнительно выделяются: налоговый, таможенный, валютный, денежно-кредитный, страховой и другие виды этого контроля [10]. Все они объединяются рядом характерных конституирующих признаков.

В настоящее время бюджетный контроль проходит стадию увеличения интенсивности и полноты исследований с позиций не только финансового права, но и экономической доктрины [11]. Интерес к нему проявляется разноплановостью, сложностью отношений, складывающихся в процессе его осуществления. Полагаем, именно это служит важным фактором повышения его разработанности на научном уровне, способствует качественному росту теоретических положений, обосновывающих его место и роль в современных условиях.

Следует также обратить внимание на то, что, как правило, бюджетный контроль рассматривается сквозь призму финансового контроля. Вследствие этого исследователи часто не учитывают его специфические признаки, что негативно сказывается на его теоретических разработках.

Необходимо признать, что финансовый контроль в современном мире выступает как непреходящий атрибут системы государственного управления и важное направление государственной политики.

Проблемы развития и совершенствования финансового контроля особенно актуальны в Российской Федерации, поскольку он требует более детального нормативного регулирования, создания действенной системы органов государствен-

ного финансового контроля. Эти проблемы свойственны и бюджетному контролю.

Финансовый контроль в юридической литературе рассматривается неоднозначно, хотя есть ряд теоретически обоснованных положений, определяющих его место в системе государственного контроля [12] в финансовой сфере. Вместе с тем справедливо отмечается, что «финансовый контроль является сложной категорией» [13] и, как следствие, «это обуславливает различные характеристики его понятия и создает подчас не совсем точное представление о нем» [14].

В настоящее время в доктрине финансового права отсутствует общепризнанное определение финансового контроля, которое раскрывало бы его сущность и правовое содержание.

Так, Э. А. Вознесенский, рассматривая его сущность и значение, отмечал, что «финансовый контроль при социализме — деятельность государственных и общественных органов, состоящая в проверке обоснованности процессов формирования и использования централизованных и децентрализованных денежных фондов в целях соблюдения плановых пропорций в расширенном социалистическом воспроизводстве» [15].

Например, О. Н. Горбуновой государственный финансовый контроль определяется как проверка соблюдения органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами финансового законодательства Федерации и субъектов Федерации, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов» [16].

В. В. Бесчеревных утверждает, что финансовый контроль является «контролем за законностью и целесообразностью всех действий и мероприятий, осуществляемых в процессе планового собирания, распределения и использования государственных денежных средств [17].

Также под финансовым контролем понимают многоаспектную межотраслевую систему надзора наделенных контрольными функциями государственных и общественных организаций за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, учреждений, организаций с целью объективной оценки экономической эффективности их деятельности, установления законности и целесообразности хозяйственных и финансовых операций и выявления резервов доходов государственного бюджета [18].

Следует отметить, что в науке финансового права есть и другие определения этого термина. По мнению А. Б. Золотаревой, государственный и муниципальный финансовый контроль — это контроль со стороны уполномоченных органов го-

сударственной власти и местного самоуправления за неподведомственными им участниками бюджетного процесса на предмет соблюдения ими бюджетного законодательства РФ и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, а также результативности и эффективности использования ими средств бюджетной системы РФ [19].

Однако с таким определением трудно согласиться, поскольку в нем фактически раскрывается понятие бюджетного, а не финансового контроля. Полагаем, эти правовые явления различны по механизму осуществления, объекту, а также предмету контроля и иным элементам. В связи с этим подмену одного понятия другим нельзя признать обоснованной. Кроме того, как справедливо указывает С. О. Шохин, «контроль за бюджетными средствами не охватывает всей сферы государственного финансового контроля. Государство осуществляет контроль за доходами физических и юридических лиц в целях налогообложения, за соблюдением установленных законом форм бухгалтерской отчетности всеми хозяйствующими субъектами, соблюдением правил внешнеэкономической деятельности, банковской деятельности, за финансовой эффективностью использования государственной собственности, переданной в той или иной форме хозяйственным товариществам и об-ществам и т. д.» [20].

Следует признать, что данная проблема свойственна и бюджетному контролю как особому виду финансового контроля, поскольку до настоящего времени остается открытым вопрос о понятии бюджетного контроля и его особенностях.

Так, В. А. Парыгина, К. Браун, Дж. Э. Стиглиц, А. А. Тедеев приходят к выводу, что бюджетный контроль представляет собой урегулированную нормами бюджетного права систему ревизионно-правовых мер, направленных на проверку законности и целесообразности осуществляемой в Российской Федерации бюджетной деятельности [21].

А. А. Васильев, напротив, указывает, что государственный бюджетный контроль — это самостоятельный вид финансового контроля, который осуществляется в сфере бюджетной деятельности государства и направлен на установление законности, достоверности и экономической эффективности деятельности участников бюджетного процесса по составлению и утверждению проектов бюджетов (бюджетов государственных внебюджетных фондов), перечислению и использованию бюджетных средств, управлению государственной собственностью [22].

По мнению О. В. Болтиновой, бюджетный контроль необходимо рассматривать как деятельность представительных и исполнительных органов государственной власти, местного самоуправ-

ления, а также специализированных контрольных органов по проверке законности, своевременности, правильности, эффективности и результативности образования, распределения и использования основного финансового плана — бюджета, осуществляемую на всех стадиях бюджетного процесса в Российской Федерации [23].

Таким образом, в бюджетно-правовой науке выработаны различные понятия бюджетного контроля. Однако подобная разрозненность подходов к данному определению затрудняет формирование его общего понятия, что еще раз доказывает сложноорганизованный характер и полисегментную структуру этой правовой конструкции.

На наш взгляд, бюджетный контроль — это деятельность уполномоченных органов публичной власти, направленная на установление и обеспечение законности, целесообразности, результативности и достоверности использования средств ответственного бюджета бюджетной системы.

Полагаем, что при определении бюджетного контроля следует исходить из того, что осуществлять его вправе исключительно органы государственной власти или органы местного самоуправления. Он не может осуществляться коммерческими организациями (аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами), как происходит при финансовом контроле. Кроме того, объектом и предметом бюджетного контроля может выступать исключительно бюджет и его средства. В связи с этим вряд ли можно согласиться с А. А. Васильевым, который указывает, что бюджетный контроль также направлен на управление государственной собственностью.

По этой причине бюджетный контроль выступает как особая сфера финансовой деятельности государства и муниципальных образований, которая связана с контролем за использованием бюджетных ресурсов.

В то же время бюджетный контроль, как и финансовый, предназначен для реализации финансовой политики государства, создания условий для финансовой стабилизации, развития бюджетно-правовых отношений в строгом соблюдении правовых предписаний.

В связи с этим его основной целью является обеспечение законности использования средств соответствующего бюджета и пресечение (предупреждение) их нецелевого и неэффективного использования.

Кроме того, целью его реализации выступает соблюдение законности на всех стадиях бюджетного процесса для эффективного выполнения государством и муниципальными образованиями своих функций и задач [24].

По этой причине бюджетный контроль осуществляется на всех стадиях бюджетного процесса, в то время как финансовый контроль реализуется во всех сферах общественного воспроизводственного процесса и сопровождает весь процесс движения денежных фондов, включая стадию анализа финансовых результатов.

Как отмечалось, бюджетный контроль является сложной, многоаспектной категорией. С одной стороны, он выступает как функция государственного управления, по отношению к которому он является средством, инструментом реализации политики государства, с другой — его можно рассматривать как управленческую деятельность со своими методами, способами и формами реализации.

Помимо этого бюджетный контроль имеет не только правовое, но и социальное значение, поскольку его осуществление направлено на соблюдение механизма финансирования публичных нормативных обязательств, предусмотренных законодательством.

Анализ указанных теоретических проблем показывает, что бюджетный контроль является важным элементом механизма государственного управления, поскольку «всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени управления» [25]. По этой причине эффективность его осуществления оказывает непосредственное влияние на степень соблюдения бюджетного законодательства и обеспечение бюджетной дисциплины.

Таким образом, можно отметить, что бюджетный контроль выступает как показатель эффективности реализуемой государством политики в бюджетной сфере, как элемент механизма контроля за надлежащим использованием бюджетных средств. Это обеспечивает выполнение по крайней мере двух задач: во-первых, определяется порядок использования средств соответствующего бюджета бюджетной системы РФ; во-вторых, формируются механизмы обратной связи между контрольным органом и контролируемым субъектом. В то же время бюджетному контролю как объективному процессу свойственна постоянная динамичность, которая выражается в изменении его признаков или свойств, вызванных высокой степенью подвижности бюджетно-правовых норм. В результате изменения бюджетного законодательства периодически происходит трансформация бюджетного контроля. Однако эти изменения не должны затрагивать ряд конституирующих признаков, свойственных бюджетному контролю, поскольку в случае их модификации будут утеряны смысл и правовое значение данного вида финансового контроля.

1. См.: Авакьян С. А. Размышления в связи с книгой профессора С. В. Степашина // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5. С. 49.
2. См.: Крохина Ю. А. Вопросы концепции бюджетного права Российской Федерации // Журнал рос. права. 2002. № 9. С. 25.
3. См.: Там же.
4. См.: Там же. С. 22.
5. См.: Васильев А. А. Правовое регулирование государственного бюджетного контроля в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
6. См.: Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
7. См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
8. См.: СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
9. См.: Там же. 2006. № 15. Ст. 1640.
10. См.: Крохина Ю. А. Финансовое право России. М. : Норма, 2007. С. 120.
11. См. подробнее: Шулико Е. В. Муниципальный бюджетный контроль в Российской Федерации: на примере муниципального образования г. Новороссийска : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004; Данилов И. А. Внутренний бюджетный контроль как фактор снижения производственных затрат на отечественных промышленных предприятиях : дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2006.
12. До Октябрьской революции 1917 г. вопросы осуществления финансового контроля освещались в работах следующих отечественных и зарубежных ученых: Сперанский М. М. План финансов Сперанского М. М. / Сб. Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45; Львов Д. М. Курс финансового права. Казань : Типография Императорского Университета, 1887; Сакович В. А. Государственный контроль в России. Его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. СПб. : Центральная типолитография М. Я. Минкова, 1898. Ч. 1; Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей / пер. с франц. СПб., 1901. В свою очередь в советский период в исследовании финансового контроля определенный вклад внесли: Синебрюхов Н. А., Крылов Н. Г., Лакин Г. В. Ревизия и контроль. М. ; Л. : ВСНХ СССР, 1926; Ляндю А. Развитие государственного финансового контроля в СССР // Советское государство и право. 1940. № 1; Понтович Э. Э. Финансовый контроль. Л. : Финансовое издательство НКФ СССР, 1928; Ровинский Н. Н. Финансовый контроль в СССР. М. : Госфиниздат, 1947; Митрофанов В. М. Государственный финансовый контроль в дореволюционной России (1811—1917 гг.) : дис. ... канд. экон. наук. М. ; 1961; Белобжецкий И. А. Финансово-хозяйственный контроль в управлении экономикой. М. : Финансы, 1979. На современном этапе развития финансовый контроль исследуется следующими авторами: Данилевский Ю. А. Проблемы государственного финансового контроля и аудита в условиях перехода к рыночной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1993; Фирулин И. В. Финансовый контроль в системе управления рыночной экономикой. Самара, 1996; Ирвин Д. Финансовый контроль. М. : Финансы и статистика, 1998; Соменков А. Д. Парламентский контроль за исполнением Государственного бюджета. Элиста, 1998; Шохин С. О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в Российской Федерации. М. : Финансы и статистика, 1999; Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Бурцев В. В. Государственный финансовый контроль: методология и организация. М., 2000; Васильев А. А. Правовое регулирование государственного бюджетного контроля в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
13. См.: Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 17.
14. См.: Калюжный Н. Н. Конституционно-правовое регулирование контрольных функций в деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.
15. См.: Вознесенский Э. А. Финансовый контроль в СССР. М. : Юрид. лит., 1973. С. 43.
16. См.: Финансовое право / отв. ред. О. Н. Горбунова. М. : Юрист, 2006. С. 78.
17. См.: Советское финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. М. : Юрид. лит., 1982. С. 71—72.
18. См.: Шохин С. О. Бюджетно-финансовый контроль: Теория и практика применения в России. М. : Прометей, 1995. С. 25.
19. См.: Золоторева А. Б. Проблемы определения границ и организации системы государственного и муниципального финансового контроля // Современное право. 2008. № 12. С. 25.
20. См.: Шохин С. О. Вопросы финансового контроля в Бюджетном кодексе Российской Федерации // Финансы. 1997. № 10.
21. См.: Парыгина В. А., Браун К., Стиглиц Дж. Э., Тедеев А. А. Бюджетная система России. М. : Эксмо, 2006. С. 670.
22. См.: Васильев А. А. Указ. соч. С. 57.
23. См.: Болтинова О. В. Бюджетный процесс в Российской Федерации: теоретические основы и проблемы развития : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. С. 40.
24. См.: Там же.
25. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 342.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 352

Л. В. Привалова
L. V. Privalova

Представительность как признак правовой природы представительного органа муниципального образования

Representation as a Feature of Legal Nature of the Representative Body of Municipal Entity

При создании данной статьи автор исследовал теоретико-правовые позиции российских и зарубежных ученых по вопросу представительности как базового признака правовой природы представительного органа муниципального образования. Автор подытожил общую картину представительности, сделав вывод о трех главных элементах последней.

Представительность; правовая природа; правовой статус; муниципальное образование; представительный орган; местные интересы; парламентаризм; организация деятельности

The article is based on legal research of theoretical and legal views of Russian and foreign scholars on the institute of representation as the basic feature of legal nature of a representative body of municipal entity. The author made a summary of the institute of representation resultant in three basic elements of the latter.

Representation; legal nature; legal status; municipal entity; representative body; local interests; parliamentarism; organization of activities

Раскрытие правовой природы представительного органа муниципального образования по смыслу предполагает обоснованную юридическую квалификацию его в качестве выразителя интересов и воли населения. В связи с этим изучение правовой природы (понятие «юридическая или правовая природа» происходит от лат. *justitia natura*) данного органа следует начать с предварительного исследования сущности понятия «представительство».

Для характеристики современных представительных органов муниципального образования обратимся к исторической составляющей данной проблемы. Вече, земские думы, местные советы — суть формы российского местного самоуправления на различных этапах его развития. По мнению ряда ученых, они имеют сходное назначе-

ние, порой общие организационно-правовые принципы и функции, несмотря на имеющиеся между ними существенные различия [1].

В начале прошлого столетия В. М. Хвостов говорил о пользе, приносимой народными представителями, объясняя это обстоятельство тем, что «они знают, как живет народ, чего ему недостает, к чему он стремится, и могут осведомить все власти о народных нуждах... они сами выходят из народа, являются его доверенными лицами, его избранными и ходатаями о нуждах народа... не только указывают, какие законы следует издавать и какие меры полезно принимать, но они следят и за тем, чтобы законы вообще всеми соблюдались. Чиновникам, которые всю жизнь сидят в городах или даже в столицах, невозможно всего этого знать» [2]. По нашему убеждению, четко выражен-

ные В. М. Хвостовым научные взгляды на проблему народного представительства и в целом на государственно-правовое устройство имеют актуальное значение и в настоящее время.

Аналогичное мнение высказывал Б. А. Кистяковский: «Если наше народное представительство не удовлетворяет идеалу тех, которые требуют, чтобы всякое народное представительство по своему составу точно отражало относительную силу существующих в самом народе течений и направлений, то оно все-таки дает возможность представителям различных направлений высказываться перед страной и оказывать моральное воздействие в пользу защищаемых ими взглядов» [3].

П. С. Сорокин дал, на наш взгляд, такое определение представительства, в котором выявил взаимную обусловленность формы правления уровнем общественного правосознания в конкретном государстве: «...Та или иная форма правления устанавливалась не случайно, не по капризу отдельных лиц... каждый народ заслуживает свое правительство... Если многие формы правления сейчас кажутся дикими, то они не казались такими в прошлом: они существовали не только в силу признания их обществом, в силу соответствия их правовым воззрениям большей или сильнейшей части населения. По мере изменения и улучшения правовых воззрений самого народа, улучшается и форма организации государственной власти» [4].

Однако существуют и иные точки зрения. Так, по мнению Г. Ф. Шершеневича, идея представительства является «остатком средневекового взгляда на государство с частной точки зрения, перенесением в публичное право частнопроводных институтов... Представительная республика получает свое наименование от выборных лиц, которым присваивается имя народных представителей. Но это народные избранники, а не народные представители, потому что неизвестно, кого они представляют. Если весь народ, то спрашивается перед кем; если непосредственно избравших, тогда следовало бы допустить связанность представителя данным ему поручением, между тем как в настоящее время обязательный мандат не признается. Начало представительства требовало бы далее допущения того, чтобы избиратели во всякое время могли отозвать своего представителя и заменить его другим, что также не допускается» [5].

Таким образом, Г. Ф. Шершеневич вопросы представительства тесно увязывал с идеей свободного и императивного депутатского мандата. Эта проблема и сегодня не утратила своей актуальности. Так, в России вплоть до 2005 г. практи-

ка и законодательство шли по пути признания свободным депутатского мандата. Однако после введения досрочного прекращения депутатских полномочий в случае выхода депутата из состава фракции назвать депутатский мандат свободным представляется возможным с натяжкой.

В советской литературе встречались различные понятия «органы непосредственного народного представительства» (Советы) и «органы, имеющие представительный характер» (Президиумы) [6]. И. Т. Беспалый, который ввел эти термины, писал, что многостепенность выборов съездов Советов (до 1936 г.) не лишала эти органы «представительного характера». В то же время он отмечает, что съезды были действительно представительными органами [7]. С. А. Авакьян, говоря о правовом закреплении основ организации и деятельности представительных органов, отмечал двойственную природу Советов как представительных учреждений и органов государственной власти. Причем в первом случае «представительный характер Советов обуславливает сочетание государственных и общественных начал в их организации и работе... Активное участие не только в государственных, но и в общественных делах, действительное влияние на них — норма для каждого Совета» [8]. Фактически ситуация по централизации местных органов государственной власти продолжала складываться в нашем государстве на протяжении многих десятилетий.

В современной литературе широко распространен подход к пониманию представительства как принципу демократически организованной публичной власти. Так, В. Е. Чиркин выделяет «государственную представительную демократию», при которой народ реализует свою власть (государственную и власть территориального коллектива) через избранных им представителей, через коллегиальные органы народного представительства [9]. Ей присущи общие родовые признаки представительной демократии:

- 1) представительные органы по своему составу и характеру деятельности выражают, с одной стороны, совпадающие интересы всего народа, а с другой — интересы различных слоев населения;
- 2) органы представительной демократии играют решающую роль в системе органов государства;
- 3) представительные органы обсуждают и решают вопросы на началах подлинной коллегиальности, равенства прав ее членов как участников этой коллегии;
- 4) избранные представители народа, территориального коллектива пользуются уважением со стороны других органов государства, из-

бравшего их населения, помощью и поддержкой иных государственных органов [10].

При представительной демократии, по мнению Л. М. Карапетян, представительная власть — это совокупность полномочий, делегированных народом или его частью своим выборным представителям, объединенным в специальные коллегиальные учреждения (например, муниципальные советы) на строго определенный срок, а также совокупность самих представительных органов власти. Понятие «представительная власть» характеризует не столько функциональное назначение, сколько природу власти, способ ее осуществления [11].

Позднее правоведы обращали внимание на сопряженность развития представительных органов муниципальных образований в Российской Федерации с общим процессом развития представительности в России.

О. Е. Кутафин относил представительность к числу важнейших элементов парламентаризма, «поскольку только в условиях демократического самоопределения народа парламент приобретает характер демократически легитимированного народного собрания, коренным образом отличающегося и от коллегии советников феодального сюзерена или органа корпоративного сословного представительства более позднего периода, и от представительных учреждений социалистического государства» [12].

И. М. Степанов отмечал, что «принцип парламентского парламентаризма отличает парламентаризм демократического конституционного государства как от органов корпоративного сословного представительства вековой давности, так и от представительных корпораций социалистического государства в виде советов» [13].

Ряд авторов определяет сущность отношений населения с местными представительными органами как максимально полное изъятие последними воли граждан и ее адекватное отражение в решениях властных органов. Учет интересов граждан и их реализация властными структурами образуют две составные части организационно-функциональной характеристики выборных представительных органов на местах. Самые разные аспекты взаимодействия органов местного самоуправления с населением отражаются в системе отношений народного представительства. Она включает в себя отношения, возникающие при формировании представительных органов

власти и связанные с осуществлением народом управленческих функций [14].

В то же время справедливо замечание о том, что природа представительных органов местного самоуправления не исчерпывается только функцией, связанной с осуществлением интересов населения муниципального образования [15].

В этой связи интересны исследования европейских ученых Э. Рейнольда и Б. Рейли, выделивших три формы обеспечения представительности парламента:

1) географическое представительство, когда каждый регион, будь то областной, городской или поселенческий избирательный округ, имеет в парламенте своих членов, которых выбирают и которые подотчетны своим избирателям;

2) функциональное представительство, при котором парламент должен быть представителем с точки зрения существующей в стране партийно-политической ситуации. Эффективный парламент должен адекватно отражать идеологический расклад в обществе не только через представительство политических партий, но и через отдельных независимых депутатов;

3) дескриптивное (описательное) представительство, которое предполагает, что парламент в некоторой степени является зеркалом нации, то есть он должен отражать волю народа в целом [16].

На наш взгляд, все эти формы в чистом виде вряд ли могут существовать. Скорее всего, речь идет о попытке концептуальной классификации, призванной определить роли представительства применительно к различным ситуациям, сделать акцент на его специфике применительно к мозаике местных интересов в соответствующей стране. Данная классификация может быть полезна для понимания сущности представительства как в общегосударственном, так и местном масштабе.

Таким образом, представительность — это свойство органа местной власти, способствующее выявлению потребностей и формулированию воли населения муниципального образования, выражению его интересов.

Анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных ученых позволил прийти к вполне обоснованному выводу о том, что представительность находит свое выражение в таких важнейших элементах правового статуса представительного органа муниципального образования, как порядок создания, организация деятельности и особенности его компетенции.

---

1. См.: Кокотов А. Н., Саломаткин А. С. Муниципальное право России. С. 111.

2. См.: Хвостов В. М. Значение и права народного представительства. М., 1906. С. 23—24.

3. См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 646.
4. См. Там же.
5. См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. IV. С. 270—271.
6. См.: Беспалый И. Т. Президиум Верховного Совета Союзной Республики. М., 1959. С. 19.
7. См.: Там же. С. 18.
8. См.: Авакьян С. А. Правовое регулирование деятельности Советов (конституционные основы, теория, практика). М., 1980. С. 10.
9. См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М. : Юрист. 2003. С. 151.
10. См.: Его же. Современное государство. М., 2001. С. 225—226.
11. См.: Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001. С. 313—314.
12. См.: Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. С. 417.
13. См.: Правоохранительные органы. М., 1995. С. 30
14. См.: Барабашев Г. В., Старовойтов Н. Г., Шеремет К. Ф. Советы народных депутатов на этапе совершенствования социализма. М., 1987. С. 62.
15. См.: Выдрин И. В., Кокотов А. Н. Муниципальное право России. М., 2000. С. 154.
16. Andrew Reynolds and Ben Reilly / *The International IDEA Handbook of Electoral System Design*. 1997. P. 9.

Сокращения, принятые в издании

АО — акционерное (-ые) общество (-а)
БВС — Бюллетень Верховного Суда
ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ИП — индивидуальный предприниматель
Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации
Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации
Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации
НКФ — Народный комиссариат финансов
ОГУ — областное государственное учреждение
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ООН — Организация Объединенных Наций
РГ — «Российская газета»
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль (-и)
РФ — Российская Федерация
СЗ — Свод законов
СМИ — средства массовой информации
СНГ — Содружество Независимых Государств
СНК — Совет Народных Комиссаров
Совет Федерации — Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
тыс. — тысяча (-и)
УИС — уголовно-исполнительная система
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФССП — Федеральная служба судебных приставов
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет
ЦИК России — Центральная избирательная комиссия Российской Федерации

Наши авторы

Алексеев Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ РПА Минюста России (г. Москва), antalex14@mail.ru

Амелин Александр Андреевич — аспирант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Москва), alexander-amelin@yandex.ru

Бурковская Алла Анатольевна — соискатель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России (г. Раменское) allaz-alla@yandex.ru

Иванов Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз Саратовского государственного университета Н. Г. Чернышевского, старший прокурор учебно-методического отдела прокуратуры Саратовской области (г. Саратов), aivanov@sgar.ru

Иншаков Сергей Михайлович — заведующий отделом проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ (г. Москва), insmi@yandex.ru

Кадиалиев Мурад Кадиалиевич — соискатель кафедры уголовного права и криминологии Дагестанского государственного университета, главный государственный налоговый инспектор Управления ФНС России по Республике Дагестан (г. Махачкала), muraks@mail.ru

Привалова Людмила Викторовна — аспирант кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России (г. Подольск), Privalova_l@bk.ru

Радченко Владимир Иванович — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РСФСР, главный научный сотрудник НИИ РПА Минюста России, первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ в отставке (г. Москва), Radchenko41@yandex.ru

Романов Дмитрий Иннокентьевич — преподаватель кафедры конституционного права Иркутского юридического института (филиала) РПА Минюста России (г. Иркутск), rodim555@mail.ru

Савин Владимир Юрьевич — соискатель кафедры уголовного права Саратовского юридического института МВД России, руководитель следственного отдела по Волжскому району г. Саратова Следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Саратовской области, младший советник юстиции (г. Саратов), skif32@yandex.ru

Семенова Татьяна Валентиновна — аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России (г. Москва), sem_tv19@mail.ru

Соколов Николай Яковлевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России (г. Москва), havast@mail.ru

Тютерева Наталия Николаевна — аспирант кафедры аграрного и экологического права Московской государственной юридической академии, преподаватель кафедры аграрного и экологического права Московской государственной юридической академии (филиал в г. Вологде) (г. Вологда), Natasha_nnt81@mail.ru

Чельшкова Людмила Витальевна — аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России (г. Лакинск), chelyshkova@mail.ru

Шафранова Мария Владимировна — аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики РПА Минюста России, ведущий специалист-эксперт отдела процессуального контроля Управления организации дознания и административной практики ФССП России (г. Москва), shafranova-mariya@yandex.ru

Шишкин Сергей Иванович — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Дальневосточного филиала (г. Хабаровск) РПА Минюста России, 9141580567@mail.ru

Our Authors

Alexeev Anatoliy Ivanovich — the doctor of law, professor, the chief research assistant of the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), antalex14@mail.ru

Amelin Alexander Andreevich — the post-graduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), alexander-amelin@yandex.ru

Burkovskaya Alla Anatolievna — the post-graduate of the Chair of the Entrepreneurial Law and Civil and Arbitration Process of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Ramenskoye), allaz-alla@yandex.ru

Chelyshkova Lyudmila Vitalievna — the post-graduate of the Chair of Entrepreneurial Law and Civil and Arbitration Process of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Lakinsk), chelyshkova@mail.ru

Inshakov Sergey Mikhailovich — the head of the Department of Latent Crime and Forensic Prediction of the Scientific Research Institute of the Academy of General Prosecutor of Russia (Moscow), insmi@yandex.ru

Ivanov Alexander Nikolaevich — PhD in law, the assistant professor, the head of the Chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Analysis of the Saratov State University named after N. G. Chernyshesky, the senior public prosecutor

of the Training and Methodological Department of the Saratov Region Prosecutor's Office (Saratov), aivanov@sgap.ru

Kadialiev Murad Kadialievich — the post-graduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Dagestan State University, the chief state tax inspector of the Dagestan Republic Department of the Federal Tax Service of Russia (Mahachkala), muraks@mail.ru

Privalova Lyudmila Viktorovna — the post-graduate of the Chair of Constitutional and Municipal Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Podolsk), Privalova_l@bk.ru

Radchenko Vladimir Ivanovich — PhD in law, honored lawyer of the RSFSR, retired first vice-chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, the chief researcher of the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Radchenko41@yandex.ru

Romanov Dmitry Innokentievich — the teacher of the Chair of Constitutional Law of Irkutsk Legal Institute (Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Irkutsk), rodin555@mail.ru

Savin Vladimir Yurievich — the post-graduate of the Chair of the Saratov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russian, the chief of an Investigatory Department on the Volga Area of Saratov of Investigatory Management

of Investigatory Committee at Office of Public Prosecutor of the Russian Federation across the Saratov region, the junior adviser of justice, (Saratov), skif32@yandex.ru

Semenova Tatiana Valentinovna — the post-graduate of the Chair of Entrepreneurial Law and Civil and Arbitration Process of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), sem_tv19@mail.ru

Sokolov Nikolay Yakovlevich — the Doctor of Law, the professor of the Chair of Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), havast@mail.ru

Tyutereva Natalia Nikolaevna — the post-graduate of the Chair of Agricultural and Ecology Law of the Moscow State Law Academy,

the teacher of the Chair of Agricultural and Ecology Law of the Vologda Branch of the Moscow State Law Academy (Vologda), Natasha_nnt81@mail.ru

Shafranova Maria Vladimirovna — the post-graduate of the Chair of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the leading specialist-expert of Office of the Procedural Control Department of the Organisation of Inquiry and Administrative Practice of Federal Service of Court Enforcement Officers of the Russian Federation, (Moscow), shafranova-mariya@yandex.ru

Shishkin Sergey Ivanovich — the assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure of the Far Easters Branch of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Khabarovsk), 9141580567@mail.ru

Вышли из печати

Гуреев, В. А.

Теоретико-правовые основы деятельности органов принудительного исполнения в Российской Федерации : монографический очерк / В. А. Гуреев ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 46 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-178-4.

В настоящем монографическом очерке предпринята попытка постановки отдельных теоретических вопросов, связанных с деятельностью органов принудительного исполнения в Российской Федерации, нуждающихся в последующем более глубоком научном анализе.

Работа включает рассмотрение как общетеоретических вопросов принуждения, так и вопросов государственного принуждения в рамках исполнительного производства. В рамках самостоятельной главы исследуются вопросы эволюции принудительного исполнения актов юрисдикционных органов в их исторической ретроспективе.

Несмотря на теоретическую направленность издания, оно может представлять значительный интерес для студентов юридических вузов, аспирантов и преподавателей.

Проблемы конституционного и муниципального права : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 114 с. — 65 экз. — ISBN 978-5-89172-181-4.

Сборник научных трудов сотрудников кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России посвящен актуальным вопросам конституционного права России и зарубежных стран, муниципального права и сравнительного правоведения.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Добрякова, Н. И.

Гражданско-правовая охрана и использование объектов авторского права вузов : монография / Н. И. Добрякова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 88 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-179-1.

В монографии освещены вопросы авторско-правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности вузов. В работе исследована специфика научных и учебных произведений, созданных в вузах и предназначенных для образовательного процесса, гражданско-правовые основы создания электронных библиотек вузов и их деятельности, а также проблемы использования электронных произведений для дистанционного образования. Особое внимание уделяется ограничению прав авторов при использовании их произведений в образовательном процессе. В ходе исследования показаны особенности договорного регулирования создания учебных произведений и правового положения служебных произведений.

Монография предназначена для специалистов в области интеллектуальной собственности, работников образовательных учреждений, студентов и аспирантов юридических вузов.

Перечень статей и материалов, опубликованных в 2009 году

Название статьи	Номер	Страницы
Абраменко В. Б. Институт конфискации имущества: опыт и проблемы	1	50—52
Азаров М. С. Функции доменных имен в гражданском праве	4	27—30
Айнуллина Э. И. Актуальность осуществления страхового надзора при выработке стратегии развития страхования в Российской Федерации	4	31—36
Александров А. Н. Проблемы квалификации неуважения к суду и смежных преступлений: оскорбления, оскорбления представителя власти и оскорбления военнослужащего	4	62—66
Александрова Е. В. Конституционно-правовой статус субъектов федерации	2	3—7
Андреева Ю. А. Вопросы контроля Министерства юстиции Российской Федерации в сфере нотариата	2	72—76
Антипов А. Н. Право убежища в Советском государстве в период с 1918 по 1936 годы	1	3—6
Антипов Н. А., Соболева Я. А. Понятие, виды и правовое регулирование комбинированных (смешанных) расчетов	2	21—23
Артамонов А. Н. Условия опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов как способ обеспечения прав граждан и единства правового пространства России	3	3—6

Архипов И. Ю. Экономические и правовые аспекты реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы России	4	67—71
Батова С. А. Николай Львович Дювернуа	4	3—5
Борсученко С. А. Понятие и содержание уголовной и уголовно-правовой политики	2	54—59
Борсученко С. А. Принципы уголовно-правовой политики	1	53—59
Брилев В. В. Предложения по совершенствованию раздела VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» Гражданского кодекса Российской Федерации	3	18—22
Букалерева Л. Д., Устьяев Л. Г. Информационные коррупционные преступления	4	72—75
Воеводина Т. Н. Конституционный Суд Российской Федерации как гарант реализации принципа «системы сдержек и противовесов» в системе разделения властей Российской Федерации	3	7—12
Гаврилов Е. В. Проблема наименования нового способа судебной защиты деловой репутации юридических лиц от диффамации	1	60—63
Денисова О. В. Конституционно-правовые аспекты права на рождение	2	8—11
Джужома В. В. «Контролируемая свобода» — домашний арест с использованием электронных средств наблюдения и контроля за осужденным: альтернативное уголовное наказание или очередной пример неудачного заимствования иностранного опыта?	1	64—67
Дорохина Ж. Ю. Классификация оснований прекращения трудового договора	1	68—72
Дощицина О. В. Финансово-правовая ответственность автономного учреждения как составляющая финансово-правового статуса	1	27—31
Дощицина О. В. Особенности налогообложения автономного учреждения	3	47—51
Ерофеева Д. В. Юридическое лицо как субъект права в Древнем Риме	4	6—9

Зубенко О. М. Особенности рассмотрения судами споров, обусловленных увольнением работников в связи с их несоответствием занимаемой должности	4	81—84
Иголкина К. Н. Имущественная ответственность должников за неисполнение решения суда в зарубежных странах	3	83—87
Карлагин О. Н. Особенности правовой психологии муниципальных служащих	4	10—12
Кирпичев А. Е. Запрос котировок в системе способов заключения договоров	4	37—42
Козлова Е. Б. Удержание объекта недвижимого имущества	2	24—28
Козлова Ю. М. Правовое положение временных жильцов	1	7—10
Коридзе М. Т. Социально-правовые подходы к стадии возбуждения уголовного дела	2	60—63
Кузьмичев И. В., Сахарова Ю. В. К вопросу о правовой активности и финансовой грамотности потребителей-заемщиков	2	29—32
Куликов Д. А. Особенности содержания (структуры) субъективных обязательственных прав	3	23—27
Манасян Г. В. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации и актов органов местного самоуправления в сфере развития застроенной территории	2	33—37
Манасян Г. В. Экспертный метод определения начальной цены предмета аукциона на право заключения договора о развитии застроенной территории	1	11—16
Насимов Г. А. Профилактика насильственных преступлений, совершаемых женщинами	2	64—67
Нестолий В. Г. Взгляды профессоров М. М. Агаркова и О. С. Иоффе на договор снабжения энергией: новое прочтение	3	28—32
Певцова Е. А. Образовательный и профессиональный статус современной молодежи: социолого-правовой анализ	2	12—16
Прок М. А. Политические партии в российской политической системе	4	13—16

Протасов В. Н. Ноу-хау в защите диссертаций	4	17—18
Ринчинов Б. А. Нарушения требований закона судом, постановившим судебное решение, препятствующие рассмотрению дела судом кассационной инстанции	4	76—80
Рыбакова С. В. К вопросу о методе финансового права	1	32—37
Рябова Е. В. Развитие бюджетного законодательства России в рамках правового регулирования стадии становления проекта бюджета	4	57—61
Рябцева И. Б. О реализации наследниками некоторых личных неимущественных прав автора	2	38—40
Салтанова В. М. Недействительные сделки с пороком содержания	3	33—37
Сахарова Ю. В. Право заемщика на информацию в договоре потребительского кредита	1	17—20
Семичева А. С. Проблемы финансирования в соглашениях о передаче полномочий между органами местного самоуправления	2	41—44
Серебрякова Е. Е. Правовой статус особых экономических зон Российской Федерации	3	52—57
Сиваченко А. Н. Развитие избирательного законодательства Российской Федерации на современном этапе	4	19—22
Скобликова Е. Л. Сделки как основания возникновения, изменения и прекращения семейных прав и обязанностей	4	51—56
Соколова Е. В. История возникновения и развития налогов в России	1	38—43
Стеблева Е. В. Правовое регулирование института суррогатного материнства за рубежом	3	88—90
Стеничкин Г. А. Правовые и социально-гуманитарные знания — основа профессиональной подготовки социальных работников Федеральной службы исполнения наказаний	3	66—69
Сюбарева И. Ф. Понятие и юридическая природа права самостоятельного распоряжения	1	21—23

Сюбарева И. Ф. Правовой режим имущества как вид правового режима	3	38—41
Туфар С. И. Нормативно-правовая основа статуса иностранных организаций	2	45—48
Тютерева Н. Н. Соотношение понятий «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство»	4	43—46
Удалов Д. Э. Административный регламент как источник административного процессуального права	3	78—82
Федина Е. А. Федеральная налоговая служба и ее территориальные органы как главный администратор (администраторы) налоговых доходов бюджета	1	44—46
Фуфачева Е. В. Бюджетное планирование в рамках бюджетного процесса в Российской Федерации	1	47—49
Фуфачева Е. В. Государственный и муниципальный финансовый контроль в бюджетном процессе муниципальных образований	2	49—53
Цветкова М. В. Соотношение недобросовестной конкуренции и злоупотребления правом	4	47—50
Цитульский В. Ф. К 90-летию Кодекса законов о труде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 года	4	85—88
Цыганаш В. Н. К вопросу о концепте судебной власти	4	23—26
Цыганков А. В. К вопросу о праве частной собственности на землю иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации	1	24—26
Цыганков А. В. К вопросу о правовых аспектах деятельности отдельных органов по защите социально-экономических прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации	3	13—17
Цыганков А. В. К вопросу о совершенствовании законодательства о юридической ответственности за нарушение социально-экономических прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации	2	17—20
Чефранова О. А. Соотношение понятий «жилые помещения» и «нежилые помещения» в многоквартирном доме	3	42—46

Шибанова Е. В. Тактика назначения экспертиз по делам, связанным с проявлением неуважения к суду	2	68—71
Шиловская С. А. Роль государственного аудита в повышении эффективности государственного регулирования отечественной экономики в условиях финансового кризиса	3	58—62
Ширифов Р. Место административных судов в судебной системе Республики Таджикистан	1	73—74
Шишкин С. И. Уголовно-правовая характеристика наказания в виде исправительных работ	3	70—73
Шумская А. В. Особенности бюджетных правоотношений	3	63—65
Юдин В. Н. Контроль за оборотом наркотиков как юридическая деятельность	3	74—77

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадью Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением предоставленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5—2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

**ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
46834**

в любом почтовом отделении.

Внимание! Конкурс студенческих работ!

Впервые РПА Минюста России совместно с ФССП России проводится конкурс студенческих работ, посвященных истории образования, развития института судебных приставов и современной деятельности ФССП России.

Данный конкурс станет ежегодным.

Участниками конкурса могут быть студенты РПА Минюста России и ее филиалов, а также студенты иных высших учебных заведений, изъявившие желание участвовать в конкурсе.

Конкурс проводится **с сентября 2009 г. по август 2010 г.**

Прием студенческих работ осуществляется конкурсной комиссией **с 1 сентября 2009 г. по 20 июля 2010 г.**

Подведение итогов конкурса и определение его победителей пройдет в срок **до 1 сентября 2010 г.**

Номинация конкурса — «Лучшая студенческая работа по истории образования, развития института судебных приставов в России и современной деятельности ФССП России».

Работы могут представляться в одну из следующих тематических групп:

- «Важность государственного института судебных приставов и актуальные проблемы исполнительного производства»;
- «История развития института судебных приставов в России»;
- «Правовой статус ФССП России»;
- «Дознание и административная практика в ФССП России»;
- «Вопросы обеспечения установленного порядка деятельности судов в России».

При подведении итогов конкурса будут учитываться следующие показатели:

- историческая значимость научной работы;
- практическая значимость научной работы в целом и для ФССП России в частности;
- степень готовности внедрения разработки;
- качество оформления работы.

Требования к работе:

- результаты научных исследований должны быть оформлены и представлены в форме научного доклада или научного отчета;
- объем работы — 10—30 страниц при соблюдении следующих параметров: шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1,5;
- допускаются приложения в виде иллюстраций, статистических данных и т. д.

Участник может подать для участия в конкурсе не более одной работы.

На конкурс принимаются только работы, выполненные индивидуально.

Награждение победителей и активных участников конкурса будет проводиться в ФССП России.

Правила оформления заявки размещены на сайте РПА Минюста России www.rpa-mi.ru.

Работа с заявкой должна быть представлена в печатном и электронном виде по адресу: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1 — с пометкой «Конкурс ФССП России».

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ И ЖДЕМ ВАШИХ РАБОТ!

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учебник

Автор: А. А. Титов

Серия: Магистр

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 320271

ISBN: 978-5-9916-0256-3

Издание: 3

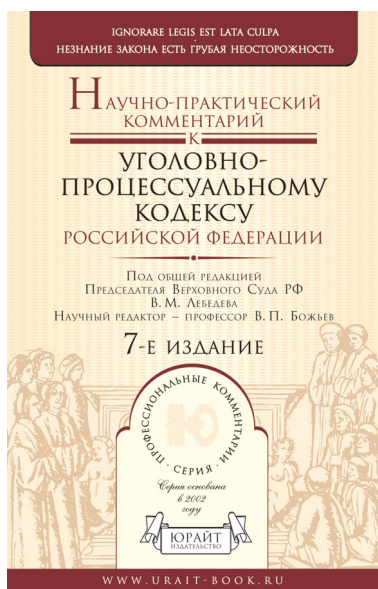
Страниц: 470

Переплет: переплет

Формат: 84x108/32

Учебник подготовлен на базе новейшего жилищного законодательства. Материал изложен в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта и программой курса «Жилищное право» и содержит объективную характеристику современного жилищного права. В данном издании анализируются вопросы развития жилищного законодательства и применения норм Жилищного кодекса РФ, существенно обновлена нормативная база, широко представлена судебная правоприменительная практика. Рассматриваются положения (выводы), высказанные учеными и специалистами в данной области, приведены необходимые статистические данные.

Для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030501 (021100) «Юриспруденция», 030500 (521400) «Юриспруденция (магистр)», а также для аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, работников прокуратур, судов, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Под редакцией В. М. Лебедева, В. П. Божьева

Серия: Профессиональные комментарии

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 333698

ISBN: 978-5-9916-0692-9

Издание: 7

Страниц: 1214

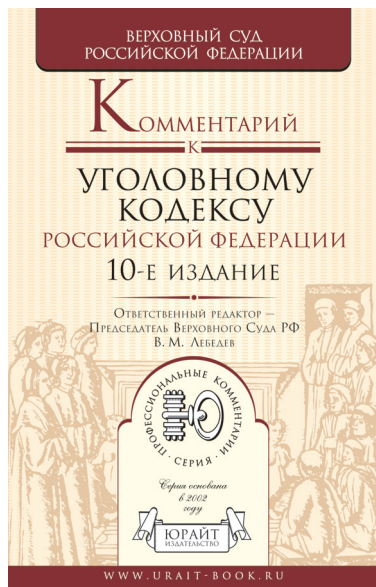
Переплет: переплет

Формат: 60x90/16

Научно-практический комментарий подготовлен ведущими юристами — известными учеными и практическими работниками судов, других правоохранительных органов.

При переиздании Комментария учтены поправки, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также в федеральные законы и иные нормативные акты, относящиеся к уголовно-процессуальной деятельности. В работе использованы новейшие акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и материалы судебной практики по конкретным делам. Текст Уголовно-процессуального кодекса РФ приводится по состоянию на 1 февраля 2010 г.

Для судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов, студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников юридических образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также всех тех, кто проявляет интерес к современному российскому уголовно-процессуальному законодательству.

КОММЕНТАРИЙ К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ответственный редактор: *В. М. Лебедев*

Серия: **Профессиональные комментарии**

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 333699

ISBN: 978-5-9916-0752-0

Издание: 10

Страниц: 931

Переплет: переплет

Формат: 84x108/32

Предлагаемый постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ представляет собой уникальное сочетание профессиональных знаний известных российских ученых-юристов в области уголовного права и результатов практического применения Уголовного кодекса РФ судьями Верховного Суда РФ. В издании подробно анализируется каждая его норма, особое внимание уделяется практическим аспектам применения его статей. Десятое издание Комментария (первое — 2001 г.) учитывает все изменения, произошедшие в уголовном и смежном с ним законодательстве, включая федеральные законы от 27.12.2009 № 377-ФЗ, регулирующий вопросы применения наказания в виде ограничения свободы, и от 29.12.2009 № 383-ФЗ, касающийся налоговых преступлений. Учтена судебная практика, наработанная за время действия Уголовного кодекса РФ и отраженная в решениях Президиума, Судебной коллегии по уголовным делам и Военной коллегии Верховного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Для удобства издание снабжено алфавитно-предметным указателем.

Для судей, работников органов дознания и предварительного следствия, практических работников органов внутренних дел, органов ФСБ России, прокуратуры, других правоохранительных органов, органов юстиции, адвокатов, а также студентов, преподавателей юридических вузов и научных работников.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ, ЧАСТЕЙ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ

Под редакцией *В. А. Белова*

Серия: **Практика применения**

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 304161

ISBN: 978-5-9788-0077-7

Издание: 1

Страниц: 1430

Переплет: переплет

Формат: 60x90/16

Настоящая книга представляет собой первый опыт комментария практики применения норм частей второй и третьей Гражданского кодекса РФ Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ и арбитражными судами округов и может служить как одним из самых полных справочников по материалам современной судебной и арбитражной практики, так и единственным пособием, развивающим навык научного критического отношения практикующих юристов к деятельности отечественных судебных инстанций. Является продолжением книги *Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой*, посвященной комментарию практики применения норм части первой Гражданского кодекса РФ (2008 г.) Для практикующих юристов.